ДО И ПОСЛЕ ЗАПРЕТА КПСС

ПЕРВЫЙ СЕКРЕТАРЬ МГК КПСС ВСПОМИНАЕТ...

Юрий Прокофьев

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Жизнь не только одного последнего первого секретаря Московского горкома коммунистической партии разделилась словно бы на две половины - до и после запрета КПСС. Для миллионов коммунистов и беспартийных разрушение советского строя с его уверенностью в завтрашнем дне, социальной защищенностью, взаимовыручкой, равенством стало личной трагедией. Тяжело пришлось всем: и тем, кто входил в так называемую номенклатуру, но не побежал, задрав штаны, за Горбачевым и Ельциным, и тем, кто никогда не пользовался никакими привилегиями. В воспоминаниях Ю. А. Прокофьева не только описывается наша советская Родина такой, какой мы ее любили и любим, но и впервые приводятся многие не - известные подробности о ликвидации СССР и КПСС руками самой партийной верхушки.

- Юрий Анатольевич Прокофьев
  -
  - Харакири не ожидается
  - Родом из Измайлова
  - Секрет вечной молодости
  - Что было, то было
  - Как развалили партию
  - Как развалили страну
  - Власти предержащие
  - Боже, милостив буди мне
  - Пятый пункт
  - Пить или не пить?
  - Напоследок...
  - Нам не дано предугадать
  - Иллюзии и разочарования
  - Постскриптум

Юрий Анатольевич Прокофьев
До и после запрета КПСС
Первый секретарь МГК КПСС вспоминает…

Сколько бы ни пришлось жить на свете, никогда не перестаешь удивляться России. Нет в мире страны более неожиданной и противоречивой.

Константин Паустовский

Сегодня стало модным чернить прошлое. Видимо, потому, что в нынешней российской жизни особо хвалиться нечем. Находятся ловкачи, пытающиеся переписать историю.

Получается так, что у нас вроде и нет прошлого. Все будто началось с «колбасной революции» 1991 года. Даже Вторую мировую войну вроде бы выиграли без нас американцы и англичане. Ничего у нас нет за спиной. Пустота. Порвалась связь времен.

К сожалению, мы всегда предпочитали разрушать и начинать заново. Приезжаешь, к примеру, во Францию, и показывают тебе в деревне постройки XV—XVI веков. К ним добавляют, пристраивают. Или другой пример: на одной площади города стоит памятник Наполеону, на другой — недалеко — Робеспьеру. Это история. Там все время происходит наращивание к существующим материальной и культурной базам.

Мне кажется, преимущество европейских государств перед нами заключается не только в том, что там хорошие дороги и меньше дураков, но и в том, что они бережно относятся к своему прошлому и учатся на своих ошибках, стараясь их не повторять.

В России страшные войны, пожары разрушали все. Сколько горела, например, Москва! А сколько мы разрушили сами! Пели: «Весь мир насилья мы разрушим до основания, а затем / Мы наш, мы новый мир построим…» Сейчас тоже идем по пути разрушения того, что было создано в течение XX века народами Советского Союза и чем могли бы гордиться грядущие поколения.

Разрушается не только экономика, но и культура, наша память, наша история. Делается это сознательно, чтобы на Руси остались одни Иваны, не помнящие родства.

Сейчас, как никогда, назрела необходимость соединить поколения российских людей, восстановить связь времен. Мои воспоминания — одна из попыток содействовать этому воссоединению.

Я расскажу о времени, в котором я жил, — времени надежд и тревог, о своей стране, где я родился и вырос, а также об иллюзиях и разочарованиях, об ощущениях очевидца и участника событий, порой загадочных и страшных.

Харакири не ожидается

Было это через год после событий девяносто первого. Один историк, очень вежливый и очень настойчивый, просил меня о встрече. Хотел, чтобы я рассказал: испугался ли, когда стал безработным, не собирался ли паче чаяния наложить на себя руки? Ведь было мне в ту пору пятьдесят с лишним лет.

Я отказался от встречи. Время для таких бесед еще не созрело. Да и поймут ли там, в Стране восходящего солнца (историк был японцем) нашу российскую грусть? Он изучал жизнь самураев и, как выяснилось, хотел сравнить поведение в критических ситуациях самураев и функционеров КПСС после запрета коммунистической партии.

Моменту, когда я очутился не у дел, предшествовали столь грандиозные события, происходившие в стране, что мое собственное положение не представлялось чрезмерно драматичным.

Правда, прошедший год не был для меня безмятежным: бесконечные допросы, обыски дома и в рабочем кабинете, необходимость информировать обо всех моих выездах из Москвы.

Но вот я свободен... Сняты все обвинения и обязательства. Новые знакомые спрашивают осторожно: «Так это вы — последний секретарь?» — «Да, я.Последний первый секретарь Московского горкома партии».

В слове «последний» есть что-то мистическое: последний император, последний из могикан, последний из удэге. Кстати, как там кончается один из фа- деевских романов? Кажется: «Надо было жить дальше и выполнять свои служебные обязанности». А вот обязанностей у меня не стало, и службы нет.

Помыкался я недолго. В феврале 1992 года меня пригласили в акционерное общество «Инновационная компания «Панорама», и я стал ее вице-президентом.

Тогда только начиналась «игра в президенты», которая продолжается по сию пору: куда ни кинь — всюду президенты. Полно их и в регионах с населением не более одного московского микрорайона, многочисленные президенты возглавляют и крошечные компании со штатом в полтора десятка человек. Должность «президент» и «вице-президент» придает человеку значительность в глазах обывателя.

Наше акционерное общество состояло в основном из «бывших». Нельзя сказать, что мы вершили великие дела и ворочали большими капиталами. Начало нашей деятельности положил кредит банка РФ в сто тысяч рублей. На эти деньги

особо не разгуляешься.

Размещались мы на территории трамвайного депо им. Русакова — в бывшем общежитии трамвайщиков. Прежних обитателей отселили, поскольку помещение не соответствовало санитарным нормам. Но нас все устраивало. Я вспоминаю то время с большой теплотой.

Коллектив был дружный, идей полно, желание работать огромное. В мои функции входили разработка программ, реализация проектов, расчет необходимых средств и экономической эффективности, подбор исполнителей.

Сколько всевозможных проектов мы рассмотрели! Не менее полусотни. Остановились на трех. Первый проект назывался так: «Переработка твердых материалов (в первую очередь металлов), зараженных радиоактивными нуклидами». Это была попытка решить проблему радиоактивных отходов! Был построен в городе Сосновый бор под Санкт-Петербургом опытный комплекс переработки металла, зараженного радиоактивными нуклидами. Провели переплавку металла с третьего и второго контуров Балаковской и Чернобыльской АЭС. Комиссия Госатомнадзора дала положительное заключение — радиация отсутствовала.

Мы отлили из этого металла бокалы, наполнили их (не водой, конечно), чокнулись и отметили 1 Мая 1993 года и нашу победу. А дальше, как в старинном романсе: «Боже, какими мы были наивными»... Начались бесконечные хождения в Росатомэнерго, Минатом, в НИИ к будущему «атомному» министру Адамову (потом он ратовал за ввоз в Россию радиоактивных отходов!). Ответ всюду был один: нет денег, территорий для свалки зараженного металла пока хватает, приходите лет эдак через семь — десять. Пришлось, чтоб погасить расходы, продать этот мини- металлургический завод в Эстонии для переплавки металлолома.Был и второй проект с несколько прозаическим названием: «Производство лекарственных препаратов от диареи у скота». Что такое диарея, известно: понос. Но мало кто знает, сколько телят в России погибает от этой самой диареи.

Производство нами медикаментов было налажено на заводе, ранее производившем бактериологическое оружие. Но продать лекарство удалось только в Белоруссию. В России же сельское хозяйство находилось в большом упадке, скот погибал, но даже минимальных денег на лекарство не было.

Судьба третьего проекта — «Передача информации по телевизионным каналам, не мешая изображению» оказалась более счастливой. Впоследствии эта уникальная, нигде ранее не применявшаяся технология вошла в стандарты как технология

«ТВ-Информ».

Рыночные отношения требовали широкой, надежной и доступной сети телекоммуникаций. Россия в этом плане значительно отставала от Западной Европы, а у государственных ведомств не хватало средств на аренду не только спутниковых, но и просто телефонных каналов.

В чем суть проекта? Телевизионный сигнал по своей природе избыточен, он, кроме видеоряда и звукового сопровождения, может нести дополнительную информацию. Надо только научиться в него ее «замешивать» так, чтобы она не мешала изображению. Мы сделали это!

Сколько людей нам помогало, ученых, разработчиков! Потом многие из них стали владельцами патентов на технологию передачи данных по телевизионным каналам «ТВ-Информ». И еще: мы, надеюсь, доказали «демократам», менеэсам и завлабам, что партийные работники кое-что стоят и не в своем номенклатурном кресле.

После получения необходимых документов в октябре 1992 года было создано акционерное общество «ТВ-Информ». Я стал его генеральным директором. Вначале у нас было около 150 пользователей, большую часть которых составляли учебные заведения, разбросанные по всей России от Калининграда до Камчатки. После событий сентября-октября 1993 года были назначены выборы в Государственную думу. Времени оставалось мало — выборы должны состояться в декабре. Связисты попали в сложную ситуацию. И тогда министр связи В.Б. Булгак предложил Центризбиркому технологию «ТВ-Информ».

9 ноября был заключен договор с Центризбиркомом, и через две недели по всей России, в 225 избирательных округах стояла наша аппаратура. Работали день и ночь. Люди приезжали к нам из регионов, и мы обучали их обращению с аппаратурой. В день проходило по 40—50 человек.

Последним было установлено оборудование в Москве в Университетском округе. С задачей мы справились успешно, и это стало лучшей рекламой для технологии «ТВ-Информ».

Одно из преимуществ нашей технологии — оперативность. Мы можем передавать информацию одновременно неограниченному числу абонентов. Поэтому нашими клиентами стали некоторые силовые структуры. Более десяти лет мы передаем в регионы информацию Главного информационного центра МВД России. Аппаратура «ТВ-Информ», установлена в управлениях внутренних дел и на федеральных контрольно-пропускных пунктах в Чеченской республике. Устанавливалась она нашими сотрудниками вместе с офицерами ГИЦ МВД иногда

и под обстрелом.

Применяют эту аппаратуру министерства внутренних дел Киргизии, Армении, Азербайджана.

С первого года формирования налоговая полиция РФ была обустроена системой связи «ТВ-Информ». С налоговиками пришлось повозиться, так как региональные подразделения первоначально комплектовались людьми, впоследствии получившими название «маски-шоу»: они виртуозно владели всеми видами оружия, а не компьютерами.

Впоследствии эта сеть связи перешла к Гос- наркоконтролю. Активно использует технологию «ТВ-Информ» Росгидромет для передачи сводок и метеокарт. Не забыли мы и образование. Так, министерство образования Хабаровского края передает в Москву по спутнику свою информацию, а мы ее — во все отдаленные поселки и сельские школы края.

Так что сидите вы, читатель, у телевизора, смотрите «Время» или очередную серию «Улицы разбитых фонарей», а в это время незаметно для глаз идет информация об угнанных автомобилях, похищенных и пропавших людях, оружии; передаются метеосводки, учебные пособия и методические разработки для школ, указания по борьбе с распространением наркотиков, другая информация.

Мы не стояли на месте. Со временем вместо громоздких ящиков появились изящные платы, вставляемые в компьютеры. Применяются и другие достижения электроники и телевидения. В 2000-м году группе разработчиков технологии и аппаратуры «ТВ-Информ», организаторам сетей передачи данных, в том числе и мне, была присуждена Государственная премия Российской Федерации в области науки и техники.

Более семи лет вместе со мной работал мой сын Дмитрий, кандидат экономических наук, ранее трудившийся на крупнейшем предприятии электронной промышленности СССР. Он привлек к разработкам молодых специалистов — электронщиков и программистов Зеленограда, что в немалой степени способствовало применению при разработке нового поколения аппаратуры «ТВ-Информ» последних достижений как отечественной, так и зарубежной науки.

Стремясь не отставать от технического прогресса, сотрудники «ТВ-Информ» разработали и в ближайшее время будут внедрять программно-аппаратные комплексы, позволяющие передавать информацию в цифровом телевизионном потоке.

Работаем мы в хорошо известном москвичам здании на Большой Полянке, замечательной улице любимой моей Москвы. А сколько мы боролись за него! И мэр на него претендовал, и МВД.

Но мы не были наивными, находили ходы-выходы, судились-рядились...

Этот дом был построен в 1901 году как Учительский институт Его Императорского Величества. Кто только не размещался в нем за прошедшее столетие!

И женская гимназия, и всеобщая общеобразовательная школа, и штаб противовоздушной обороны Москвы в годы Великой Отечественной войны, и райисполком и райком партии, и Московский университет марксизма-ленинизма — будущий Московский политический институт, в котором прошли подготовку многие депутаты последнего съезда Советов.

Незадолго до событий августа 1991 года на его базе создан «Культурный центр на Большой Полянке» — организация с участием иностранного капитала.

Я так подробно рассказываю об этом здании, потому что люди, которые в нем работали, сыграли значительную роль в моей жизни.

Здесь я познакомился с легендой не только нашей, но и мировой разведки Юрием Ивановичем Дроздовым, одиннадцать лет возглавлявшим нелегальную разведку КГБ СССР, бывшим нашим резидентом в Германии, США, Китае, руководившим штурмом дворца Амина в Афганистане.

Человек высочайшей эрудиции, Юрий Иванович Дроздов руководит Независимым аналитическим агентством. Материалы агентства отличаются отсутствием какой-либо ангажированности, они беспристрастны (за исключением вопросов национальной безопасности и национальных интересов России). Они ложатся на стол целого ряда государственных и политических деятелей России. Именно знакомство с ними позволяет мне быть в курсе всех значимых событий в нашей стране и за рубежом, прогнозировать ход их развития.Дом на Большой Полянке вообще уникален. В наше сложное время он, как магнит, притягивал к себе истинных патриотов. В их числе и митрополита Волоколамского и Юрьевского Питирима (в миру — Константин Владимирович Нечаев), к сожалению, уже ушедшего из жизни. Все, кто общался с ним, ощущали влияние его незаурядной личности. Мало кто знает, что он, почти восьмидесятилетний человек, с группой суворовцев повторил путь Александра Васильевича Суворова через Альпы.

У нас он появился не случайно. Спецслужбы и армия считали владыку Питирима своим духовником, его влияние в их среде как государственника и патриота было значительно.

В доме на Большой Полянке в свое время располагались афганцы Руслана Аушева. Здесь активно работает Ассоциация

ветеранов «Вымпел-Союз», которую возглавляет последний командир спецподраз- деления КГБ СССР «Вымпел» генерал Борис Петрович Бесков, а также Общероссийская общественная организация РОСПО (Российская организация сотрудников правоохранительных органов). Ее подразделения имеются более чем в половине регионов России.

На Большой Полянке находится и редакция журнала «Плацдарм», в котором я возглавляю его редакционный Совет. Основная тема журнала — вопросы национальной безопасности во всех ее аспектах: экономическом, информационном, культурном, демографическом, оборонном и других. Главный редактор журнала Леонид Александрович Герасин одновременно возглавляет Исполком РОСПО. В состав редколлегии входят такие известные люди, как историк доктор наук Анатолий Филиппович Смирнов, народный артист СССР Василий Лановой, певец и композитор, любимец спецслужб Михаил Ножкин. В 2003 году наши ряды пополнились вице-президентом академии геополитических проблем генерал-полковником Ивашовым, не только аналитиком и политическим деятелем, но и прекрасным поэтом.

Таково настоящее, в котором я живу. Но это настоящее не исчерпывается интересной и успешной работой и знакомством с яркими людьми, российскими патриотами. В него вторгается глубоко беспокоящая меня российская действительность, о которой сегодня нельзя молчать. Я не могу согласиться с той ложью, которая лежит в основе политики, направленной на лишение моего народа исторической памяти.

Мысль написать непредвзято о прошлом возникла у меня давно — еще десять лет назад. Думал, это надо сделать по свежим следам, пока еще душа сохраняет эмоции того времени. Но поток мемуарной литературы, обрушившийся на читателей после 1991 года, остановил меня. Уж очень она была далека от правды, слишком насыщена стремлением обелить себя и очернить других.

В воспоминаниях таких авторов я предстаю по- разному. Чего стоит, например, вранье Гавриила Попова в его так называемых исторических хрониках (видимо, Шекспир навеял)! В этом сочинении я выгляжу неким инфернальным персонажем. Прямо Ричард III, только не хромой и не горбатый. По его версии, всякий разговор по телефону с руководством мэрии я всегда заканчивал словами: «Вы об этом пожалеете. И очень скоро». Передергивать Г. Попов всегда умел. Мастер!

Зачастую писали люди, которые не были непосредственными участниками событий и, как правило, искажали их суть.

Я понял также, что без исследования достаточно широкой полосы жизни нашего общества, анализа прошлой деятельности Коммунистической партии трудно объективно оценить события конца восьмидесятых — начала девяностых годов прошлого века, разобраться в них.

Волей судьбы я был в гуще событий хрущевской оттепели, работал в комсомоле, находился на ответственной и руководящей партийной работе самого различного уровня — от райкома партии до Политбюро ЦК КПСС. У меня есть знания и опыт, которого нет у нынешнего поколения, и я готов поделиться этим с молодыми.

Мне повезло. Во второй половине 1996 года мной заинтересовались в РЦХДНИ — Российском центре хранения документов новейшей истории (ныне Российский государственный архив социально- политической истории — РГАСПИ). Я безмерно благодарен сотруднице архива Галине Андреевне Юдинковой, которая из месяца в месяц четыре года вела записи бесед со мной, позволившие мне непредвзято, как мне кажется, рассказать о себе, о моей партийной и советской работе, более четко определить свое отношение к людям и событиям, участником которых я был.

Годы, прошедшие после бесед в архиве, позволили мне более объективно, как бы со стороны, оценить все, что было тогда рассказано.

Возвращение к прошлому предохраняет нас от повторения ошибок. Помня о прошлом, политик думает о настоящем и будущем.

Итак, поговорим о прошлом...

Родом из Измайлова

Моя престарелая тетушка пыталась составить генеалогическое древо Прокофьевых. Но работа эта не была завершена, и поэтому я могу рассказать лишь о тех, кого помню, о ком мне рассказали — о своих дедушках и бабушках, отце, матери и сестрах.

Мой дед по отцовской линии Федор Викторович Прокофьев был из крестьян Тульской губернии. Он работал машинистом на Курской железной дороге и за безупречную службу даже имел благодарность. Когда у него стали болеть ноги (а тогда требования к здоровью машиниста были такими же, как сейчас к летчикам), он вынужден был перейти на работу в железнодорожные мастерские на станции Тула. Там, при станции, в деревянном бараке жила его большая семья — из восьми детей выжили три сына и три дочери.

Бабушка Евгения Николаевна Прокофьева (в девичестве Панфилова) рано овдовела (дедушка умер в 1916 году, бабушка пережила его на тридцать лет), но она сделала все, чтобы все шестеро детей смогли получить образование.

Происходила она из семьи иконописца, была человеком глубоко верующим. Характер у нее был жесткий, и до конца жизни она крепко держала всю семью в своих руках. А в доме жило тогда человек тридцать: три сестры, три брата, и у каждого семья, у каждого дети. Помню, отцу было уже 47 лет, а его старшему брату почти пятьдесят, но они слушались ее беспрекословно. Отец и в партию не вступил из-за своей матери, которая по религиозным мотивам была категорически против этого. Но вот никому из внуков своей веры не навязывала.

Мне она запомнилось как очень строгий, честный и доброжелательный человек. Бабушка готовила меня к школе да и потом вместе со мной «проходила» кое-какие предметы, помогала.

Отец мой Анатолий Федорович Прокофьев до революции учился в реальном училище, но не смог его закончить, так как после смерти отца вынужден был пойти работать на тульскую электростанцию дежурным электриком. В 1922 году его по комсомольской путевке направили учиться в Москву в Институт народного хозяйства им. Плеханова, закончил строительный факультет. Здесь, в Москве он и встретился с моей мамой Ниной Алексеевной.

Родителей моей мамы я совсем не помню — был еще мал. Они тяжело болели и умерли в эвакуации во время войны. По

рассказам мамы знаю, что дед Алексей Васильевич Ширинский — коренной волжанин из мещан. Он работал счетоводом на хлопчатобумажной фабрике в рабочем поселке Банячки недалеко от Кинешмы. Бабушка Алина Карловна (в девичестве Поль) — прибалтийская немка. Она родилась в Вильнюсе, знала немецкий язык и приехала в Кинешму работать гувернанткой в семье владельца той фабрики, на которой работал мой дед. Здесь они встретились и поженились.

Моя мать появилась на свет в этом поселке, хотя записано, что она родилась в Кинешме.

Семья у них тоже была большая: два сына и две дочери. Только один дядя умер до войны. Остальные дожили здесь, в Москве, до 80-х годов. Мама окончила школу и работала секретарем-машинисткой на меховой фабрике в Измайлове.

Познакомились вначале сыновья Прокофьевых и Ширинских, потом сестры. Получились две интересные пары: папа и мама, а брат моей мамы женился на сестре моего отца. Как бы дважды породнились.

В 1926 году один из братьев моего отца получил участок земли в Измайлове под строительство дома. Общими усилиями три брата и три сестры — мои дяди, тети и отец — построили деревянный дом, и в нем они все поселились.

Со временем дядья переженились, а сестры вышли замуж. Разрастался и дом: обстраивался самодельными пристройками, терраски обивались досками и утеплялись, превращаясь в комнаты. Все полы в доме были почему-то с уклоном в 10 градусов, и по ним нужно было не ходить, а скользить. В конце концов, с годами дом стал представлять собой довольно живописное зрелище. В 1974 году его снесли.

У меня три сестры. Старшая Ирина — пенсионерка, живет в Москве. Средняя, Лидия, вышла замуж за венгра и живет у него на родине. Преподавала в Дебреценском университете русский язык. Младшая сестра Таня живет в Тушине. Она доктор экономических наук. Когда-то работала в институте Госплана СССР, потом в НИИ Главмосавтотранса.

Во время войны на старшую сестру легли нелегкие заботы о хозяйстве и воспитание двух младших сестер, поэтому только она не получила высшего образования. Мы же все трое окончили вузы и имеем ученые степени.

Отец, как инженер-строитель, много ездил по стране, а с ним и его семья. Потому я и родился на острове в Аральском море, куда в очередную командировку направили служить моего отца. Официальным местом моего рождения является город Муйнак Каракалпакской АССР.

Весной 1941 года стояла страшная жара, и на семейном совете было решено вывезти детей в Москву, поближе к прохладным кущам Измайловского парка.

Мне не было и трех лет, когда 22 июня 1941 года поезд, где находилось и наше семейство — мама с детьми, — был остановлен, не доезжая Москвы, в Раменском, и мы узнали, что началась война.

Мы поселились в доме в Измайлове, однако задержаться здесь на этот раз не пришлось: фронт стремительно приближался к Москве, и мы снова вынуждены были сорваться с места, на сей раз — в эвакуацию, сначала в Уфу, затем в Тавду и Ташкент.

Отец первые два года войны служил в наших войсках в Иране. Там он тяжело заболел среднеазиатской желтухой, да и туберкулез, перенесенный в юности, давал себя знать. После этого он долго болел и в 1947 году был комиссован в звании майора.

Жили мы материально очень трудно. Мама много болела, отец — тоже. Все это — война, болезни, большая семья и невысокое звание отца — отразилось на материальном положении семьи. После войны отец служил в Черновцах, и я помню, как мать плакала, что не может накормить детей: на всех четверых ребят — несколько початков кукурузы, а сестренка просила дать «хоть одну барабуленку».

Позже отец поокреп, стал работать строителем в системе Министерства пищевой промышленности и тоже часто ездил в командировки. При его непосредственном участии построены заводы по производству сгущенного молока и мясокомбинаты в Белоруссии, Армении, Литве, Чувашии.

В Москве он участвовал в строительстве Останкинского мясоперерабатывающего завода. Работал под непосредственным руководством Анастаса Ивановича Микояна. Потом вышел на пенсию.

Отец умер в 1981 году, на двадцать лет пережив маму...

...После возвращения из эвакуации, в 1946 году, мы вновь поселились в измайловском доме.

При доме был хороший сад. Там сажали также картошку, выращивали овощи, посадили несколько яблонь. В голодные послевоенные годы дары огорода были существенной добавкой к столу. По мере улучшения жизни цветы стали вытеснять овощи.

Обычно на лето все родственники съезжались в Измайлово и селились в сарайчиках на участке. По пятьдесят человек, бывало, размещалось на этом пятачке. Жили дружно. Если летом случались праздники, то вытаскивали во двор столы и стулья и отмечали их все вместе...

Чем в ту пору было для меня Измайлово? Позволю себе перефразировать известный монолог про театр: знаете ли вы, что такое Измайловский парк? Это перелески, рощицы, буйство сирени и черемухи по весне, нарциссы под дождем, ворох желтых листьев осенью, недозрелые сморщенные помидоры на подоконнике. Это запорошенные снегом дома, стайки лыжников в разноцветных костюмах, дети, съезжающие с горок на санках, владельцы собак, важно прогуливающие своих питомцев по аллеям и дорожкам. И одновременно — возможность на метро или — в пору моей юности — на третьем автобусе довольно быстро очутиться в самом центре Москвы.

В нашей семье у каждого из детей были свои обязанности: кто-то занимался уборкой, кто-то готовкой. Я должен был ходить по магазинам. И уже в первом классе меня посылали за хлебом, а потом обязанностей становилось все больше и больше. Зимой я заготавливал дрова — у нас было печное отопление. Поначалу доверяли носить чурки, а подрос — пилил и колол.

В дом к нам всегда приходило много ребятни. Родители никогда не пресекали, а наоборот, поощряли наше общение с друзьями, относились к ним терпеливо. Ко мне, например, очень часто приходили ребята по пять — шесть человек готовить уроки. И не только в теплые месяцы, но и зимой. К сестрам тоже приходили компании, так что дом всегда был полон молодежи. Чувство коллективизма, выполнение разных обязанностей по дому воспитывали самостоятельность, а это помогало в дальнейшем пробивать дорогу в жизни без помощи «мохнатых лап».

...Желанным подарком всегда были книги. Любовь к ним сохранилась и поныне. У меня в библиотеке около трех тысяч книг. Больше всего люблю прозу. Я воспитан на Паустовском, Джеке Лондоне, Александре Грине. Из поэтов люблю Пушкина, Есенина, Маяковского, Константина Симонова.

В семье у нас своей библиотеки не было. Мы всю жизнь переезжали с места на место, и возить с собой книги и во время войны и после не представлялось возможным. Небольшую библиотеку собрала жена брата моего отца. Тетушка по существу этой библиотекой заведовала, а поскольку мы жили в одном доме, книгами пользовались все. Она очень хорошо с детьми работала. Когда кто-либо из нас или наших друзей брал книгу, тетя обязательно спрашивала, что понравилось, а что не понравилось, проверяя, таким образом, насколько книжка прочитана. Подсказывала, какую литературу лучше выбрать. Библиотека по нынешним меркам была небольшая — всего два шкафа. Когда немцы подходили к Москве, часть книг, наиболее

ценных для семьи, закопали, поэтому книги сохранились.

Свою библиотеку в основном я создавал сам. Но в ней есть и книги, которые дарили мне родители, покупали сестры. Потом они вышли замуж, разлетелись из родного гнезда, а книги остались.

Сын тоже много читал. А вот внука старшего до 4 класса приходилось понуждать: он любил слушать, а сам читать не хотел. Только сейчас увлекся книгами. У ребят теперь другое увлечение — компьютеры. Это и полезно и вредно. Я считаю, что никакой компьютер, а также телевизор заменить чтение не могут. Но в нашу эпоху надо со всем этим уметь ладить. Радует, что младший внук — книгочей. Читает книги запоем.

В школу я пошел через два года после войны. В это время это была семилетка с раздельным обучением. У нас учились одни мальчики. Девочки занимались в соседней школе. Семилетнее образование тогда было обязательным. Позднее школа стала десятилеткой с совместным обучением.

Школа у нас была необычная. Говорят, что она построена по проекту Надежды Константиновны Крупской. Таких только две в Москве. Все остальные школы строились в виде пятиэтажных коробочек без лифта. Скученность в них была большая. Наша школа не была многоэтажной — только три этажа. Такие школы называли «самолетик». В ней было два крыла и центр, где находился полукруглый актовый зал и большой, тоже полукруглый, спортивный зал. В одном крыле занимались младшие классы, в другом — старшие. Очень удобная школа. Мы ее любили и до сих пор вспоминаем с удовольствием. Сейчас там размещается НИИ.

Это было тяжелое голодное время. Помню, Слава Чикин, приехавший в Москву из деревни, пришел к нам в класс в лаптях. На завтрак в большую перемену в класс вносили картонную коробку, в которой для каждого из 40 учеников лежали один бублик и две конфеты «подушечки».

Старостой класса был Толя Норкин. Ему было, наверное, лет 16—17. Он жил где-то в эвакуации и там не учился, вот и пошел в таком возрасте во второй класс. Отца у него не было — погиб на фронте. Чтобы помочь матери, Толя по ночам работал в котельной, а утром приходил в школу в ватнике, всегда садился на последнюю парту и очень помогал учительнице в наведении порядка. Когда мы окончили четвертый класс, он женился и ушел от нас в школу рабочей молодежи.

Школа через собес и родительский комитет делала все возможное, чтобы помочь особенно нуждающимся ребятам. Я думаю, что с нынешней системой образования и порядками в

школе мы не смогли бы стать страной сплошной грамотности, и не было бы такого количества людей с высшим и специальным образованием, как в советское время.

Расположена школа была в районе Окружной железной дороги недалеко от Щербаковской улицы, там, где много фабрик, авиационные заводы, текстильные предприятия. Это густонаселенный промышленный район.

Я просыпался утром по заводским гудкам: вот 45-й гудит, это завод Лепсе, это электрозавод, это фабрика «Красная заря». У всех гудков были разные голоса, и с семи утра они начинали гудеть.

В школе училось много шпаны. Кашин любил прицепить корыто к трамваю и по Щербаковской улице ехать в этом корыте за трамваем. Отличился он тем, что на спор в метро на станции «Семеновская» спустился в корыте по эскалатору. Позже его посадили за бандитизм. Часть ребят попалась на воровстве. Район у нас был «боевой» — Благуша, Измайлово, Черкизово.

В послевоенное время развелось много бандитов, потому у нас в доме всегда были собаки. Вечерами я ходил встречать сестру из школы со здоровенным псом Мишкой — ездовой камчатской лайкой. Привезла ее моя тетушка-геолог, которая работала в Институте курортологии и ездила по стране открывать разные целебные источники. Вот она-то и привезла щенка с Камчатки. Собака жила у нас за сторожа, так как место наше было вроде не городское.

Меня хулиганье не трогало. Был у нас вор — главарь всей школьной шпаны. Он мне как-то сказал: «Я вот придушить тебя могу, но не трогаю почему-то». Он меня не трогал, видимо, потому, что я с шестого класса в бригадмиле состоял. Все ребята знали об этом и относились ко мне с уважением.

Уважали меня также, может быть, за справедливость, непредвзятость по отношению к ребятам. Я всю жизнь стараюсь понять человека. Считаю, что нет плохих людей. Стараюсь поставить себя на место другого и понять, почему он совершил тот или иной поступок. Конечно, я не говорю о деградированных личностях, о бандитах и убийцах. Я имею в виду обычных людей. Когда стараешься понять поведение человека, это очень помогает в работе. В каждом поступке есть свои корни и причины: воспитание, образование, национальные особенности, положение в семье, в обществе, предрасположенность. Один вспыльчив, другой замкнут, третьему разрядиться нужно путем ссоры.

А может быть, потому, что я помогал многим ребятам учиться.

В шестом классе я вступил в комсомол, в седьмом меня избрали секретарем комсомольской организации школы, которая

состояла всего из трех человек.

Озорничал я редко, Правда, в парке перегораживали аллею ниткой в нескольких местах. Идет парочка — раз порвет, два порвет и в третий раз ждет подвоха: все ощупывает, хотя ниточки уже нет.

Вообще-то я был спокойным, уравновешенным. Старался всем помочь, не издевался над слабаками и, что особенно ценилось одноклассниками, всегда давал списывать; однако когда мне делали пакости, не прощал. В драках иногда участвовал. А тогда были такие правила: биться до первой крови.

Читал я много и старался делиться прочитанным. Ребята в большинстве своем из сложных семей, знаний у них было маловато. Помню, в шестом классе прочел «Занимательную астрономию» Воронцова. Вот меня и водили из класса в класс, и я рассказывал о созвездиях. Особенно всех заинтересовал наш астрономический адрес: «Галактика. Солнечная система, Земля, СССР, Москва». Любил очень созвездия рисовать.

В то время очень увлекался туризмом и с пятого класса ходил в походы. Поддерживал меня учитель физики — он тоже любил путешествовать. Занимался в клубе горного туризма на станции юннатов недалеко от Мазутного проезда, ездил туда на трамвае из Измайлова. В 16 лет получил удостоверение инструктора по туризму, а летом мне предложили поработать в детском городке Измайловского парка. Там был создан детско-юношеский клуб, я значился его директором.

Большинство ребят в ту пору уезжали в пионерские лагеря или к родственникам в деревню. В городе оставались в основном дети из неблагополучных семей. Возраст моих подопечных был самый трудный: от 12 до 17 лет. Один из мальчишек состоял на учете в отделении милиции, так как чуть не зарубил отца топором: пьяный отец бил мать, сын бросился ее защищать и поранил негодяя.

Гена был просто веселый хулиган. Его поставили на учет в милиции из-за того, что во время празднования Пасхи он залез на крышу сарая, завернул в бумагу свернутую кинопленку, поджег ее и бросил в толпу верующих — «дымовую завесу». Милиция стянула его с крыши. Он орал, что не хулиган, а атеист. Были ребята, которые состояли на учете в милиции за мелкие кражи, за драки. И вот таких разных подростков надо было объединить делом. Я предложил отправиться в турпоход. Ребята загорелись.

К походу мы готовились тщательно: ставили палатки, разжигали костры в любую погоду, готовили на них еду. Ездили в городской клуб, учились перечерчивать схемы, читали отчеты других групп о походах, спорили, куда идти. Выбрали два

маршрута: Мещера, куда я сам когда-то ходил, и Приокско-Террасный заповедник.

Отправились сначала на Мещеру. Доехали до Владимира поездом, от него до станции Тума, оттуда по узкоколейке до села Ольгина, далее пешком до реки Пра.

Во Владимире с нами произошла интересная история. Город готовился к какому-то юбилею, всюду шли приготовления, съемки. Наша группа выглядела очень живописной, и местные кинооператоры попросили, чтобы мы сели на обрыве над Клязьмой на фоне соборов, и сделали съемки. Когда мы вернулись из похода, наши родственники рассказывали, что в передаче по телевидению о юбилее города Владимира нас показывали с таким текстом: «Хороши владимирские ребята!» Мальчишки, конечно, были очень горды этим.

Мы прошли все есенинские места. В Солотче встретились с теткой Есенина Татьяной. Там же жил в это время и автор книги «Дикая собака Динго» Илья Фраерман. Это был уже совершенно старый человек Мы пришли к нему, но поговорить не удалось, посмотрели на него, как на живую реликвию. Из Со- лотчи пешком прошли до Рязани. Осмотрели город, его достопримечательности. Оттуда на пароходе «Пестель» — последнем колесном пароходе выпуска начала прошлого века — вернулись домой. Ехали третьим классом рядом с «ученой» коровой, которая мычала, когда ей нужно было справить нужду.

В этом походе ребята закалились, научились поддерживать друг друга, да и физически окрепли. Время было такое, что нужно было все нести с собой, потому что купить продукты в тех местах было трудно. В лучшем случае — хлеб, да и то его привозили не каждый день. Поэтому тащили на себе и сухари, и растительное масло, и консервы плюс палатки, одежду — словом, все на себе.

Были и курьезы. Гена-«атеист» (за ним так и закрепилось это прозвище), заснул, когда мы ехали по узкоколейке. Он сидел, свесив ноги, и где-то на повороте вывалился и упал. А вагон узкоколейки широкий, колеса от бортов далеко, поэтому он не пострадал, тем более что поезд двигался черепашьим шагом. Поэтому Гена не стал сразу бежать за поездом, а вначале нарвал цветов для девочек и, догнав поезд, торжественно их одарил.

В пути я использовал всякую удобную возможность, чтобы побольше рассказать ребятам о Паустовском и Есенине. Паустовского я очень любил и много его читал. С творчеством же Есенина познакомился только в девятом классе — именно тогда у нас появились первые томики стихов поэта. Кроме того, мой старший двоюродный брат кончал филологическое отделение педагогического института и просвещал меня, много рассказывая

о поэтах, в том числе и о Есенине.

Ребята слушали, затаив дыхание. Для большинства из них это были совершенно новые, не известные ранее страницы литературы. Рассказывал я и содержание книг Фраермана, которые тоже в свое время прочитал.Питались мы и подножным кормом: ловили рыбу в реке Пра. Не всегда, правда, это было по-честному, так как иногда мы, увы, забирались в верши, которые местные жители ставили на карасей.

Второй поход был в Приокско-Террасный заповедник. Посмотрели на зубров, побывали в заповеднике.

Поход по Мещере оставил, конечно, наибольшее впечатление. Длился он около месяца, мы проделали путь в 308 км, из них основное время, не считая дороги от Москвы до Владимира и от Рязани до Москвы, шли пешком. Второй поход прошел уже легко.

...Спортом я занимался в школе мало и неохотно. Бегал на лыжах — любимый вид спорта в Измайлове, но больших успехов не достиг: лишь третий разряд. Думаю, потому, что человек я не азартный. Такой же разряд был у меня и по пулевой стрельбе из малокалиберной винтовки. Летом два сезона занимался греблей на «шестерке». Я был левым загребным на большой морской шлюпке ял. Один раз мы даже заняли четвертое место по Москве. Правда, и участвовали в соревнованиях всего четыре шлюпки! Ездил заниматься греблей в Хлебниково и на Измайловский пруд.

В школе увлекался историей. Учительница истории, она же секретарь парторганизации, преподавала свой предмет не формально, давала знаний значительно больше школьной программы, и марксизм в какой-то мере был заложен ею в основу моих знаний. Мы знали, чем Ленин отличался от Троцкого, знали про Каутского и про Плеханова. Она рекомендовала нам, какие книги стоило прочитать. Так что историю мы не просто заучивали.

Преподаватель физики был совсем другим человеком. Правда, поговаривали, что он не знает физику и что у него даже нет высшего образования. Да и когда ему было учиться — Михаил Борисович Бергман, поволжский немец, всю войну сидел на Колыме! Но он учил нас жизни. На заводе у шефов Михаил Борисович выпросил для нас семь настоящих станков и учил нас на них работать. В седьмом классе я уже прилично освоил токарный и сверлильный станки. У нас была и прекрасная лаборатория — тоже за счет шефов. Где просил он, где «добывали» мы сами.

Михаил Борисович водил нас в туристические походы, прививал умение жить на природе, преодолевать трудности. Просто учил жить. Собираемся мы, например, в поход. Денег ни

на дорогу, ни на что иное — нет. Он составлял списки на 40 человек, получал за счет денег РОНО или Дома пионеров продукты на 40 человек, а потом говорил: «Вот, ребята, вам по банке сгущенки, по килограмму песка сахарного. Отнесите домой и продайте. А на вырученные деньги купим билеты и поедем по железной дороге». Родители с пониманием относились к таким покупкам. На вырученные деньги группа выезжала в составе 20-25 человек. Плохо это было? Может быть. Но других возможностей обеспечить поездки не было. Исхитрялись по-разному, но он учил нас реальной жизни. Спасибо ему за это!

Мы благодаря Михаилу Борисовичу каждую весну в актовом зале проводили великолепные выставки технического творчества, потому что были станки, были материалы. Все школьники, начиная с четвероклассников и кончая старшеклассниками, стремились принять в ней участие.

Потом Михаила Борисовича сменил другой преподаватель физики. Это был квалифицированный педагог, но мы его не восприняли совершенно. Для него стало мучением работать с нами.

С огромной благодарностью вспоминаю своих учителей. Полину Абрамовну Хромченко, классного руководителя, учителя истории. Когда мы окончили школу, ей было только 36 лет, а нам она тогда казалась «в возрасте». Вспоминаю Евгению Федоровну, которая географию преподавала, Веру Ивановну — она вела литературу.

...Друзей школьных у меня осталось много. На первых порах после окончания школы лет двадцать мы прочно поддерживали связь. Каждый год 1 сентября приходили в школу и выстраивались вместе со всеми учащимися. Когда было двадцатилетие окончания школы, нас в классе собралось уже только 12 человек. Мы повесили плакат: «Выпуск 1957 года». Какая- то девчонка открыла дверь, прочитала и воскликнула: «Ой, а я тогда еще не родилась!»

Печально, но судьба распорядилась так, что некоторые друзья ушли из жизни еще молодыми. К сожалению, умер наш главный организатор Слава Пастушков. Теперь только по юбилейным датам собираемся.

С некоторыми разошлись по другим поводам. Был и случай предательства. В школе я крепко дружил с Володей Кравцом. Но после 1991 года — как отрезало. Мы с ним встретились на похоронах Славы Пастушкова. Слава работал на АЗЛК, его там хорошо знали. Много собралось людей с завода. Он всю жизнь трудился в автомобильной промышленности. Пришли и из Автомеханического института, и из Автоэкспорта, где он

несколько лет проработал.

Пр ишел и Володя Кравец. Столкнулись мы с ним в дверях. Он посмотрел на меня, как на призрак, как на воскресшего из мертвых. Может быть, он думал, что я сидел вместе с членами ГКЧП или еще что-то — не знаю. Словом, сделал вид, что меня не узнал, «не увидел». Весь побелел и проскочил мимо. Через несколько месяцев он позвонил и извинился.

...Воспоминания идут по кругу. В школе я, конечно, влюблялся. Меня, честно говоря, больше любили мамы, чем предметы моего внимания — их дочки. Застенчивостью я никогда не отличался. Был сдержанным, контактным. Словом, положительный человек, на их взгляд. Особым чувством юмора не отличался, соло никогда не пел, рисованием не увлекался.

...Моя будущая жена и я учились вместе в 10 классе. Она переехала к нам из другого района. Как-то в августе в школе стою я со своим приятелем Славой Пастушковым и читаю список: «Смотри, какую-то Юдину к нам в список класса включили». А Тамара стояла рядом и все слышала.

Так вот, Тамара на меня особого внимания не обратила, но мы и после окончания школы довольно часто встречались, сначала — у ее подруги Маши Орловой. Доставал им билеты в кино, помню, как-то на фильм «ЧП» ходили. Потом стали чаще встречаться уже вдвоем, Я приглашал ее в нашу институтскую компанию. Она училась в педагогическом институте, но на всех мероприятиях и вечерах бывала у нас и на демонстрации тоже ходила с нами. Помогала мне с английским, когда я «зашивался», иногда даже с черчением. Кончилось тем, что через три года мы поженились.

Она вошла в нашу семью в нелегкое время. Через полгода умерла моя мама. Еще через полгода у Тамары умер отец.

Жили вначале с моим отцом и младшей сестрой (старшие сестры к тому времени вышли замуж и разъехались) в том старом доме: у нас по полу было девять квадратных метров, а по потолку — шесть. Удобства во дворе, газ в баллонах. Правда, водопровод сами провели. Печь. Дровяное отопление. Утром больше 13 градусов температура в комнате не поднималась. Много позже стали жить самостоятельно.

В нашей семье Тамару приняли не сразу. Отношения складывались непросто, особенно с младшей сестрой, которая меня очень любила. Ей было тогда 17 лет — максималистка. А вот сейчас у Тамары с ней хорошие отношения.

Когда я кончал институт, у нас уже был ребенок. Я как раз находился на сборах в Таманской дивизии. Оставалось три дня до конца сборов. И тут приезжает на мотоцикле наш лейтенант Олег

Горбик, отдает мне, рядовому, честь и вручает телеграмму, сообщающую о рождении сына. Я сел к нему на мотоцикл, и мы поехали к командиру батальона домой. Тот написал распоряжение в каптерку, чтобы мне выдали гражданскую одежду. Я сдал военное обмундирование и отправился домой, в Москву — к жене и сыну!

Имя мальчику выбрали не сразу. Неделю его звали Сергеем, потому что Тамариного отца так звали и она хотела дать сыну это имя. А мне очень нравилось имя Дмитрий. В конце концов, победило мое предложение, тем более доводы были убедительны: если назвать Сергеем, то другой дед обидится. Зато теперь у нас внук Сережа. Причем внук родился в тот же день, что и Тамарин отец — 15 октября.

Секрет вечной молодости

«Не расстанусь с комсомолом, буду вечно молодым...» Мне нравилась эта песня, и я с удовольствием подпевал. А сейчас думаю: это преувеличение. Секрета вечной молодости нет, и с комсомолом в определенном возрасте необходимо распрощаться.

Но я любил это время — комсомольское. Веселое, хотя и голодное, целеустремленное. Все было ясно и четко. Функционером я стал в институте, не стремясь, однако, к этому. Но, как писал поэт, «делаю карьеру тем, что не делаю ее».

Когда я окончил школу, передо мной встал вопрос, куда пойти учиться. Была, конечно, тяга к работе с людьми, с ребятами, но тянуло и к технике, что и победило в конечном счете. Я решил поступать в Московский институт инженеров транспорта — МИИТ, а не в педагогический, как мне советовали учителя, так как резонно сам себе доказал, что работать с людьми можно и не имея педагогического образования.

При поступлении в институт я «провалился». У меня была серебряная медаль, и по тогдашним правилам я поступал на льготных условиях: мне надо было сдать всего два экзамена. Накануне в институте я познакомился с таким же абитуриентом, как и я, — парнем из Химок. Мы подружились и в разговорах выяснили, что он хорошо знает алгебру, а я — геометрию. Когда сдавали первый экзамен по математике, договорились, что сядем в разных местах, и я буду делать для него задачу по геометрии, а он мне — по алгебре, хотя большой необходимости в этом не было. Просто решили подстраховаться — в основном по молодости, по глупости.

Когда стали проверять наши работы, оказалось, что у нас одинаковые ошибки. Разбираться не стали, обоим поставили по двойке и выгнали. Дальше к экзаменам не допустили.

Хорошо, что эти экзамены мы сдавали немного раньше, и я смог перенести мои документы в Автомеханический институт, но уже на вечернее отделение. Туда я поступил, но уже без «экспериментов», и тут же оформился в школу № 419 старшим пионервожатым. Этот 1957 год и стал началом моей трудовой деятельности.

Год я проработал в школе и понял, что это не для меня. Маленьких я просто боялся, в начале на переменах даже запирался от них в пионерской комнате. Пр авда, постепенно боязнь прошла: «помогла» мне эпидемия гриппа — многие учителя заболели, и мне пришлось вести даже занятия в младших классах. Но этот год в школе убедил меня, что я больше тянусь к

работе с взрослыми, а не с детьми. Это был хороший практический урок для меня.

Через год, отлично сдав зимнюю и весеннюю сессию в институте, я перешел на дневное отделение. Там меня сразу избрали секретарем факультетской комсомольской организации, поскольку за мной уже тянулся шлейф «комсомольского вожака» — я был секретарем комсомольской организации в школе, а в девятом классе меня избрали даже членом городского комитета ВЛКСМ.

Я помню, как меня, тогдашнего девятиклассника, поразил стоящий у входа в горком ВЛКСМ часовой с винтовкой со штыком и требовал пропуск.

И на комсомольской городской конференции в нынешнем Театре эстрады, что в Доме на Набережной (там тогда находился Дом культуры Совета Министров), тоже у входа офицеры КГБ проверяли документы. Все это хотя и поднимало чувство ответственности, но и вызывало некоторое недоумение.

Итак, в институте я стал возглавлять факультетскую организацию. Факультет был ведущий — автотракторный, училось на нем около 800 человек, из них комсомольцев — около 600. Было много членов партии, пришедших с производства.

В 1959 году меня избрали уже освобожденным секретарем комитета комсомола института, и я стал совмещать работу с учебой. В 1960 году вступил в партию.

Комсомольская работа в институте оставила самые светлые воспоминания. Потом, когда я работал уже в горкоме комсомола, а было это через пять лет после окончания вуза, приходили ребята из моего института, расспрашивали, как мы работали, что делали — просили поделиться опытом. Действительно, хорошая память осталась от комсомольской организации того времени. Мы старались заниматься живым делом. Это с Тяжельниковым комсомол был за- формализован: Ленинские уроки, Ленинский зачет. Он методику учебной работы в вузе перенес на работу молодежной организации.

Я же был воспитан на комсомоле Сергея Павлова, которого, может быть, и правильно, ругают за некоторые излишества в приеме иностранных делегаций, но при нем и Борисе Пастухове была настоящая, живая комсомольская работа. Мы проводили слеты, форумы, походы; формы работы были молодежные, интересные, и молодежь тянулась к комсомолу.

У меня есть фотография комсомольского оперативного отряда — все в одинаковой форме. Сложно, конечно, было пробить деньги, чтобы купить всем одинаковую форму. Собирались в эти отряды не самые дисциплинированные ребята,

подчас — самые отчаянные, но становились самыми дисциплинированными. Потом многие из них пополнили ряды наших юристов и милиции.

Так чем же мы занимались в институте? Создали свой творческий коллектив. Гордились вузовским самодеятельным театром. Какие проходили интересные постановки, капустники, вечера! В них было занято много студентов. Валера Боровицкий, заядлый любитель эстрады, постановок, писал свои песни. Часть ребят пошла потом не по технической специальности

Много внимания уделяли мы и техническому творчеству. Район промышленный, вокруг много плохо обустроенных предприятий: с отсталой механизацией, изношенным оборудованием — это ведь конец 50-х — начало 60-х годов. Вот мы и создали по инициативе комсомола студенческое конструкторское бюро, которое вовлекало студентов в оказание помощи этим заводам — механизировать процессы на пищекомбинате, на ряде маленьких заводов, даже производили электроустановочное оборудование. Студенты занимались в этом бюро с большим энтузиазмом. Были случаи, когда приборы, которые ребята изобретали и делали в конструкторском бюро для заводов, засчитывались им как курсовые проекты, а некоторые и как дипломные работы. Нас очень поддерживал ректор Андрей Яковлевич Синецкий, помогал и партком.

Потом, начиная с четвертого курса, поддержали почин МГУ об отправке студенческих отрядов на целину, и одними из первых послали строительный отряд для работы в Казахстане.

Популярностью пользовались диспуты. Ведь наступала оттепель 60-х годов!

Комсомольцы очень старались не отставать от жизни, быть в курсе всего нового. Приглашали выступать в институте Евгения Евтушенко, Булата Окуджаву. Комсомол меньше занимался вопросами учебы (для этого есть деканат!), а основное внимание уделял проблемам организации свободного времени. И, надо сказать, все те, кто участвовал в диспутах, конструкторском бюро, в самодеятельности, хорошо учились.

Сейчас, говоря о комсомоле, уверяют, что он «засушивал» людей, был несамостоятельной организацией, вмешивался в личную жизнь и прочее. Я бы этого не сказал. Помогали людям? Да. Если и вмешивались в личную жизнь, то обоснованно.

У нас была очень хорошая газета, большая, во всю стену, рисованная. Ее главным редактором был Саша Вельш. Я вспомню только одну заметку: «Нельзя смотреть на дело розово, коль это дело про Березова». А дело было в следующем. Был у нас студент Березов, у которого брат сидел в тюрьме за что-то: то ли за кражу,

то ли за хулиганство. И вот комсомолец Березов писал брату письма такого содержания, которое не только не помогало тому вернуться на путь истинный, а скорее — наоборот. В лагере, конечно, была цензура, которая собрала все эти письма и прислала с сопроводительным письмом ректору института. Вот этим и занялся комсомол.

Другой случай. У нас учился сын министра финансов. Его отпрыск вел себя нагло: учился плохо, грубил преподавателям, с ребятами вел себя недружелюбно и все время прикрывался папой. Никакие увещевания на него не действовали! И тогда мы выдвинули ультиматум: или он сам уходит из института, или мы его исключаем из комсомола. На меня (видимо, с подачи папы) нажимали, чтобы я смягчил свою позицию. Но это была позиция всего коллектива! Сынок ушел из института. Таков был авторитет комсомола, его комитета.

Был случай, когда одному парню, мастеру спорта, собиравшемуся ехать на соревнования, комсомол не дал положительную характеристику, так как его уличили в подделке документов о том, что он якобы сдал экзамены. Вот такого рода «вмешательства в личную жизнь» действительно были. Других не знаю.

Всякое бывало. Ребята из нашего общежития дружили с девушками из Алексеевского студгородка. Выпили на какой-то праздник, поехали к девушкам. Пр ишли в общежитие и, пока вахтерша уходила, чтобы позвать девчат, вынули из деревянной рамы большое зеркало, которое стояло там, вызвали такси, привезли зеркало к нашему общежитию, по пожарной лестнице (!) залезли с ним на четвертый этаж, поставили в туалет и пошли спать.

Утром появилась милиция. Квалифицировали этот случай как хулиганский поступок, написали письмо в комсомольскую организацию института, чтобы мы приняли меры. Комитет комсомола решил придать этому делу широкую огласку и посмеяться над ребятами — это оказалось самым действенным наказанием проказникам, а другим — предостережением. Зеркало они, конечно, вернули и сами вставили в раму.

Комитет комсомола принимал участие в распределении стипендий, которых было довольно мало. Мы исходили из того, что стипендия дается не только в целях поощрения, но и для того, чтобы человек мог учиться. Поэтому стипендию могли дать и троечнику, если видели, что он старается и у него тяжелое материальное положение.

Комитет комсомола организовывал и подработку: мы разгружали вагоны с цементом и магнезитом на станции

Мальчики в Люберцах по субботам и воскресеньям. За это получали деньги.

Таких ребят, которых надо было заставлять учиться, практически не встречал. Были просто не очень подготовленные к учебе в институте, некоторые приехали из сельской местности, где в школах не хватало учителей, или слабо поставлено образование, или здоровье не позволяло, или приходилось много времени уделять подработке. Таким студентам старались всячески помогать.

Сейчас возможности и запросы у ребят другие. Но творчество, туризм, спорт всегда интересовали большинство молодежи. Поэтому до сих пор у нас еще держится авторская песня и на ее праздники собирается множество людей. Все это нужно возвращать молодым.

Мне, как секретарю комсомольской организации института, надо было во всем подавать пример, но, конечно, не все шло гладко и весело. У нас была военная кафедра, где мы изучали военную технику. Специализация — ремонт и эксплуатация гусеничных и колесных машин. Мы учились их разбирать, собирать, ремонтировать. Параллельно занимались строем, владением стрелковым оружием. Но в основном занятия были по нашему профилю.

После третьего и четвертого курсов выезжали в военные лагеря, проходили стажировку в автобате Таманской дивизии. По окончании учебных сборов сдавали государственный экзамен на знание специальности на уровне среднего специального военного училища. После этого нам присваивалось звание младшего лейтенанта.

Я умел водить все транспортные средства: грузовик, артиллерийские тягачи (легкий, средний, тяжелый). Тяжелые тягачи — огромные: под капот можно было спрятаться вместе с двигателем. Приходилось и бронетранспортеры водить — БТР-150 и БТР-47. Я не могу сказать, что мастерски все это делал, так как на вождение времени отпускалось мало, но на водительские права сдавал.

У меня на сборах произошел случай, который мог окончиться трагически. Я проходил практику на танкодроме на артиллерийском тягаче — мощной машине. Рядом сидел инструктор, а я за рычагами. Мне захотелось показать классное вождение. Когда кончаешь круг на танкодроме, надо просто остановить машину, а я решил развернуться на одном месте — срезать гусеницей землю и остановить машину. Намеревался это сделать «мастерски» и сильно перетянул рычаг, не зная, что если перетянуть рычаг, то заклинивает фрикцион. В результате

машина развернулась не на 180 градусов, а под углом 90 градусов и пошла на пригорок, где стояли наш майор и остальные слушатели.

Я не мог справиться с управлением, и сержант, который сидел рядом со мной, тоже растерялся. Надо было заглушить двигатель, раз заклинило фрикцион, а мы пытались развернуть машину. Ребята разбежались, а майор сидел на мотоцикле, и гусеница тягача прошла где-то в пяти сантиметрах от него, Тягач залез на бугор, и только тогда мы с сержантом догадались выключить двигатель.

Майор, конечно, перепугался, наорал на меня, но нигде дальше докладывать не стал: видимо, побоялся, что его самого обвинят в том, что он недостаточно хорошо нас обучил.

Все ребята рассматривали эти занятия как необходимые и полезные и понимали, что в жизни все это может пригодиться, в том числе и на гражданке. Были и случаи озорства. Ну, как же так — быть в армии и не убежать в «самоволку»? Взамен получали гауптвахту. Были любимые офицеры и нелюбимые. Учился у нас парень, который не хотел служить по религиозным убеждениям. Он вступил в какую-то секту и института так и не закончил.

Была у нас спортивная кафедра и обязательные спортивные занятия. Как я уже писал, особой тяги у меня к спорту не наблюдалось. И болельщиком никогда не был. Правда, когда купили в кредит первый телевизор в 1967 году, то «болел» за наших спортсменов на международных встречах по хоккею, фигурному катанию и лыжам у экрана телевизора.

На футболе я был всего один раз на уникальном матче, когда в финал вышли команды из Донецка и из Орехово-Зуева, то есть абсолютно неизвестные команды. Но меня больше устраивает смотреть соревнования по телевизору. Я думаю, люди ходят на спортивные соревнования, чтобы быть причастными к игрокам, как бы участвовать в соревнованиях. Но, по-моему, наблюдать соревнования удобнее по телевизору — там все покажут и расскажут. Правда, эффекта соучастия нет.

...Это особенно ярко чувствовал, когда получал приглашения на Красную площадь во время парадов. У меня небольшой рост, и смотреть там парады мне было не очень удобно. Но сам момент присутствия на площади порождал эффект соучастия в происходящем, тем более что дополнялся общением с присутствующими людьми...

Меня иногда спрашивают: «А как питались в ту пору студенты?» Питание в ту пору не очень дорого стоило. Если взять цены до 1961 года, т.е. до проведения Хрущевым деноминации денег, то обед стоил 3 рубля (после деноминации — 30 копеек). В

меню входили щи пустые, котлета с макаронами или гречневой кашей плюс кусочек соленого огурца, хлеба — сколько хочешь, и стакан сладкого чая — вот что было в студенческой столовой по талончику. И все мы питались одинаково. Пища была вкусной и полезной.

Правда, тогда проблем с экологией, которые существуют теперь во многих крупных городах, не было. Автотранспорта на улицах — в 5-6 раз меньше, вокруг Москвы существовала более обширная зеленая зона, потому и продукты были экологически чистыми.

Стрессы, конечно, случались, но не такие, как сейчас. Было прекрасное чувство уверенности в будущем, в том, что каждый последующий год станет лучше предыдущего. И это в принципе оправдывалось.

Я планировал так: кончаю институт, иду работать на производство. Правда, уже тогда я чувствовал свои наклонности к занятиям общественной деятельностью, но понимал, что заниматься этим, не пройдя производственной школы, было бы неправильно. И до сих пор так считаю. Беда многих наших партийных работников в том, что они сразу со студенческой скамьи вошли в большую общественную жизнь.

У меня получился такой же путь с меньшими потерями, может быть, потому, что жизнь моя была достаточно суровая, приходилось подрабатывать, и многое я видел не со школьной или студенческой скамьи. Жизненная закалка в какой-то мере способствовала моему переходу на партийную работу.

Еще до защиты диплома в институте — в апреле 1962 года — меня вызвали в райком комсомола и предложили пойти работать инструктором в отдел пропаганды и агитации. Я объяснил, что в этом месяце у меня преддипломная практика и после нее сразу же в июне предстоит защищать диплом. Меня дважды вызывали, уговаривали, я дважды отказывался. Даже грозили исключением из комсомола. Я отвечал, что я уже член партии и подчиняюсь только партийным решениям.

Тогда меня вызвали в райком партии. У нас был очень хороший секретарь райкома. Получилось так, что я пришел к нему на прием, а его вызвали куда- то. Он говорит: «Садись со мной в машину, там поговорим по дороге». Он повторил мне предложение пойти на работу в райком комсомола. На все мои возражения, что я хочу поработать на производстве, он продолжал настойчиво рекомендовать все-таки пойти на работу в райком.

На следующий день меня вновь вызывают в райком комсомола — я снова отказываюсь. Секретарь райкома крайне

удивлен: «Ведь тебе же секретарь райкома партии сказал, что нужно идти на работу к нам!» Я отвечаю: «Он мне только рекомендовал» И тогда мне популярно объяснили, что если секретарь райкома партии рекомендует, это надо понимать, что он тебя обязывает. «А если вы не понимаете, — перейдя на официальный тон сказали мне, — тогда мы пригласим вас на бюро и там обяжем». Дальше пререкаться было бессмысленно.

Мне дали закончить преддипломную практику, и с конца апреля я приступил к работе в райкоме комсомола. По ночам работал над проектом. В июне 1962 года я в срок защитился с отличием, а в июле меня избрали секретарем райкома комсомола. Мне исполнилось тогда 23 года.

Наша комсомольская районная организация была самой крупной в стране. Район захватывал большую территорию от Московской кольцевой дороги до Земляного Вала. Туда входили такие крупные вузы, как МВТУ им. Баумана, МИХМ, Институт инженеров землеустройства, Институт геодезии, аэрофотосъемки и картографии, Московский автомеханический институт. Кроме того, огромное количество НИИ оборонного профиля и много промышленных предприятий. Всего в районе была 71 тысяча комсомольцев — больше, чем во многих областных организациях страны.

Тогда строили работу с молодежью с учетом возраста, эмоционального настроя, устремлений. Было очень много фестивалей молодежи, спортивных праздников, туристических слетов, походов по местам боевой славы. Широко развивалось техническое творчество, но не на коммерческой основе, как это стало в наше время. Была живая интересная работа, в которой пригодились и мои прежние организационные навыки и жизненный опыт.

Именно в то время стали организовывать оперативные комсомольские отряды охраны общественного порядка. Мы вовлекали туда много неблагополучных ребят, имевших срывы.

Естественно, осуществлялись мероприятия, имевшие практическое значение для организации работы в вузах — это участие в учебных комиссиях, конкурсах, слетах — и работы на заводах, где мы одни из первых стали проводить конкурсы среди молодежи: «Лучший по профессии» — лучший токарь, лучший фрезеровщик, лучшая ткачиха. Проведение этих конкурсов, их итоги широко освещались в печати, на заводах вывешивались портреты победителей. Создавались комсомольско-молодежные бригады на трудных участках производства.

Большинство московских райкомов комсомола ютились в ту пору в плохих помещениях. Мы, например, сидели на Малой

Семеновской улице в деревянном покосившемся здании, где в полуподвале размещалась лаборатория Института автомобильной электротехники, а на втором этаже — райком комсомола.

Однажды принимаем в комсомол девушку с комбината им. Щербакова. Она входит в комнату бюро и начинает безудержно смеяться. Ее попросили выйти. Заходит и снова не может сдержать смеха. Пропустили всех — человек пятьдесят, опять ее приглашаем и в конце беседы спрашиваем, почему она так смеялась, когда сюда заходила. Она вопросом на вопрос: «А вы знаете, что раньше в этом доме было?» — «Нет, не знаем». — «А раньше здесь была школа для умственно отсталых детей», — говорит она, давясь от смеха.

После этого я пошел к секретарю райкома партии, рассказал ему о печальном происшествии, предположив, что не только эта девочка так воспринимает здание, где располагается райком комсомола. Рассказ возымел действие. Через какое-то время нам на Вельяминовской улице дали другое помещение, правда, не намного лучше.

Возникают сейчас иногда разговоры о привилегированном положении комсомольских работников. Заявляю: работники райкомов комсомола Москвы, да и других городов и поселков страны, жили бедно. Зарплата была примерно такой же, как у инженера- выпускника института: первый секретарь получал 120 рублей, второй — 110 рублей. Когда я уходил в горком комсомола, повысили еще' на 10 рублей.

Привилегия была одна: меня прикрепили к поликлинике, обслуживающей партийный, советский и комсомольский актив. Я пользовался ею с 1965 по 1985 годы. Она располагалась на Солянке, а раньше — в Большом Комсомольском переулке (ныне Большой Златоустинский). Члены семей пользоваться этой поликлиникой не могли. Только тогда, когда я стал секретарем райкома партии, прикрепили к ней и жену.

Чтобы купить жене туфли, я, секретарь райкома комсомола, разгружал на станции Мальчики магнезит — 100 рублей за вагон на четверых разгружающих. С респиратором два дня приходилось работать за 25 рублей — 60 тонн магнезита! Так что говорить о каких-то привилегиях в райкоме комсомола не приходится.

Кроме того, я в то время был еще и депутатом райсовета (на 5-й улице Соколиной горы). Люди в начале 60-х годов жили очень тяжело. В то время депутатская комиссия, а не исполком, имела право распоряжаться жильем, освободившимся «за выездом». Это была маленькая возможность помочь людям.

Как-то заседала комиссия, решая вопрос, кому передать освободившуюся комнату. Возник спор в присутствии

заинтересованных сторон, и одна женщина в сердцах сказала, что, мол, вы, как секретарь, небось, хорошо живете! Вот вы и не понимаете наших нужд! Я не стал ничего доказывать, а пригласил ее к себе домой — посмотреть, как я живу. За ней увязалось еще человек шесть, и всей кампанией пошли со мной. Посмотрели. Наверное, другим рассказали. Больше таких вопросов не возникало.

Свой первый костюм я купил, когда учился на первом курсе института, за 45 рублей в магазине около метро «Войковская». Еще курточка у меня была и брюки. Вот и все. Года четыре я носил этот костюм. Покупка любой крупной вещи вроде пальто или костюма была большим событием для семьи. Я прекрасно помню, когда и где покупал свои костюмы. Хороший костюм стоил тогда 90 рублей. Но, по правде сказать, по молодости мы мало обращали внимания на одежду — не тот был настрой.

Детский сад, в котором жена работала воспитательницей, летом выезжал на Истру. Я по воскресеньям отправлялся к ней. Мы вместе ходили за грибами и однажды наткнулись в ельнике на огромное количество рыжиков. Набрали целых два ведра, привезли в Москву. Я прочитал в книге, как их засаливать сырыми, без варки. Посолили. За месяц они в рассоле стали зелеными. Был у нас еще мешок картошки. И к нам целый месяц ходили друзья покушать картошки с рыжиками...

Когда я в 1965 году получил на 3-й Парковой квартиру, то нечего было в нее ввозить. Отмечать какой-то праздник к нам приезжали райкомовские ребята с райкомовскими стульями. И с теми же стульями уезжали в райком.

Прихожу как-то домой, гляжу: стулья! Спрашиваю: «Откуда?» Тамара отвечает, что приходил милиционер и сказал, что на 13-й Парковой продаются дешевые стулья по 7 рублей 20 копеек. Этим милиционером был Саша Лебедев — секретарь комсомольской организации ГАИ района. Он приехал с поста, чтобы сообщить новость. Жена и купила эти стулья.

У меня воспоминания о работе в комсомоле самые приятные. Это потом, как я уже писал, резко изменился стиль и характер работы. Вообще гонка пошла. И с приемом в комсомол тоже. Когда я работал в комсомоле, ВЛКСМ насчитывал 29 млн. человек, а через десять лет — 42 млн. Шел уже сплошной охват подростков, без индивидуального отбора. Забыли, видимо, слова Ленина: лучше меньше, да лучше!

В горкоме комсомола мне довелось работать также заведующим организационным отделом. А выдвинули меня на эту работу так. Секретарем горкома комсомола избрали Валерия Аркадьевича Жарова. Когда-то он был первым секретарем

Первомайского райкома комсомола и «ломал» меня, чтобы я пошел работать инструктором. Здесь он применил ту же тактику, так как я опять сопротивлялся, поскольку у меня было много планов по работе в райкоме, да и на аппаратную работу не хотелось переходить. Но опять же заставили перейти в порядке партийной дисциплины. Лишь после 1991 года у меня появилась возможность самому решать, где работать.

Жалко было бросать район. Я ведь там жил с 1946 года после возвращения из эвакуации, учился в школе, в институте. Всех знал, и меня все знали. Естественнее было перейти в райком партии на партийную работу в том же районе. Но... Партия сказала: «Надо!» — комсомол ответил: «Есть!»

В горкоме комсомола я проработал два с половиной года. От того периода больше всего осталось в памяти создание школы комсомольского актива на Можайском море. Там, практически на пустом месте, в 130 км от Москвы построили палаточный городок, маленький домик для директора, пирс. Много было молодого задора, шуток: небольшой овражек мы назвали «Дарьяльским ущельем»; два столба и калитка — «Ворота на пляж»; в сосновой роще надпись: «Эта роща посажена квадратно-гнездовым способом мичуринцем Мишей Болотинским» — он был начальником лагеря. В общем, развлекались, как могли.

Но в то же время шла серьезная работа: семинары, учеба. Давали общее представление о политике, экономике, обучали практике комсомольской работы, делились опытом.

Мне больше всего запомнилась лекция Лена Карпинского — он тогда был секретарем ЦК ВЛКСМ. Впервые я видел, как человек выступает в течение часа не по тексту, а по тезисам. Это была лекция- размышление. Очень яркое и мудрое размышление. Потом я встретился с Карпинским, когда он был заместителем главного редактора «Московских новостей». Какие-то проблески доброго отношения к своему комсомольскому прошлому у него остались. В брежневские времена его сняли с должности секретаря ЦК ВЛКСМ. Тогда шли слухи о «заговоре молодых» — А.Н. Шелепина, В.Е. Семичастного, Н.Г. Егорычева и других. Среди «заговорщиков» упоминали и Л.В.Карпинского. Они якобы хотели прийти к власти.

«Железный Шурик», как тогда называли Шелепина, возглавлял Комитет партийно-государственного контроля при ЦК КПСС и Совете Министров СССР и был заместителем Председателя Совмина СССР, а перед этим был Председателем КГБ (его потом сменил В.Е. Семичастный), пользовался большим авторитетом. Вокруг него формировалась группа людей, которые хотели бы, чтобы страна пошла по несколько иному пути.

Эти люди не были репрессированы, как это делалось в 1937 году, но Брежнев освободил их от всех занимаемых постов и поставил им преграды для продвижения в общественной жизни.

Карпинский долго не работал, ему всюду «перекрыли кислород». Таких людей, как он, позже стали называть диссидентами. Беседа с Леном Вячеславовичем там, на Можайском море, оставила глубокий след в моей памяти и во многом была ориентиром в дальнейшей работе с людьми.

В школе комсомольского актива было много дискуссий о том, как вести комсомольскую работу. Мы проводили семинары первых и вторых секретарей, работников отделов пропаганды и районные семинары. Например, мы несколько раз арендовали пионерский лагерь и вывозили туда актив секретарей комсомольских организаций. Обсуждали проблемы и по профессиональным группам: группа медицины обсуждала свои проблемы, учительская — свои, промышленная — свои. Формы работы были как общие, так и раздельные.

Проводили спортивные соревнования. У нас были лодки, и мы устраивали гонки на парусниках и на веслах. Играли в волейбол и футбол. Прекрасным футболистом был Альберт Роганов — секретарь горкома комсомола, ставший затем секретарем горкома партии по идеологии. Позже его назначили представителем СССР в ЮНЕСКО. В последнее время служил в МИДе. Очень эрудированный, несколько язвительный человек. Талантливым организатором был Борис Николаевич Пастухов — прекрасный режиссер, постановщик массовых мероприятий.

Для чего я все это рассказываю? Делюсь опытом? — Не с кем. Комсомол тех времен подвергнут остракизму и почти забыт. Пишу что-то вроде объяснительной записки, оправдываюсь, хотя бы перед самим собой, что время прожито не зря? Отнюдь. Глубоко убежден: не зря!

Повторяю, политик должен говорить о прошлом лишь тогда, когда это может пригодиться людям в настоящем и будущем. Комсомол в те времена давал многим хороший старт в нужном для человека направлении. Я уверен, что для общества необходимо создание молодежных организаций, чтобы была преемственность поколений, не прерывалась связь времен. И хотя тогда, в 1991 году, я принял решение уйти из политики, сегодня я в нее возвращаюсь, так как мне бесконечно дорога моя страна, моя родина, ее судьба.

Что было, то было

Город мой прекрасный Москва. Любимый город. Старинные переулки Арбата, Замоскворечье, Сокольники, Измайлово, новостройки окраин. А еще плавящийся асфальт летним днем в центре, толчея; буйство листвы в парках, поймы старых водоемов в новых районах. Могу говорить о Москве бесконечно. Паустовский писал: «Москва — подобно Риму и Парижу — вечный город. Сквозь пожары и революции, великие войны и колокольный звон, бунты и покаяния, сквозь море народных движений, приниженность и скуку — она пройдет, как монолит, и сохранит свой облик — во сто крат более прекрасный. На перевале веков, культур он станет особенно четок — этот облик Москвы, вечного города».

Мне повезло. Большую часть своей жизни я работал для Москвы. И когда был в комсомоле, и на партийной работе в райкоме, и когда работал в МГК КПСС, и в Моссовете. За это время я встречался с разными людьми, разными руководителями. Иные из них стали «знаковыми» для Москвы, для страны. В чем-то — отрицательными, в чем-то — положительными. Качества человека трудно разложить по полочкам. Постараюсь рассказать объективно, не прикрашивая, но и не усугубляя — что было, то было.Говорят, нельзя войти в одну и ту же реку дважды. Я трижды начинал работать в горкоме партии. Впервые — сразу после работы в горкоме комсомола. В 1968 году меня утвердили инструктором отдела организационно-партийной работы. Мне исполнилось тогда 29 лет, и я был самым молодым работником горкома.

Беседуя со мной, второй секретарь МГК КПСС Владимир Яковлевич Павлов, сам в прошлом комсомольский работник, так объяснил мне разницу между комсомолом и партией: «Комсомол всем и во всем помогает, ни за что не отвечая. Партия сама работает и несет ответственность за все, что происходит в стране». Я это запомнил на всю жизнь.

Мой первый приход в горком партии длился почти десять лет. За это время я окончил заочную высшую партийную школу, в 1972 году стал заместителем заведующего отделом. В мои функции входило курирование партийных организаций десяти районов, Моссовета и горкома комсомола, подбор кадров и проведение массовых мероприятий. Это — достаточно важные участки работы, особенно подбор кадров, причем речь здесь шла не только о партийных, но и о советских и комсомольских работниках. Но меня тяготила аппаратная работа, я стремился к

самостоятельности. В 1977 году я был рекомендован на пост секретаря Куйбышевского райкома партии — района, в который после изменения границ вошла значительная часть моего родного Первомайского района.

Второй раз моему возвращению в горком партии в определенной мере способствовал случай. Предстояли выборы в Верховный Совет Российской Федерации, и Константину Устиновичу Черненко предложили выбрать район, где он будет баллотироваться. Ему дали список районов. Он хотел баллотироваться в Красногвардейском, после которого по списку шел Куйбышевский. «Галочку» он поставил так, что люди, принявшие у него документ, подумали, что Черненко решил баллотироваться в Куйбышевском районе.

А у нас в районе кандидатом уже была объявлена ткачиха Мария Ивановна Полищук, Герой Социалистического Труда. У работников райкома, конечно, были определенные трудности, когда объясняли людям, почему не она, а К. У. Черненко станет у нас кандидатом. Но выборы прошли достаточно успешно.

В 1984 году умер Юрий Владимирович Андропов, и К. У. Черненко избрали Генеральным секретарем ЦК КПСС. Подошли выборы в Верховный Совет СССР, и поскольку он уже выдвигался депутатом Верховного Совета России, Черненко у нас же выбирался и в Верховный Совет СССР.

Когда была первая встреча с избирателями района, я вел собрание. На нем присутствовал весь синклит: сам Черненко, Гришин, Горбачев, Тихонов, Лигачев — в общем, все Политбюро. Тогда обратили на меня внимание, и Виктор Васильевич Гришин предложил мне перейти в горком партии заведующим орготделом.

Думаю, что если бы Черненко не ошибся тогда с «галочкой», зав. отделом горкома стал бы не я, а Болотин, секретарь Красногвардейского райкома партии.

...Я пришел в горком партии в 1985 году. В конце того же года туда пришел работать Борис Николаевич Ельцин. Впервые я увидел его на пленуме, где он избирался. Там Ельцин просто поздоровался со мной. С Горбачевым же я до этого несколько раз встречался. Он меня узнал, сказал несколько добрых слов. Ельцин же держался очень скованно, напряженно, вероятно, думал, что его московская организация не изберет своим секретарем: ведь он не был членом горкома. Но избрали единогласно. Это тогда было в порядке вещей: кого рекомендует Политбюро ЦК, того и избирали секретарем горкома.

Ельцин приступил к работе. Три дня он не имел со мной никакого общения, хотя заведующий орготделом МГК — не

последнее лицо в организации.

На четвертый день утром раздается телефонный звонок: «Прокофьев, почему люди приходят так поздно на работу?» Звонок был где-то без четверти десять — половина десятого. Я говорю: «Борис Николаевич, а рабочий день еще не начался» — «Как так «не начался»?» Я объяснил, что в свое время Хрущев распорядился, чтобы горком начинал работу с десяти утра с тем, чтобы вечером члены горкома работали подольше и могли принимать население. Но я всегда приезжал к девяти, чтобы познакомиться с письмами, подготовить дела.

Ельцин был недоволен таким положением и добился, чтобы работу начинать в девять часов утра, и мы стали работать с девяти. Такое было у меня с ним первое деловое знакомство.

Через некоторое время опять звонок по телефону с замечаниями — не помню, по какому поводу. И тогда я ему сказал: «Борис Николаевич, вы можете предъявлять ко мне претензии только в том случае, если выскажите свои требования. Я работник аппарата. Моя задача: работать на первых секретарей горкома партии. Я знаком с требованиями руководства. Насколько я знаю, эти требования удовлетворяю. Скажите свои требования, и тогда можете предъявлять мне свои претензии».

В то время он такие разговоры воспринимал нормально, и, если с ним говорили откровенно, то и воспринимал это более позитивно, чем когда хитрили, изворачивались: он, как дикий зверь, чувствовал неточность, не ту тональность и был всегда настороже. Даже если медлишь с ответом, он сразу: «А что ты так долго думаешь?» Бывало, отвечал: «Борис Николаевич, лучше дать точный ответ, чем непродуманный». Если на его вопрос, кого назначить на тот или иной пост, называешь фамилию сразу, на следующий же день человека назначают. Если говоришь, что надо подумать, думать начинает он сам: назначать или нет. Так мы с ним работали.

Предстояла городская партийная конференция. Готовили ее в жестких условиях: с восьми утра до часу — двух ночи. Часто приходилось работать вместе с ним. Потом перешли на нормальный режим работы. Словом, понимание было.

Однако в середине февраля 1986 года состоялся неприятный разговор: он обвинил меня в мягкотелости по отношению к кадрам и сказал, что надо более активно проводить замену московских работников. Я ответил, что могу быть жестким, но жестоким не был и никогда не буду. Он стал оправдываться, говорил, что он тоже не жестокий человек. Окончилось тем, что, когда начали разбираться с кандидатурами на заместителя председателя исполкома, секретаря исполкома и другими, на все

кандидатуры, предложенные мной, он согласился, а по секретарю уперся, говоря: «Вот видишь, не дорабатываешь, нет у тебя кандидатуры». Тогда я сказал: «Ну, давайте я пойду туда?». Он обещал подумать.

Через два дня, 20 февраля, у меня был день рождения. Мы сидели в семейном кругу. Позвонил Ельцин, поздравил и сказал: «Я подумал и, видимо, отпущу тебя на работу в Московский Совет, тем более что там нужно партийное влияние: Сайкин пришел с завода, партийного опыта у него нет никакого».

Этот разговор состоялся в пятницу. А в понедельник на совещании секретарей горкома Ельцин объявил, что будет рекомендовать меня на переход в Моссовет.

Вот так я и стал секретарем исполкома Моссовета. Это была, я считаю, первая властная ступенька в моей деятельности — я стал комиссаром при Валерии Тимофеевиче Сайкине. Он был очень неплохой хозяйственник, но не знал ни структуры городского хозяйства, ни порядка работы в партийных и советских органах. Мне приходилось ему помогать, и я думаю, что не погрешу, если скажу, что мы с ним достаточно дружно трудились. ,

Ельцина модно сейчас ругать. Но я постараюсь быть объективным.

Что мне тогда в нем нравилось? У него была очень цепкая память, он все цифры, фамилии, факты запоминал быстро, держал в памяти, анализировал, и всегда этим пользовался. Подчас сознательно подставляя человека под удар.

Например, назначал человека и тут же начинал его экзаменовать, гонять по цифрам. Он-то эти цифры уже знал наизусть, а человек за две недели не успевал все изучить и попадал в тяжелое положение, которое подчас заканчивалось его снятием.

Ельцин хорошо улавливал настроение аудитории и умел быстро перестроиться по ходу выступления. Если понимал, что аудитория его не поддерживает, тут же менял ход мыслей. Он улавливал настроение, я еще раз повторюсь, каким-то звериным чутьем, и я думаю, что он больше и действует на уровне чутья, чем каких-то расчетов и знаний.

Еще, что было характерно для него в то время — сейчас-то ему вообще некого бояться, — он не страшился авторитетов. В то время, как мне казалось, принимая какие-либо решения — а он мог принять и неординарные решения, — Ельцин не считался с тем, кто и как на это посмотрит «сверху». Он искал и находил выходы из ситуаций, которые обычным, накатанным путем нельзя было решить. На это он действительно был способен. Вот это, по

моему мнению, было в нем положительным.

Но меня и тогда многое в нем коробило. Ему важно было — и это видно было невооруженным глазом! — всеобщее восхваление, благоговение перед ним. Это уже в то время проявилось достаточно четко. Отдельного человека он не видел. Отдельные люди его не интересовали. Их судьбы, хороший ли, плохой человек, — его не трогали Он спокойно перешагивал через них и шел дальше.

Это имело отношение не только к партийному активу, хозяйственникам, но и к тем письмам, жалобам и заявлениям, которые шли к нему от простых людей. Ельцина это практически не интересовало. А вот завладеть вниманием масс, эффектно выступить, чтобы об этом потом пошла широкая молва, было для него самым важным. С самого начала он использовал популизм как средство для укрепления своего авторитета. Вот это я считаю для партийного руководителя, для политика в моем понимании — резко отрицательным качеством.

Я мог бы продемонстрировать на отдельных примерах, как он обращался с партийными кадрами. Тогда многих надо было действительно заменять. Но люди не были виноваты, что их выдвинули руководителями и они занимают не свое место. Ельцин же их обвинял в том, что они сознательно вредили, называл врагами перестройки. И все это достаточно громогласно.

Был такой случай с секретарем Ленинградского райкома партии Шахмановым: Ельцин поставил вопрос о его освобождении от работы, а райком не освободил. Все работники горкома были брошены в район — собирать компрометирующие материалы на Шахманова для того, чтобы убедить директоров, сломать их. И опять райком не освободил Шахманова.

Тогда Ельцин пошел на таран — Бюро МГК партии, под его нажимом, объявило, что пленум Ленинградского райкома партии «еще не созрел, чтобы принимать самостоятельные решения», и поэтому Бюро МГК партии своей волей освобождает Шахманова от занимаемой должности.

Пр имерно такая же история случилась с Графовым, секретарем Тимирязевского райкома партии. Он был неплохой хозяйственник, а как секретарь райкома ни в политике, ни в кадрах не разбирался. Потом Графов работал заведующим бюро технической инвентаризации города и неплохо справлялся. Каждому человеку нужно быть на своем месте. Но дело преподнесли таким образом, что человек якобы сознательно вредил перестроечным моментам, и с этой мотивировкой его освобождали от работы.

Еще что характерно для Ельцина: когда он врет, то верит в

свою ложь. В этом разница между ним и Горбачевым. Тот врет сознательно. Ельцин же, если лжет, глубоко убежден, что говорит правду. И поэтому аудитория ему верила. Когда он заявлял, что «ляжет на рельсы», это была не просто фраза — в тот момент он и сам был, видимо, убежден, что так сделает, и эта вера внушалась аудитории. В этом успех его выступлений на митингах. Вера в свою ложь порождала сопричастность окружающих.

...В Московской городской партийной организации, как и во всей стране, люди ждали и хотели перемен. Поэтому приход Ельцина с его достаточно четкими позициями, с его резкой оценкой существующего положения в стране, с предложениями по изменению ситуации, по видению дальнейшего развития страны, Москвы был воспринят с симпатией. Другое дело, что сделать это было тогда невозможно, как и сейчас: построить можно только то и в том объеме, на что есть деньги. Но его обещания вселяли надежду.

Люди верили, что в Москве будут перемены, а Москва в свою очередь станет влиять на страну. Поэтому конференция московской партийной организации, когда Ельцина уже избирали в состав горкома партии и избирали на съезд делегатом, проголосовала за него единогласно. А ведь в зале сидели человек 15—18 из тех, кого он снял с работы!

Я сказал ему тогда: «Борис Николаевич, вы видите зрелость московской партийной организации? Сидит тот же Болотин, еще люди, которых освободили от работы, тот же Роганов — они все равно проголосовали за вас, потому что верят в необходимость изменения ситуации в стране, верят в вас. Поэтому вы только должны опереться на городскую партийную организацию, и все будет нормально».

Но Ельцин пошел по другому, характерному для него пути: он не созидатель, а человек, который все разрушает только для того, чтобы самому возвыситься над теми, кого он принижает, ставит на колени. И он все время находился в состоянии борьбы.

Я прекрасно понимал, что никто не ввел бы войска в Чечню без приказа Ельцина. А сейчас ищут виновных где угодно.

До самого конца пребывания у власти он не менял своих методов: Коржакова снял, Барсукова выгнал. Да и когда он был секретарем обкома партии в

Свердловске, то за десять лет сменил четыре (!) состава бюро, исполкома Совета. И в Москве работал так же. А перед народом выступал как борец за его права.

Например, назначил он одного человека начальником главного управления торговли и на заседании партийной группы Моссовета предложил: в течение двух недель наладить торговлю

в Москве. Проголосовали, хотя каждому было ясно, что за такой срок эта работа невыполнима.

Через две недели, естественно, положение дел оставалось прежним. Бюро горкома принимает постановление о снятии этого человека с работы как «не справившегося» и как «не оправдавшего доверия партийной группы Моссовета». Все это печатается крупным шрифтом в «Московской правде», и население воспринимает это как борьбу Ельцина за его интересы.

В экономике Ельцин совершенно не разбирался. Почему я это заметил? В течение восьми лет я работал секретарем райкома партии и курировал промышленность и строительство. Кроме того, я кандидат экономических наук, и мне было понятно, каков уровень его знаний. Цифры он хорошо знал, а в экономических процессах разбирался слабо, даже не на уровне первокурсника. Знал, может быть, производительность труда, но не больше. Кстати, этим страдал и Горбачев. Ведь у нас была командно-административная система, и зачастую главным становилось выполнение плана любой ценой. А это осуществлялось давлением на людей, командным методом. Экономические знания особенно и не требовались.

...Я все думал: почему Лигачев, видя методы Бориса Николаевича в Свердловске, так усиленно рекомендовал его в Москву? У Егора Кузьмича зачастую возникала странная симпатия к людям, которые этого не заслуживали, и этих людей он начинал двигать. В Томске была даже такая поговорка: «Вот идет ходячая ошибка Лигачева». Это говорили подчас люди, которые никакого отношения к политике не имели.

Заместитель заведующего орготделом ЦК КПСС Евгений Зотович Разумов, мудрый человек, который проработал много лет, решая кадровые вопросы, трижды выступал против предложения Лигачева по Ельцину: и когда того предлагали секретарем Московского горкома, и когда — секретарем ЦК.

Я знаю, по крайней мере, три «ходячие ошибки» Лигачева: Ельцина — его выдвиженца, Травкина он предложил и Коротича в «Огонек» посадил. Вот почему я отношусь к Егору Кузьмичу неоднозначно. Я бы сказал даже так: как к Сахарову, с уважением, потому что и тот и другой, несмотря на многочисленные ошибки, вели одну и ту же линию всю жизнь, но некоторые их поступки вызывают неприятие.

В этой связи хочу привести пример по Москве. Я работаю в Московском Совете. Лигачев как секретарь ЦК курирует идеологию. Наши строительные, проектные организации срочно планируют типографии, находятся площадки, средства. Сайкин ругается матерно: у Москвы нет денег на это. Но Лигачев «давит»,

и средства находятся. Развертывается строительство в Чертанове и в других местах, начинает строиться комплекс «Московской правды».

Потом ко мне приходит Ресин, начальник Главмосстроя, и говорит: «Юрий Анатольевич, я больше типографии строить не буду. Я переключаюсь на строительство предприятий пищевой промышленности». — «В чем дело? Почему?» — «Вы что, газет не читаете? Лигачева с идеологии на сельское хозяйство перевели. Теперь будет давить, чтобы строились пищевые предприятия».

И действительно, Егор Кузьмич забыл про типографии — строились, не строились — и начал «душить» строителей и Сайкина совершенствованием и реконструкцией предприятий пищевой промышленности.

Такое впечатление, что он даже в столбик не считал, из чего складывается бюджет города и откуда берутся средства. Он «курирует», у него есть власть, и он давит, чтобы это направление развивалось.

Вероятно, я отношусь к Лигачеву предвзято, но уверен, что он довольно-таки большой вред нанес: ведь Егор Кузьмич выдвигал и Горбачева. Если бы не его поддержка, вряд ли бы так гладко прошло избрание Михаила Сергеевича. И обработку всех секретарей обкомов в его пользу проводил тоже Лигачев.

Чем же отплатил ему Горбачев? Егор Кузьмич выступает на Политбюро со своим мнением, тот его в пол-уха слушает, а потом говорит: «А, Егор, у тебя всегда своя точка зрения. Высказался и сиди». И тот садился. Никакого развития дальше его предложения не получали. Горбачев знал, с кем имел дело.

...Итак, первое мое вхождение во власть произошло в Московском Совете. По-настоящему я формировался как руководитель именно там, как ни странным это может показаться. В Моссовете мне пришлось иметь дело не с дисциплинированными партийными руководителями, когда живут по принципу «сказал — сделал», а с обычными людьми, с хозяйственными руководителями, которые тебе напрямую не подчиняются. И пришлось мне работать с людьми по-настоящему, пришлось вникать во все городские проблемы, знакомиться с городским хозяйством достаточно подробно.

Моя работа в качестве секретаря Моссовета, видимо, приглянулась Льву Николаевичу Зайкову, в ту пору первому секретарю Московского горкома партии. Он взял меня с собой в командировку в Болгарию, чтобы ко мне присмотреться, и потом сделал мне предложение быть секретарем Московского городского комитета партии.

Это были первые тайные выборы — меня избрали

единогласно. Единодушное, да еще и тайное голосование, видимо, послужило толчком. Через несколько месяцев меня избрали вторым секретарем комитета партии...

...Но вернемся к Ельцину. Действия его в качестве первого секретаря МГК партии вызвали, в конце концов, резко негативное к нему отношение. Терпение коммунистов Москвы лопнуло.

Это почувствовал и сам Ельцин. 12 сентября 1987 года он написал письмо Горбачеву с просьбой освободить его от занимаемой должности.

Горбачев отказался принять Ельцина, и тогда тот предпринял попытку самоубийства: ножницами, которыми режут бумагу, он пырнул себя.

Вопрос о снятии Ельцина решался 11 ноября того же 1987 года на пленуме Московского горкома партии и стал неожиданностью для самого Михаила Сергеевича, настолько резко отрицательно выступали члены горкома против Ельцина. Мнение было почти единодушным. Только ректор МВТУ Елисеев оказался в оппозиции.

Это единодушие стало неожиданностью и для самого Ельцина. Он, ошеломленный, весь почернел и уже не мог ничего говорить...

Ельцин был снят с поста первого секретаря МГК, а позже, 17 февраля 1988 года, выведен из состава Политбюро ЦК КПСС.

Горбачев предложил ему пост заместителя председателя Госстроя, и Ельцин сразу же согласился.

Первым секретарем МГК стал тогда Лев Николаевич Зайков. Очень хороший человек и крепкий хозяйственник. Герой Социалистического Труда, он был очень неплохим директором завода в Ленинграде. В Москве, в сущности, тоже работал как хозяйственник.

Зайков успел за короткий срок (до ноября 1989 года) сделать достаточно много для города, по крайней мере, гораздо больше, чем Ельцин — и по строительству метрополитена, и по реконструкции заводов. Линия метрополитена, что ведет в Митино и Бутово, «пробита» усилиями Льва Николаевича; реконструкция многих предприятий и определенные льготы, которые Совмин дал предприятиям легкой промышленности Москвы, — все это тоже было решено Зайковым.

...Мне тоже, конечно, приходилось заниматься хозяйственными делами и в горкоме, и в райкоме партии. Я, к примеру, горжусь, что у меня все ордена не за выслугу лет, а за конкретные дела.

Во время работы заместителем заведующего орготделом я вел вопросы шефства над сельским хозяйством. Тогда выпали два

очень тяжелых года: 1972-й — пожары, страшная засуха, горели торфяники, и 1976-й, когда неожиданно ударили ранние морозы, и надо было спасать урожай, чтобы прокормить Москву.

За 1972 год я получил орден Знак Почета. В то лето я принимал участие в организации тушения пожара и поливочных работ, собирал технику по Москве. Тогда отправили из столицы 600 поливо-уборочных машин на село поливать картофель и тем самым обеспечивать урожай.

В 1976 году тоже за уборку урожая был награжден орденом Трудового Красного Знамени. Орденом Дружбы Народов — за фестиваль.

И еще один орден Знак Почета я получил, когда работал в райкоме партии, — за выполнение пятилетнего плана. Тогда наш район в течение всей пятилетки занимал первые места по работе промышленности.

Так что слова: «Я отвечаю за все» — не только красивая фраза из кинофильма...

...До перестроечного времени практически политической работой в подлинном смысле этого слова первым секретарям горкома заниматься не приходилось, как потом мне. Это не их вина. И не моя заслуга. Такая была ситуация. Политика была прерогативой Политбюро.

Но беда в том, что Лев Николаевич Зайков пришел работать первым секретарем горкома партии в Москве уже в тот период, когда назрела необходимость заниматься политическими вопросами. Зайков же уходил от них и истово продолжал заниматься хозяйственными делами.

Дело в том, что Зайков не был оратором. Выступать без бумаг совсем не мог, и речи ему писали помощники. Лев Николаевич боялся незнакомой аудитории. На собрания на предприятия Лев Николаевич посылал меня или других секретарей. Сам же предпочитал ездить по хозяйственным делам,

Он, например, очень боялся встреч с пропагандистами. У него была только одна встреча, и та — в горкоме партии в небольшом зале заседаний пленумов. На подобные встречи пропагандистов, которые могли задавать сложные вопросы, в районах «отсеивали».

Но обстановка в Москве резко накалялась, требовала постоянного реагирования на острые ситуации. Надо было идти на открытые выступления, отвечать на вопросы, подчас самые неприятные. Он этого делать не мог. И не хотел.

И тогда в ЦК появилась проблема: Москве нужен новый первый секретарь горкома партии.

Разумов пригласил меня в ЦК, и я назвал кандидатуры партийцев, которые могли бы заменить Льва Николаевича

Зайкова. Кстати, моя точка зрения совпала с предложениями и самого Зайкова: он назвал те же фамилии.

Но когда Горбачев пришел советоваться перед пленумом горкома с секретарями райкомов партии и назвал все эти предложенные кандидатуры, они не были поддержаны. Секретари выдвинули своих кандидатов: либо Лукьянов, либо Примаков, а если Горбачев их не отпустит — тогда Прокофьев.

Горбачев от моей кандидатуры пытался их отговорить, но секретари стояли на своем: хватит нам пришлых! Нужны москвичи или люди, которые хорошо известны стране и долгое время проработали в Москве, по существу стали москвичами. Предложенные же Горбачевым кандидатуры только два-три года проработали в столице на партийной работе. С этим Горбачев и ушел.

Через несколько часов был назначен пленум горкома, и я спустился вниз встречать Генерального секретаря. Когда мы в лифте поднялись на пятый этаж, где должно было состояться бюро горкома, он попросил меня взять самоотвод.

На пленуме еще раз секретари горкома повторили свои кандидатуры: Лукьянов, Примаков и Прокофьев. Горбачев категорически не согласился отпустить ни первого, ни второго и предложил подумать о другой кандидатуре. Секретари опять предложили меня.

Я не в прямой форме брал самоотвод. Сказал, что благодарю за доверие, но еще раз прошу товарищей взвесить, стоит ли меня избирать. Ведь секретарем Московского горкома партии всегда были или кандидаты или члены Политбюро, а я даже не член ЦК.

Это создаст дополнительные трудности, так как управлять столичной партийной организацией, не обладая властными полномочиями, будет чрезвычайно сложно.

Этот довод принят не был. Но для того чтобы выборы были альтернативными, как того требовало время, нужен был еще один претендент. Выдвинули кандидатуру секретаря Калининского райкома партии Рудакова, и я ему благодарен за то, что он не взял самоотвод. Подавляющим большинством избрали меня, за него подали голоса пять или шесть человек.

Вот таким образом я был избран первым секретарем Московского горкома партии...

...Почему Горбачев был против меня? Могу лишь предположить, тем более что знакомство и первые встречи, складывались у нас по-доброму.

1984 год.

Генеральный секретарь ЦК КПСС К. У. Черненко был болен.

Проходило собрание в Кремле в зале пленумов. Собрался очень узкий круг людей, и вместо Черненко с заявлением от его имени должен был выступить Виктор Васильевич Гришин.

Я должен был сидеть в президиуме рядом с Гришиным как первый секретарь райкома партии, а Андрей Андреевич Громыко — рядом с Горбачевым. И вот, когда мы выходили на сцену, Громыко резко отодвинул меня плечом, рванулся изо всех сил вперед и уселся рядом с Гришиным. Я, честно говоря, заметался, не зная, куда сесть. Смотрю: место свободное рядом с Горбачевым, я и сел рядом.

Ну, а поскольку сидели вместе, разговорились, и тогда я выяснил, что он жил в Стромынском общежитии, и мы с ним на Яузе регистрировали наши браки, ходили в кинотеатр «Орион», а иногда — в один и тот же ресторан «Звездочка». Он обещал приехать ко мне в Куйбышевский район. Вот такой был разговор.

Потом, когда избирали Ельцина, Михаил Сергеевич, как я уже рассказывал, тоже приходил. Он меня вспомнил: «А я тебя знаю, мы встречались». Видно, он хотел продемонстрировать Ельцину, что многих знает. И пошла у нас беседа, достаточно живая, благожелательная и интересная.

Это позже я убедился, что он человек неискренний и коварный...

Когда в 1989 году готовились к первым выборам на альтернативной основе — избирался Верховный Совет народных депутатов СССР, — я в разговоре с Зайковым сказал: «Не могу понять. Раньше все вопросы решал ЦК партии: готовил предложения, проекты законов, а Верховный Совет только их рассматривал, одобрял или не одобрял. Теперь Верховный Совет будет работать на постоянной основе, а ЦК — нет. Значит, депутаты Верховного Совета станут разрабатывать проекты законодательных актов, выносить их на съезды народных избранников. Как сложатся взаимоотношения между ЦК и Верховным Советом?»

Зайков недоуменно посмотрел на меня и сказал: «А мы это на Политбюро и не обсуждали». Я говорю: «Как не обсуждали? Ведь фактически это новая структура. Где теперь место ЦК, где место Верховного Совета? Какие теперь взаимоотношения между ними, какая последовательность в принятии законов?» Он снова: «Мы об этом не разговаривали».

Зайков рассказал Горбачеву о моих сомнениях. Горбачев очень рассердился и высказал крайнее недовольство тем, что ставятся такие вопросы, уверял, что в ЦК все продумано, ничего меняться не будет. В общем, как всегда, навел туману.

После выборов в Верховный Совет народных депутатов СССР,

когда партия потерпела фактически поражение, готовилась передовая в «Правде» по их итогам. Там была примерно такая фраза: «...народ не избрал депутатами большое количество партийных руководителей, потому что они догматики, консерваторы» и т.п. Достаточно резкая формулировка.

Но было-то совершенно иначе! *Когда готовили выборы, орготдел и отдел пропаганды и агитации ЦК запрещали партийным органам вмешиваться в подготовку выборов*, мотивируя тем, что «у нас одна партия и наш народ сознательный».

В итоге силы, которые выступали с антисоветских, антикоммунистических позиций, *открыто вели* активную пропаганду и агитацию, а партийным органам вести агитацию за своих кандидатов было *практически запрещено*. Я сказал тогда Зайкову: «Если такая формулировка появится в «Правде», я выступлю на страницах московской печати с отповедью, потому что это не соответствует действительности и дискредитирует партию».

С моего согласия эти соображения также были переданы Михаилу Сергеевичу. Видимо, поэтому та резкая формулировка и не появилась. Все было сказано в более мягких тонах, что мы-де «понесли поражение, потому что мало поработали с народом».

И вот наступает 22 апреля — день рождения Владимира Ильича Ленина. Выход президиума торжественного собрания проходил так: первую часть президиума — членов Политбюро ЦК, как всегда, вводил Генеральный секретарь ЦК партии; одновременно двигалась остальная часть президиума: министры, маршалы, представители трудящихся. Эту вторую часть всегда выводил второй секретарь МГК партии.

И получилось так, что Горбачев выводит свою часть, а я — свою, и мы встречаемся с ним перед дверьми, ведущими на сцену Дворца съездов. Он ко мне подходит и говорит: «Здорово, Прокофьев. Ну что, испугался выборов? Подумаешь, там кого-то не избрали, и ты уже в панику ударился!»

Я думаю, эти два момента, о которых я разговаривал с Зайковым, насторожили Горбачева, и он не захотел, чтобы меня избирали первым секретарем горкома. Если, будучи вторым секретарем, которому вообще по тем временам не положено было голос подавать, я возражаю, то чего можно ждать от меня в будущем?..

Итак, в декабре 1989 года меня избрали первым секретарем Московского комитета партии, и я переместился в кабинет, где до этого сидели Гришин, Ельцин, Зайков. На стене висели два портрета (кабинет был такой, что только на одной стене можно

было повесить два портрета) — портрет Ленина и рядом портрет Горбачева.

Незадолго перед майскими праздниками я попросил управляющего делами восстановить так, как было при Гришине: оставить лишь портрет Ленина. Портрет Горбачева сняли.

Это не прошло бесследно. Проходило какое-то совещание в ЦК. На заседание Политбюро пригласили и меня как секретаря Московского горкома. В перерыве пили чай, и тут Горбачев говорит: «Я вижу, ты осваиваешься вроде во всех делах, поддержка есть, мы смотрим. Но смотри, не зарывайся»...

...Горбачев, я думаю, человек достаточно эрудированный, но знания его были поверхностными. В экономике, как я уже говорил, Михаил Сергеевич плохо разбирался.

Ну, скажем, такой пример. В начале 1991 года он вдруг заявляет: «Юрий, ты знаешь, вот все говорят: рынок, рынок, разгосударствление предприятий. Ведь, оказывается, во Франции, в Финляндии большинство предприятий являются государственными!»

Я говорю: «Михаил Сергеевич, а вы что, не знали?» И называю: во Франции 30% государственных предприятий. Крупнейшее предприятие «Рено» — государственное. Есть даже такая поговорка: «Как живет «Рено», так живет и Франция».

Привел еще сведения: в Финляндии — 35%, в Австрии — 40% государственных предприятий. И земля в большей части европейских государств не является частной собственностью. Назвал ему даа- ные по Голландии, Израилю.

У меня сложилось впечатление, что Горбачев не просто подыгрывал мне, хотя подобное у него бывало довольно часто. Он искренне удивился новому для себя знанию. Он этого просто не знал...

...Я работал в горкоме партии при трех первых секретарях Московского горкома КПСС — Гришине, Ельцине и Зайкове. О Зайкове я рассказал выше.

Виктор Васильевич Гришин пришел первым секретарем Московского горкома партии в 1967 году, а я в марте 1968 года. Он — первым секретарем, я — инструктором горкома партии.

История все расставит на свои места. Очень многое из того, что делалось после ухода Гришина, запланировано при нем. И реконструкция московской кольцевой дороги, и реконструкция центра города. Практически тогда приступили к работам на Сретенке, но все провалилось из-за перемены ситуации в стране.

При нем было запланировано и строительство Северной ТЭЦ. Как бы ни боролись против нее, все равно она нужна, чтобы обеспечить теплом огромную часть города.

С чего начал Гришин? Наверное, с того, что ему было ближе по ВЦСПС — с создания плодоовощных баз в Москве и зон отдыха. Он на это мобилизовал весь аппарат.

Виктор Васильевич был очень жесткий, требовательный. Может быть, даже чрезмерно жесток и требователен по отношению к людям. Работал много: где- то с восьми утра до десяти вечера. Так что Ельцин тут не показатель. Причем Гришин работал в напряженном темпе значительно больше по времени и значительно результативнее.

Он никогда не работал на публику. Всячески пытался принизить свою роль в публикациях о нем, описаниях каких-то достижений. Я думаю, поэтому он и работал в Политбюро более 20 лет. Никогда не выдвигался на передний план, всегда старался быть в тени. Мудрый был человек.

Но по отношению к партийному аппарату был, повторяю, очень жесткий, очень требовательный. Представление об этом может дать такой эпизод.

Как-то заведующий орготделом МГК, бывший первый секретарь райкома Сергей Михайлович Ко- ломин в восторге сказал: «Вы знаете, как нами доволен Виктор Васильевич? Он даже впервые назвал меня по имени и отчеству».

Обычно же Гришин первое время обращался к сотруднику только по фамилии.

Помню, я работал заместителем заведующего орготделом, Виктор Васильевич болел — инфаркт. Готовился пленум горкома партии, и я принимал участие в написании доклада. Как-то утром зашел в лифт вместе с помощником Гришина Новожиловым и по наивности спросил: «Как здоровье Виктора Васильевича?» А он мне так сурово-подозрительно: «А почему вас это должно интересовать? Вы только зам. зав. отделом...» Я стушевался: «Готовлю пленум. Меня это интересует по деловым соображениям», — хотел я неумело выкрутиться. — «Тем более не должно вас это интересовать», — отрезал Новожилов и вышел. Я остался в лифте как оплеванный...

Другой пример. Должен был приехать Янош Кадар. Тогда вообще организовывались пышные встречи, а тут особый случай: у венгерского руководителя с Брежневым были не очень хорошие отношения, поэтому Леонид Ильич позвонил Гришину и попросил, чтобы встреча состоялась как можно масштабнее и торжественнее.

Как отвечающему в горкоме за массовые мероприятия, мне тогда пришлось все это организовывать и докладывать Гришину. Присутствовали и секретари горкома партии, начальники Управления внутренних дел, КГБ. Во время доклада рядом со

мной сидел Леонид Иванович Греков, второй секретарь горкома. Я так волновался, что, когда к Гришину повернулся, заехал Грекову локтем в голову.

Кончилось совещание, меня отпустили, а Греков еще задержался в кабинете — что-то там обсуждали. Я потом звоню ему: «Леонид Иванович, извините, пожалуйста, что задел Вас. Я так волновался...» А он мне: «Ты один раз, а я каждый день иду к нему с таким чувством». Это не было рисовкой со стороны Грекова. Он человек способный, энергичный, сам — жесткий и властолюбивый.

Вот такой была атмосфера, в которой приходилось работать людям — от инструктора до секретаря горкома. А это было ой-ей-ей какое расстояние! Никакого товарищеского братства, товарищеского общения не было — жесткая дисциплина, строгая иерархия.

Гришина и министры боялись, не только рядовые работники горкома партии! Может быть, это плохо, но, во всяком случае, шло на пользу дела в Москве.

Однако об одной стороне его работы как руководителя я был невысокого мнения. Конечно, чтобы «удержаться в ситуации», в Политбюро — все он делал правильно. Но при нем было (может быть, сознательно, может быть, нет) очень большое количество заседаний, совещаний с длительными, нудными докладами. Причем, если с докладом выступал другой секретарь горкома, Виктор Васильевич выступал с заключением, которое было равно докладу и практически повторяло его содержание.

Как-то собрал нас второй секретарь Греков и заявил, что надо оживлять работу. Я ему предложил сократить число всяких заседаний и совещаний, дать людям возможность практически работать.

Греков вздохнул: «Ну, иди и скажи об этом Гришину». Я спрашиваю: «А в чем дело?» — «Да я пытался, но Виктор Васильевич убежден, что чем активнее и больше работает бюро горкома, тем активнее работают все».

Я считаю, это было большой ошибкой. От огромного количества заседаний положение дел, естественно, не улучшалось. Нужна была практическая работа.

Думаю, он это делал, чтобы показать, как напряженно работает партийное руководство города: каждую неделю заседало бюро, проводилось заседание секретариата горкома. Ко всем заседаниям приходилось готовить документы, материалы и справки. Бюрократии было много.

Если говорить еще об одном недостатке, который, на мой взгляд, очень серьезно сказался на Москве, то надо отметить его

нелюбовь к кадровым перемещениям. Первые секретари райкомов работали по 10—12 лет. Может быть, такую стабильность можно объяснить тем, что это были его выдвиженцы: он к ним привыкал, им доверял. Я же на личном опыте убедился, что шесть лет — предел работы на этой должности.

Но было и много хорошего в том же кадровом вопросе.

У Гришина был свой особый подход к кадрам, особая метода проверки сотрудника, к которому он присматривался и с которым собирался работать.

Когда я был только секретарем райкома партии, прежде чем предложить мне стать зав. отделом, Гришин взял меня с собой в командировку в Югославию. Мы были там неделю, и он имел возможность практически наблюдать, как я веду себя на встречах, приемах, в общении с людьми и т.д. И лишь после этого принял окончательное решение. Тоже, в общем-то, хорошая проверка кадров: не только по работе, но и в быту, и в такой достаточно сложной ситуации.

Но в Югославии я был поражен другим: Гришин выступал без бумажки, в лучшем случае — по тезисам! В Москве же все доклады и выступления — лишь строго по заранее подготовленному тексту, который ему писали помощники. Я думаю, это происходило потому, что все руководство партии, и прежде всего Брежнев, выступало только по написанному тексту, и Гришин не хотел выделяться.

В Югославии (я сам в этом убедился!) даже в такой ответственной аудитории, какой была встреча с активом в Белграде, при достаточно большом количестве людей он выступал без шпаргалки, свободно, раскованно. Тезисы у него были, но он, казалось, о них забыл. То же и на небольших встречах — на заводах, в парткомах выступал с «белого листа», причем аргументировано, интересно, живо, и это звучало намного убедительнее, чем в его московских речах.

...В последние годы работы в горкоме Гришин сильно изменился. Он стал больше доверять людям, вероятно потому, что почти все, кто работал с ним, были выдвинуты Виктором Васильевичем, или при его участии, или с его согласия.

Да и возраст, конечно, сказался. Некоторые люди с годами становятся более раздражительными, а он, наоборот, помягчал. Может быть, внуки сыграли в этом свою роль...

Всякое бывало за время работы в горкоме. Были и интриги и довольно серьезные. Например, первая половина работы в горкоме у меня была спокойная, если вообще работу там можно назвать спокойной. А потом началась травля Гришина, нажим на него. Хотя я знаю, что именно по распоряжению самого Виктора

Васильевича, еще при Андропове, КГБ и Управление МВД серьезно занялись проверкой торговли в Москве. Большинство хищений были вскрыты московскими, а не центральными правоохранительными органами. Тем не менее, Гришина стали обвинять в коррумпированности, в поддержке торгашей.

Тогда был арестован управляющий Главторгом Москвы Трегубов. Я до сих пор не уверен в его виновности, потому что ни денег, ни доказательств не нашли. Подарки получал, это так. Время было жестокое. Помню, как посадили заведующую райторгот- делом Гагаринского района. Дали восемь лет, потом, правда, скостили. Она призналась, что получила подарки на день рождения — флакон духов «Красная Москва» и коробку конфет. А потом и подписалась, что получила эти подарки. Ее посадили за «взяточничество». Тогда сажали и тех, кто был действительно виновен, и тех, кто брал всего лишь подарки.

Я думаю, Трегубое понадобился как фигура, которая могла бы дискредитировать Гришина. Какой- нибудь директор универмага для этой роли явно не годился. А вот глава всей торговли города, депутат Верховного совета, член горкома партии, награжденный шестью или семью орденами(!) — он много лет проработал в московской торговле, — вот такая фигура могла скомпрометировать и первого секретаря горкома партии.

Трегубова не реабилитировали. Он вышел через 12 лет. У него дома нашли драгоценности на 12—15 тысяч рублей. Для человека, который всю жизнь проработал не просто в торговле, а на руководящих должностях и получал большую зарплату как начальник главка Мосгорисполкома, это не так много.

Конечно, в известной степени Трегубов был виноват, потому что воровство в торговле имело место. Особенно там, где был дефицит. Трегубов же был руководителем, и оправдаться ему трудно...

Проблем с торговлей у райкомов партии, горкома вообще было много. Сама экономическая ситуация порождала там негативные явления. К тому же работа не престижная. Особо народ туда не шел. Ну а тех, кто соглашался идти в торговлю по комсомольскому набору и работал честно, сажали сами работники торговли.

Скажем, ты директор маленького магазина и не воруешь. Не делишься. Тебе на ночь привозят котлеты. Заметьте, летним вечером, когда на улице 30 градусов жары, а у тебя нет холодильной камеры. Продать их ты не можешь. Отказаться не имеешь права, так как тебе их привезли по разнарядке. Ты доказываешь, что хранить их негде, просишь привезти утром. Все впустую, спорить бесполезно.

Котлеты за ночь протухли. Человек должен за протухшие котлеты заплатить из своего кармана, а большинство из своего кармана достать ничего не могли. Тогда человек начинает изобретать какие-то «усушки, утруски».

На этом «виновного» накрывали и отправляли в места не столь отдаленные. Так, например, поступили с двумя комсомольцами, которых мы направляли на работу в торговлю. Спасти их было просто невозможно, ибо имелись налицо документально подтвержденные «факты обмана государства». Хотя всем было ясно, что их просто «подставили».

Строительство — тоже опасное дело. Как, например, окончательно «ушли» Гришина? Сначала обвинения шли по торговле, потом в «Советской России» появилась большая статья о недостатках строительства в Москве. Речь шла о приписках и воровстве. Приписки действительно были. Сдавали дома, к сожалению, не полностью достроенные. Конечно, не без крыш, как писали для красного словца,— такого не было. Но недоделки случались, даже лифты иногда не работали.

Статья была явно направлена против Виктора Васильевича Гришина. Он вернулся из отпуска, собрал несколько человек посоветоваться: что делать. Вздохнул: «Я вижу, что идет нажим на меня. Боюсь, это отразится на городской партийной организации. Может быть, мне уйти самому?»

Потом он со мной отдельно разговаривал, высказывал свои сомнения. Но мы оба, понимая, что пришлют кого-то чужого, не москвича, сочли его уход нецелесообразным. Решили, что надо бороться и доказывать свою правоту. Гришин в отставку не подал. Тогда Горбачев сам его вызвал и предложил «уйти на покой».

Последние годы жизни Виктор Васильевич Гришин очень нуждался. Он умер в собесе при оформлении пенсии. Факты эти общеизвестны...

...Был в ходу лозунг: «Партия — наш рулевой». Красивая, громкая и не совсем точная фраза. Чего рулить? Работать надо. Партия в те времена — орган управления государством, структура управления. Развалили партию, сломали структуру.

Чем, к примеру, занимался первый секретарь горкома партии? Помимо идеологии — чисто хозяйственными делами. Вопросы строительства в Москве, обеспечения теплом, водоснабжения, торговли — ничто не должно было уходить от его внимания. Он нес ответственность за выполнение городскими промышленными, научными, транспортными организациями народнохозяйственных планов. Он отвечал за нормальную жизнь людей города.

Все планы развития метрополитена, строительства

транспортных развязок в городе, реконструкции вокзалов, строительства новых типов детских садов с бассейнами, школ нового образца обсуждались и утверждались именно у первого секретаря горкома. Кстати, строительство Крылатского началось полностью под контролем Гришина. Это его детище — экспериментальный район, опыт которого он собирался потом распространить на всю Москву.

Точно так же было, когда пришел Ельцин. Но с меньшим успехом, поскольку он большое внимание уделял чисто театральным приемам для личной популяризации. Причем делал это классически ловко, надо отдать ему в этом должное.

Был такой случай. Борис Николаевич обещал посетить предприятия торговли и общественного питания. Есть на Профсоюзной улице ряд домов Совмина, которые в народе метко окрестили «Царским селом» или «Ондатровым заповедником». А рядом стояли первые пятиэтажки, которые стали ветхими и пришли в негодность. И вот во дворе одной из этих пятиэтажек открыли кооперативное кафе. К приезду Ельцина там все вымыли, вычистили, поставили кругом охрану, ГАИ. Жители пятиэтажек поняли, что приедет какой-то большой начальник.

Когда Ельцин подъехал, его, вместо осмотра этого кафе, буквально схватили за полу пиджака и повели по подвалам, чердакам и квартирам, где жить уже было невозможно.

Как Ельцин обыграл этот факт? Всю ночь они вместе с Полтораниным писали статью в «Московскую правду». Она была опубликована на следующий день. Смысл статьи был такой: какой замечательный у нас первый секретарь горкома партии! Он не побоялся приехать в район пятиэтажек, он прошел с жителями по чердакам и подвалам. То есть довольно-таки неловкую ситуацию превратили в победу. И тут же раздавались наказания — снимались с работы, и тут же намечались планы. Большой такой разворот был с восхвалениями Ельцину за эту поездку. Но я ведь точно знал, что планировалась не экскурсия по пятиэтажкам, а осмотр кооперативного кафе!..

Как развалили партию

Я работал секретарем горкома в необычное время. То, что делал я, не характерно для моих предшественников. У них были совершенно другие условия.

Страна и партия с необычайной быстротой катились под уклон. Необходимы были реформы, пересмотр экономической политики. Но пошли по другому пути: и страну и партию стали «ломать через колено». Все ли было случайно? Не было ли каких-либо сил, конкретных людей, способствующих этому?

Уверен, что помимо объективных причин, налицо и сознательный подрыв авторитета партии, и ее развал, желание доказать, что она не имеет особого влияния и мало на что способна, а главное, не может реформироваться.

Может быть, и был период, когда Горбачев считал, что нужно проводить экономические реформы и преобразования в обществе с помощью партии. Однако, не сумев вообще эффективно проводить реформы, он пришел к мысли о необходимости разрушить партию, считая, что именно она мешает их проведению.

На чем основана моя точка зрения? В декабре 1987 года на пленуме ЦК партии, где стояли вопросы партийного строительства, часть членов ЦК говорила о необходимости реорганизации партии. Горбачев в своем докладе, отвечая им и полемизируя, кажется, с тем же Ельциным, заявил, что мы проводим реформирование общества и только одна из его структур должна оставаться незыблемой — такой структурой, по его словам, являлась партия.

Шло самое начало перестройки. Заявление Горбачева давало основание предполагать, что первоначально он собирался проводить реформы с помощью партии и опираясь на нее.

Но затем экономические реформы, которые предлагалось провести, не пошли. Более того, они имели обратный эффект: стал снижаться объем производства, ухудшался жизненный уровень людей. Горбачев начал искать виновного.

В «Правде» появилась статья Татьяны Смолич, резко выступавшей против партийного аппарата — этого, по ее определению, «болота», того среднего звена, которое якобы тормозит перестройку. Эта статья, естественно, не могла появиться без ведома руководства партии и лично Горбачева.

Самое страшное было то, что Горбачев, говоря о необходимости демократизировать общество, не демократизировал партию. Партия, самые широкие слои

партийцев стремились к ее демократизации, но препоны-то ставило само руководство! Если и появлялись какие-то демократические новшества, то только под большим давлением снизу, когда уже обострялось противостояние между низами и верхами и когда Горбачев чувствовал, что дальше «держать и не пущать» нельзя.

А может быть, он специально создавал такую напряженность, чтобы посеять рознь между низами и верхушкой партии? Это в конечном итоге и привело к ее развалу. Возможен и такой вариант.

У меня до сих пор два взгляда на этот вопрос. Первый: Горбачев не сумел осуществить демократизацию партии; второй: он сделал это специально. Ясно одно: Горбачев не любил партию и предпринимал всевозможные попытки, чтобы ее развалить.

В то время самая политизированная часть общества, за редким исключением, находилась в партии. Партия была одна, а взгляды ее членов разные — от либерально-демократических и социал-демократических до ортодоксально-коммунистических. В результате в партии в начале 1990 года образовались две платформы: «Демократическая платформа в КПСС» и «Марксистская платформа в КПСС».

Этим попытался воспользоваться Горбачев. Неожиданно он выходит на заседание Политбюро с очень жестким письмом в адрес Демплатформы и вносит предложение провести перерегистрацию коммунистов, а затем всех, кто принадлежит к Дем- платформе, исключить из КПСС. Письмо предполагалось опубликовать в прессе.

Я тогда еще не был членом ПБ ЦК. В Политбюро в ту пору входили председатель Совмина СССР, председатель КГБ, министр обороны и другие руководители партии и государства. Меня в Политбюро ввели 14 июля 1990 года на первом пленуме ЦК после XXVIII съезда партии, где меня избрали в состав Центрального Комитета.

Зная уже, какую линию проводит Горбачев, я понял, что в письме заложена провокация, а реализация горбачевского предложения приведет к расколу партии.

Мы собрались с секретарями горкома партии, потом с секретарями райкомов партии и решили: считать принятие такого письма ПБ ЦК партии нецелесообразным, так как это приведет к расколу партии, чего в данной ситуации нельзя допустить. Пришли к выводу, что надо поддерживать различные платформы в партии, но не создавать отдельных организационных структур. Могут быть различные точки зрения — инакомыслие в партии нельзя исключать, — но до определенных, естественно, пределов.

Мы подготовили такое письмо от имени бюро горкома и секретарей райкомов, и в тот же вечер я его отдал Горбачеву. Возможно, поступили возражения и от других организаций. По крайней мере, Политбюро ЦК КПСС не приняло предложений Горбачева, и перерегистрации не было.

В Москве известен единственный случай исключения из партии в связи с членством в Демплат- форме — Игоря Чубайса, брата Анатолия Чубайса. Его из членов КПСС исключил Краснопресненский райком партии. Он тогда преподавал философию в одном из творческих институтов. Единственный случай на 1 млн. 200 тысяч членов Московской городской парторганизации.

Таким образом, сорвалась попытка раскола партии условно на две части — Демократическую платформу, на базе которой предполагалось создать партию социал-демократического типа, и партию ортодоксальных марксистов.

За первым заходом последовал второй — создание Движения демократических реформ, куда вошли Шеварнадзе, А. Яковлев, Вольский и другие. ДДР было создано в мае 1991 года, а осенью предполагалось на его базе создать партию. Эта партия должна была предъявить требования на часть имущества КПСС. Однако движение широкой поддержки в партии и обществе не получило.

Когда же наступил август 1991 года, на партии был поставлен крест, поскольку ряд попыток расколоть ее не привел к нужным результатам.

...В мае 1991 года я пригласил выступить перед московским партийным активом последнего первого секретаря Польской объединенной рабочей партии (ПОРП). Выступил он в довольно мрачных тонах и точно предугадал, что нас ожидает. После встречи с активом мы с ним долго беседовали. Я его спросил, что привело к ликвидации ПОРП и смене общественно-политического строя в стране, в чем его основная ошибка? Ответ был таков: в том, что не допустил раскола партии.

Может быть, если бы на базе КПСС образовались две партии, история страны имела бы другое продолжение? Но история — повторюсь — не терпит сослагательного наклонения...

Здесь уместно повести особый разговор о роли А. Н. Яковлева.

В 1987 году по Москве ходило письмо «Остановите Яковлева!» Пришло оно и в Моссовет на имя Сайкина. Сайкин тогда спросил: «Что будем делать?» Я посоветовал отдать его первому секретарю горкома партии Ельцину.

По моим сведениям, такое же письмо получили все члены Политбюро и многие руководители в Москве и в стране. Там

утверждалось, что Яковлев — американский агент, что он был завербован американской разведкой, когда учился в Колумбийском университете. Будучи послом в Канаде, он уже работал на две разведки — на нашу и на американскую.

Говорилось, что Горбачев попал под его влияние еще во время своей поездки в Канаду и сейчас всячески двигает его. Яковлев, предупреждали далее в письме, рвется к власти: был заведующим отделом ЦК, теперь — секретарь ЦК и, если станет членом Политбюро, — это будет трагедией для страны. Яковлева необходимо остановить! Это проамерикански настроенный человек, а проще — агент влияния Америки.

Три четверти письма были написаны достаточно убедительно и, как мне показалось, не предвзято. А формулировки же последней его части отдавали установками общества «Память». Там уже пахло не патриотизмом, а шовинизмом.

Потом вышла статья в газете «Московский строитель». В ней поместили фотографию выпускников Колумбийского университета, где крестиками помечены Яковлев и Калугин.

К такому выводу подталкивали и выступления А. Яковлева на встрече с молодыми членами партии на XXVIII съезде КПСС и в Прибалтике, и полное бездействие (а точнее — противодействие!) Идеологического отдела ЦК, когда по существу все средства

массовой информации работали против партии. А ведь именно А.Н. Яковлев возглавлял этот участок работы...

У меня была беседа по этому поводу с Крючковым. Он сказал, что у него есть абсолютно точные сведения о том, что Яковлев и Калугин завербованы. Это сказано было еще задолго до событий 1991 года и появления двухтомника мемуаров Крючкова «Личное дело».

...Было бы неверным сваливать ответственность за все происходящее только на отдельные личности или на иностранные разведки.

Это началось с конца 1989 года. До того времени экономика у нас развивалась. Люди еще жили надеждами. Они поверили в перестройку, поверили, что перемены приведут к лучшему.

Но перемены привели к худшему, практически — к обнищанию народа. А народ-то воспитывался у нас с чувством собственного достоинства, а эти бесконечные очереди и многое другое людей просто унижало.

Поэтому, говоря о рабочем классе (это к вопросу о том, почему партия разваливалась), следует учитывать, что партия фактически лишилась поддержки со стороны более пяти млн. рабочих-коммунистов. Ведь рабочие в партии составляли на тот момент 44% КПСС. Да и объективно поддержки не могло быть,

потому что невозможно объяснить рабочему человеку, отчего ситуация ухудшается — ведь нет войны или каких-то других объективных причин! Лозунги одни, а в реальности происходит другое.

Рабочий класс относился в это время к партии отрицательно. Я состоял в то время на партийном

учете на заводе — было принято решение, чтобы секретари Московского горкома стали на партийный учет на каком-нибудь предприятии. Я выбрал Электрозавод им. Куйбышева в районе, где работал, где меня хорошо знали. И все равно мне было там очень тяжело, потому что я не просто состоял на партучете завода, а в цеховой организации. Присутствовал на собраниях, где всякое приходилось мне слышать — там с должностью не считались.

В начале 90-х годов с резкой критикой выступали даже партийные активисты. Они говорили: «Как я буду агитировать за свою партию, если ввели этот идиотский антиалкогольный закон, который привел к спекуляции, самогоноварению, к унижению людей? Как объяснить, что большинство товаров можно достать либо в магазинах по талонам, либо выстояв громадную очередь? А многих необходимых товаров вообще нет. Чем это объяснить, что семьдесят с лишним лет Советской власти, партия у руководства, а жизнь не улучшается, только резко ухудшается?» Отвечать на такие вопросы было нечего, кроме признания фактов.

Если говорить о технической интеллигенции, то здесь были свои сложности. Вот, скажем, в Куйбышевском районе (я беру конкретный пример, а это один к одному для любого другого учреждения) был мощный научно-исследовательский институт дальней радиосвязи, занимающийся радарами.

Принимается постановление партии и правительства о каком-то новом изделии. Под это постановление записывается увеличение штатного расписания, строительство жилого дома и т.д. Да и категория предприятия зависела от числа работающих: чем число больше, тем больше получал директор.

Это было и в других научно-исследовательских институтах и на заводах. Не от объема выпускаемой продукции, ее значимости, а в первую очередь от численности рабочих зависела категория. Поэтому все хотели увеличить количество сотрудников.

Разрабатывается какая-то новая программа, открыли новую лабораторию, новый отдел. А старые-то не закрываются, хотя прежняя тематика уже не нужна, она не развивается и фактически закрыта, а люди остались. Они ходят на работу, но делом не занимаются — вяжут кофты, читают книжки. Так образовывался разрыв между потенциалом людей, их реальной работой и

зарплатой. Все это вызывало недовольство.

Впоследствии коллективы многих научных учреждений Москвы, в первую очередь оборонки, стали базовыми для работы Межрегиональной депутатской группы, во главе которой стояли Афанасьев, Попов, Сахаров, Ельцин и другие «демократы».

Вызывал недовольство и жесткий контроль над средствами массовой информации, за работой творческой интеллигенции. Да, контроль в ряде случаев был совершенно не обоснованный, вызванный только личными симпатиями и антипатиями, и это не могло не вызывать нарекания. Ну а что мы видим сейчас? При не менее жестком контроле над информационными программами, где буквально дозируется и взвешивается каждая фраза, во всем остальном в погоне за долей рейтинга телекомпании готовы показывать что угодно: пропаганду насилия и культа денег, порнографию. Все стремятся к материальной выгоде, и мало кто думает о будущем нации.

Недовольство и непонимание было по поводу приема в партию по разнарядке. Сейчас трудно объяснить нормальному человеку, почему, прежде чем удовлетворить заявление врача о приеме в партию, надо было сначала принять водителя «Скорой» или истопника этого медицинского учреждения как представителя рабочего класса (даже если они не изъявляли желания или были просто не достойны того). И так — в каждом учреждении. Это был полнейший идиотизм, но так было.

Меня критиковали несколько раз за то, что мы принимали в партию людей старше 45 лет. А почему принимали? Потому что человек профессионально вырос, надо его двигать, к примеру, на должность директора завода или начальника крупного цеха, а он беспартийный и его назначение не пропускают. Значит, приходится принимать его в партию для того, чтобы рос человек. И обвинять таких людей в карьеризме просто несправедливо: чтобы заниматься любимым делом и расти, нужно было обязательно стать членом партии.

Раньше при Сталине, к примеру, маршал Советского Союза Говоров был беспартийным. И были директора крупных заводов, ведущие конструкторы беспартийными. Туполев в партии не состоял. И ничего — им доверяли, и работали люди на благо Родины!

Многих возмущала и процедура выпуска за границу, когда на комиссиях задавались дурацкие вопросы, — эти и подобные им действия рождали негативное отношение к райкомам и к партии вообще.

Негативно воспринималось вмешательство парткомов в личную жизнь. Жаловались жены. Даже мужья стали писать

жалобы на жен, и я несколько таких писем получил. Помню одно послание: жена была председателем месткома, все время ездила на всякие семинары, в пионерские лагеря и т.п., забросила своего ребенка. Муж подозревал ее в измене и написал жалобу в горком партии: мол, призовите жену к порядку.

И еще: партийные руководители высшего звена, начиная от обкомов партии и выше, пользовались значительными привилегиями. И они за них — ох как! — держались. Это можно отнести особенно к секретарям обкомов и к членам Политбюро. Не потому, что они получали большую зарплату. Они прекрасно понимали: уйди они с этой должности, сколько бы денег ни заработали, таких привилегий иметь не будут. Я имею в виду дачи, распределители, санатории и все прочее.

Во многих регионах этих привилегий было даже значительно больше, чем в Москве. Кое-где процветало самое настоящее байство. Поэтому секретари областных комитетов партии, хотя и были недовольны Горбачевым и за его спиной критиковали и ворчали в кулуарах, но стоило тому только прикрикнуть — а он умел это делать! — все сразу замолкали.

Но все эти проблемы были решаемы, если бы руководство партии пошло на реформирование самой КПСС, как и следовало это сделать.

И, наконец, — *главное.* Я уверен, что если бы партия состояла из политически убежденных людей, политических бойцов, то она бы не рухнула, даже если бы ей изменила «верхушка». Но КПСС, сформированная в последние годы по разнарядке и достигшая к 1990 году более 19 млн. (!) членов и кандидатов в члены КПСС, в значительной ее части состояла из случайных пассивных и равнодушных людей — инертной массы, а не бойцов. А подчас и из безыдейных, и даже врагов самой партии, говорящих одно, думающих другое и делающих третье ...

* * *

При всех недостатках, часть которых я назвал, *и которые в большинстве своем были решаемы безусловно(!)* — разрушение структуры управления государством оказалось гибельным. Можно критиковать КПСС, хаять ее, но в такой огромной стране ее существование было единственной возможностью проникнуть в каждую ячейку: и в бригаду на заводе, и дойти до каждого колхозника, и до каждого человека, поскольку практически везде были члены партии.

Сила партии как органа государственного управления была в

том, что все было подчинено выполнению ее решений. Наверху принимались решения, потом они дублировались применительно к местным условиям, и затем выполнение этих решений организовывалось всеми органами партии, вплоть до мельчайших ее ячеек.

Но в этом была ее слабость. Когда руководство предало партию, рухнула вся структура, потому что организации среднего и низшего звена не были приучены работать самостоятельно, а лишь выполняли вышестоящие указания.

В целом уже после XIX партийной конференции лета 1988 года, о которой речь пойдет ниже, и особенно — после отмены на III съезде народных депутатов СССР в марте 1990 года Шестой статьи Конституции, в которой закреплялась руководящая роль КПСС, ситуация складывалась таким образом, что партия должна была (обязана была!) превратиться из органа управления государством в чисто политическую организацию. Но она не сумела это сделать.

И когда партию отстранили от руководства государственными и хозяйственными делами, и все легло на плечи не подготовленных к этому Советов, партия, так и не сумевшая стать политической организацией, в одночасье рухнула.

Я считаю это одной из основных причин развала партии...

...Потом был август 1991 года, и партию запретили. Затем она возродилась, но под иным названием.

Случилось это уже в другой стране, и была другая партия...

Как развалили страну

О развале страны пишут и говорят очень много. Иногда объективно анализируя события, а чаще ищут виновных, старательно сваливая друг на друга.

Я постараюсь не перепевать многажды сказанное, просто расскажу о том, чему был свидетелем, о своем восприятии событий в то время и, конечно, о некотором их осмыслении с позиций сегодняшнего дня.

Как и многие, я ждал перемен и как мог способствовал тому, чтобы они пришли. Но перемены наступили стремительно, а результаты превзошли все ожидания. В худшую сторону. Появился катастрофический дефицит. Нельзя было купить обыкновенной еды, в огромных очередях ломали ребра, людей увозили с инфарктами. Исчезла одежда, даже нижнее белье — носки, трусы, майки — нельзя было приобрести.

В Москве, как и в других городах и республиках, ввели талоны. Началась дикая спекуляция. Исчезли винно-водочные и табачные изделия. В наших традициях отмечать вином праздники и горе. Поэтому, когда были свадьбы или похороны, запасались запиской или справкой, что кто-то родился или умер, и тогда в магазине отпускали водку или вино.

Почему это происходило? Повторяю, точный ответ до сих пор не найден. Но кое-что могу предположить. Мы действовали по принципу Мичурина: не надо ждать милостей от природы, взять их — наша задача. Независимо от того, соответствует ли это экономическим законам. Для любого общественного строя экономические законы обязательны, будь то социалистический или капиталистический — неважно. Первым из руководителей об этом напомнил Ю.В. Андропов.

Говорят, что тезис «экономика должна быть экономной» появился как результат случайной опечатки, а потом его превратили в лозунг. Не знаю, это анекдот или действительно так было. Но экономическое положение страны становилось все тяжелее, ситуация зачастую не поддавалась трезвому анализу.

Меня иногда спрашивают: «А Москва не могла обеспечить себя продовольствием? Его обязательно нужно было везти, например, из Рязани?» Отвечаю: обязательно.

Московская область не обеспечивала Москву всем необходимым количеством продовольственных товаров. Москва и Московская область — это регион, в котором проживало 16 миллионов человек. Производительность сельскохозяйственной продукции, номенклатура ее в Московской области были

недостаточны для того, чтобы обеспечить Москву целиком. Поэтому продовольствие везли из Смоленска, Рязани, Поволжья. Да и приезжих, которые «отоваривались» в Москве, было два-три миллиона летом, а зимой каждый день приезжало порядка 1 млн. 200 тысяч человек. Так что реформирование экономики было необходимо.

У нас существовала, по определению экономистов, очень тяжелая экономическая структура. Машиностроение и оборонный комплекс составляли 75% от объема производства, а производство товаров для потребления — 25%. Это, в сущности, экономика военного времени.

Если брать развитые страны с высоким уровнем жизни, то там либо 50% на 50% , либо обратная пропорция — 75% товаров народного потребления и 25% — машиностроение и оборонка. Там был высокий уровень жизни. Я имею в виду европейские и североамериканские страны.

Требовались структурные изменения экономики. Но для изменения структуры нужны деньги. Нельзя на заводе, который выпускает ракеты, производить швейные машинки или керогазы. Для этого нужно совсем другое оборудование, другая технология. Да и в ряде случаев просто невыгодно применять высокую технологию в этих целях. Очень мешала секретность, закрытость оборонных отраслей.

У нас конверсия понималась так: вместо самолетов выпускать раскладушки и чайники. В Америке конверсия была иной. Там конверсия — это передача новейших технологий, разработанных в оборонном комплексе, для производства товаров массового пользования. Надо было менять нашу утяжеленную структуру промышленности и совершенно по-другому проводить конверсию. Но, повторяю, для этого требовались время и деньги. В один мах все не сделаешь.

Я приведу пример. Плодоовощные базы — обыкновенные слова, окрашенные в ту пору в крайне негативную эмоциональную окраску. В Ленинградском районе (район авиационный — генеральными конструкторами там были Микоян, Яковлев, Ильюшин) возмущались тем, что их сотрудников привлекают для работы на плодоовощных базах. Тогда секретарь райкома партии сказал им: «Ну, пожалуйста, мужики, приезжайте, посмотрите, разработайте технологию. Оборудование поставьте, и мы не будем привлекать ваших людей».

Оказалось, что разработать оборудование для хранения и переработки овощной продукции для авиационных предприятий не менее сложно, чем делать самолеты. А почему? Потому, что

все к этому относились как к пустяку. А это далеко не пустяк — производство высококачественных товаров народного потребления: нужны специальная технология, специальное оборудование, опытнейшие специалисты для того, чтобы все это сделать.

В смысле производства товаров народного потребления Москва ни от кого не зависела. И обувь, и одежда, и предметы длительного пользования (холодильники, радиотехника) — все это производилось в городе в достаточном количестве, чтобы обеспечить москвичей. В большой степени вывозилось. Перерабатывающих предприятий пищевой промышленности тоже более или менее достаточно. Их число можно было увеличить без труда.

Но сельскохозяйственная продукция завозилась либо из-за рубежа, либо из других районов страны.

В Москве на асфальте ни коров нельзя пасти, ни картошку выращивать. Московская область не удовлетворяла полностью запросы населения, может быть, потому, что плохо работали в самой Московской области. Были неурожайные годы, когда приходилось закупать картофель в Польше, Германии. Все это из-за плохого ведения хозяйства.

Хотя я потом этим вопросом интересовался, изучал его, например, в Голландии. Когда у них дожди, армию тоже привлекают к уборке урожая, даже на частные фермы, так как и фермер не может спасти картошку. Были случаи, когда картофель полностью убирался армией.

Надо признать: у нас существовала неправильная система заготовки продукции сельского хозяйства для Москвы. В столице были построены большие плодоовощные базы. Во всем мире делается по- другому: хранится продукция на месте ее производства, а в город завозится по мере ее потребления. Тогда не нужно массы людей, огромного количества транспорта одновременно.

Мы попытались это сделать — стали строить базы в Московской области. Но если эти базы были не под контролем Москвы, то к весне, когда надо было завозить капусту или картошку в столицу, их уже там не было: все раскупали за зиму. Кстати, многие селяне приезжали в Москву из подмосковных районов за морковью, картошкой, потому что проще было купить в магазине, нежели вырастить и хранить. И хранилища, и перерабатывающая промышленность резко отставали, их нужно было развивать.

Москва по-прежнему оставалась зависимой от других регионов.

Сейчас столица в значительной мере освобождена от российской зависимости — хлынул поток товаров из-за рубежа. Но при этом Москва стала заложницей наших отношений с Западом. Если перекроют- ся эти каналы, в Москве начнется голод, потому что существовавшие ранее каналы связи с регионами обрублены.

Регионы начинают производить продукции столько, сколько нужно им самим, без расчета на поставки в Москву. Строят у себя перерабатывающие заводы, продают у себя же эту продукцию. Вряд ли они уже вернутся. Их только директивным или экономическим путем можно вернуть. А что значит экономическим путем? — Значит, цены на продукты питания надо резко повышать.

Наша ошибка в те времена заключалась в том, что нефтедоллары, которые мы получали, пускались не на развитие собственной перерабатывающей промышленности, а на закупку продовольствия и товаров за рубежом. Временно выходили из положения и вновь попадали в зависимость, не развивая свое производство.

Думаю, ситуация по стране не намного отличалась от положения в Москве.

Кризис наступал и на предприятиях, и в научно-исследовательских институтах. В Зеленограде, к примеру, начались волнения. Я приехал туда и спросил: «Вы можете мне объяснить толком, что здесь происходит?» Мне ответили: «Достаточно высокий интеллектуальный уровень и малая востребованность его». Люди были не удовлетворены ни зарплатой, ни тем, что могут делать больше, но не делают.

Безмерно были раздуты штаты на предприятиях и в оборонной промышленности, в первую очередь, — в научно-конструкторских и проектно-конструкторских бюро, которые работали не только на оборонку, но и на саму отрасль, так как многие отраслевые институты представляли собой придатки министерств. Там увеличивались штаты, а люди работали не на науку в данной отрасли, а на документацию министерства.

Конечно, это влияло разлагающим образом на определенную категорию людей. И не случайно основной поддержкой Демроссии и того же Ельцина в Москве выступили оборонные предприятия и научно- исследовательские и проектные институты.

Свою роль сыграла и достаточно «мудрая» политика Ельцина. Когда его сняли с должности первого секретаря горкома и перевели в Госстрой, он там курировал науку. В открытой печати приводился такой пример: директор одного НИИ Госстроя

получил за год премию в размере шестидесяти месячных окладов. Все это делалось с подачи Ельцина — так он покупал своих сторонников!

И поэтому, если проанализировать доверенных лиц Ельцина на выборах, можно заметить, что команды, которые с ним везде ездили и создавали ажиотажную атмосферу на встречах с избирателями, в основном состояли из сотрудников НИИ Госстроя СССР.

Сравнивая советское время и нынешнее, можно с полной уверенностью констатировать, что техническая интеллигенция на оборонных предприятиях, научные кадры находятся сейчас в самом плачевном состоянии. В Куйбышевском районе есть очень крупное предприятие оборонного характера. Именовалось оно в те времена «почтовый ящик 765», а попросту его называли «Геофизикой». Раньше там было около шести тысяч работающих, а в конце 90-х — половина.

Я одно время состоял на партийном учете в том самом коллективе, который активно выступал против меня, где говорили, что я такой-сякой, партократ, когда я, секретарь горкома партии, баллотировался в депутаты.

Они же одни из первых потом поняли, что натворили, потому что у них, извините, не работала даже канализация на предприятии и нечем было заплатить за ее починку. Стоял вагончик во дворе, и три тысячи оставшихся работников пользовались этим вагончиком. Они на собственной шее познали «прелести» демократического правления.

Там работала Лариса Крапивина, зам. секретаря парткома, которая везде, где только можно, выступала на партконференциях, критикуя партократов, привилегии и прочее. Я ее как-то встретил в 1993 году на улице, и она мне говорит: «Юрий Анатольевич, знаете, чем я сейчас занимаюсь? У нас женщины на предприятии получают 1600 рублей (а это были копейки). В совхозе «Фаустово», над которым мы шефствовали и куда вы «гоняли» нас на уборку урожая, мы закупаем сейчас по дешевке продукцию и торгуем ею около «Геофизики», для того чтобы выручку отдать женщинам в вычислительном центре, где я работаю». Я в ответ говорю: «Вот ты боролась, чтобы интересы людей защищать. Теперь имеешь такую возможность. Поработай хотя бы таким образом». Промолчала. Ничего не сказала.

...Но вернемся к 1989 году. Обстановка тогда действительно была сложная. Для меня самым главным в ту пору было свои мысли (а я считал, что реформы надо проводить в стране и в экономике, и в государственном устройстве, и в самой партии) довести до коммунистов, до населения. Поэтому значительную

часть моей работы в качестве секретаря горкома партии занимала политическая тема. При этом в полном объеме оставались прежние заботы о состоянии хозяйства в городе.

А решать хозяйственные вопросы стало значительно сложнее, поскольку председателем Моссовета был избран Гавриил Попов, и он уже тяжело воспринимал любые попытки горкома партии помочь ему в решении хозяйственных дел. Поэтому все вопросы приходилось решать в обход него, непосредственно обращаясь к коммунистам — руководителям тех или иных подразделений.

Но и непосредственное общение не всегда давало результаты. Был председателем исполкома, потом первым секретарем райкома партии Рудаков. При Попове он сменил Ю. М. Лужкова на посту заместителя председателя Исполкома Моссовета, отвечающего за снабжение города овощами.

Плохо было тогда. Сами ездили картошку копать. Пригласили его на бюро горкома. Он не захотел приходить. Ему сказали: «Ты коммунист. Мы тебя приглашаем не как руководителя подразделения хозяйства, а как коммуниста. Приди и расскажи, что ты делаешь для того, чтобы москвичи были в этом году с овощами».

Он пришел и выступил примерно так: «Вы тут семьдесят лет все разваливали, а теперь требуете, чтобы я работал».

Достаточно быстро поставили его на место. Я потом с Поповым разговаривал на эту тему. Вскоре и он пришел к выводу, что Рудакову не стоит занимать этот пост. Надо было работать, а не заниматься демагогией.

У меня было три-четыре встречи в неделю с трудовыми коллективами — обсуждали хозяйственные и политические вопросы. Ездил на предприятия оборонной промышленности, в воинские организации, в академии, а в основном на заводы — в самые разные коллективы. Старался выбрать, чтобы или коллектив был побольше, или где складывалась сложная ситуация.

Встречи проходили таким образом. Обычно выступление на 30—35 минут, а потом один-два часа ответы на вопросы людей. Вопросы были жесткие. Тем не менее удавалось склонять людей на свою сторону во время этих встреч.

Особенно сложно приходилось, когда Совет Министров СССР принял постановление о частичном повышении цен. Резко поднялись цены в столовых, за проезд на железнодорожном транспорте.

Я выступал против этого, но меня не поддержали. Я звонил Горбачеву, говорил, что нельзя повышать цены, особенно на детские товары, доказывал, что у нас иной менталитет, чем в

других странах: у нас товары для детей дешевле, чем для взрослых, а в мире наоборот: детские товары дороже. Считают, что взрослый может долго ходить в одном костюме — размер его не меняется, а ребенок растет, и хочешь не хочешь, а ему надо покупать одежду и обувь. Но Горбачев отрезал: «Что ты тут демагогией занимаешься? Во всем мире так, а почему у нас должно быть по-другому?»

Безусловно, я понимал, что цены нужно повышать, но повышать не рывком, а постепенно приводить в соответствие. Я внимательно изучал работы лауреата Нобелевской премии Леонтьева. Этот американский экономист русского происхождения давал советы, что нам надо делать. Советовал не проводить шоковую терапию, как сделали Гайдар или Павлов, а постепенно приводить цены в соответствие с себестоимостью и с реальной потребительской стоимостью товаров. И делать это постепенно, в плановом порядке. Только после этого проводить денежную и ценовую реформу в стране.

А начали сразу с резкого повышения цен, которое ударило по трудящимся: цены возросли в два раза — на детскую одежду, в два или три раза — в столовых общепита и на проезд в пригородном железнодорожном транспорте.

То же — в заводских столовых. Я пришел на Электрозавод для разговора с людьми. Вопросы задавались суровые. Завод стоит рядом с платформой «Электрозаводская» Казанской железной дороги. Многие рабочие живут за городом. Что же у них остается от зарплаты для того, чтобы жить, да еще после дорогого обеда в заводской столовой?

Отвечать на такие вопросы было очень тяжело и непросто. Рабочие говорили: «Ты секретарь горкома, ты член Политбюро, почему ты не отстаиваешь наши интересы?»

...В это время в Москве все увеличивался поток так называемых лимитчиков. Ходили разговоры, что, мол, один Ельцин боролся с их притоком. Это не так.

Нужны ли были Москве лимитчики, руководствовались ли здесь политическими мотивами, или это была политика брать на грязную работу людей со стороны? Мне трудно сказать, что послужило первоисточником этого явления, поскольку, когда решался вопрос о лимитчиках и создавались условия для их привлечения в Москву, я был еще в низу партийной лестницы и не общался с теми людьми, которые принимали решения. Я работал тогда в райкоме.

Могу лишь предположить. Думаю, это была политика не самого Гришина. Москва являлась столицей Советского Союза, культурным, научно-техническим и управленческим центром.

Соответственно кадры (а прописка в Москве была лимитирована) перекачивались в развивающиеся науку, культуру, в структуру управления. Работа в этих сферах была и более престижной, выше оплачиваемой, более чистой, требующей высокого уровня образования. В Москве этот уровень был достигнут. И соответственно все меньше и меньше людей оставалось для работы на промышленных предприятиях, в сфере обслуживания.

В столице проводилась реконструкция промышленности. Если бы было принято решение, что Москва, как любая столица мира, является только научным, управленческим, культурным, но не промышленным центром, тогда не было бы нужды в лимитчиках. Но кто-то, где-то, на каком-то уровне принял решение, что Москва должна быть и промышленным центром. И проводилась реконструкция предприятий для их расширения.

Скажем, было очень много споров, в том числе и в горкоме партии, о заводе «Серп и молот». Нужно ли иметь почти в центре Москвы крупный металлургический завод? Леонид Александрович Борисов, секретарь горкома партии по промышленности, отстаивал точку зрения, что его надо сократить до уровня завода по производству метизов, то есть винтов, гаек, болтов, шурупов и всего прочего, необходимого для московской промышленности, но не развивать как металлургический завод.

Виктор Васильевич Гришин поставил вопрос так: «Серп и молот» — это сердце крупного района Москвы, есть гужоновские традиции. А мы их уничтожим? Завод надо реконструировать, создавать новые цеха, чтобы делать высококачественные стали.

Победила точка зрения Гришина. Создали гигант металлургии в центре Москвы.

То же с ЗИЛом, который претерпел несколько реконструкций. Пытались модернизировать АЗЛК.

Подобное происходило с очень многими предприятиями. И все эти доделки-переделки приводили не к сокращению, а к увеличению численности рабочих. Строились цеха по производству новых видов изделий, увеличивалось производство продукции. Для этого требовалось все больше рабочих, строителей. А поскольку собственные трудовые ресурсы города были исчерпаны, появилась проблема лимитчиков.

То, что не было принято решение о Москве, как только об административном, культурном и научно- техническом центре страны, было, на мой взгляд, ошибкой.

А лимитчикам надо было где-то жить. Предоставить всем квартиры было невозможно, начали строить общежития. А что такое общежитие, рассказывать не нужно. Отношения людей между собой, отношение к помещению, где они живут, — с этим

тоже все ясно.

Предприятия были ограничены в средствах, поэтому общежития старались делать как можно скромнее. Совсем немного общежитий были квартирного типа, но в каждой их этих квартир жило несколько семей. Так рождались коммунальные квартиры, создавались общежития коридорного типа. Жили, конечно, там люди разные.

Вопрос жилья — это была первая проблема. В Москве он всегда стоял остро. Когда секретарем горкома партии был Николай Григорьевич Егорычев, занимались реконструкцией промышленности, строительством. Именно при нем в хрущевские времена в массовом порядке стали строить пятиэтажки, получившие в народе название «хрущобы». Как бы их ни критиковали, но они давали выход из создавшегося положения. Это было много лучше подвалов и бараков.

И еще — надо прямо сказать — люди, которые имели глубокие корни, хорошие связи у себя дома, за редким исключением в Москву не ехали. А приезжали (не в обиду будет сказано) перекати-поле, те, у кого не было определенных занятий.

Конечно, часть из них прибывала с определенными амбициями: возможность жить в культурном центре страны, пойти дальше учиться, возможность роста. Таких было немало, но по отношению к основной массе лимитчиков они составляли незначительное число. В основном же это были те, кто где-то не прижился и подался в Москву за длинным рублем и «красивой жизнью».

Мы беседовали в общежитиях Волгоградского и Люблинского районов с парнями и девушками. Многие из них дальше завода и общежития нигде не бывали. Основное развлечение — гулянки, выпивки. Ни на Красную площадь, ни в театры, ни в музеи (а билеты не были тогда такими дорогими) они не ходили, Москву представляли себе довольно слабо. Завод — общежитие, общежитие — завод. Вот и все. Многие из них не учились и не стремились к этому. Это тоже создавало проблему: их общекультурный и моральный уровень были довольно низкими.

Высококвалифицированные кадры редко приезжали в Москву. Преимущественно это были люди с низкой квалификацией, низким образованием. Они шли на тяжелые работы, на малоквалифицированный труд, а это, соответственно, определяло их поведение в обществе.

Была еще одна проблема, которую породил уже Ельцин. Когда произошло объединение Вьетнама, обострилась проблема безработицы в этой объединенной стране, и Вьетнам начал направлять своих граждан в социалистические страны на разные

тяжелые работы. Пытались направлять и в Советский Союз, но Москва не принимала. Гришин и Зайков были против лимитчиков по одной простой причине: практика показала, что из Вьетнама ехала не лучшая часть населения.

Я в Болгарии беседовал по этому поводу с руководителями. Приезжие вьетнамцы, жаловались они, плохо работали, ленились, занимались спекуляций, проституцией. Поскольку страна только что освободилась от колониального ига, из Юго-Восточной Азии привозили большое количество заболеваний.

Москве удалось на какое-то время остановить поток вьетнамцев, мотивируя тем, что есть проблема с лимитчиками. Но ханойские руководители настаивали, чтобы Москва их принимала. Приезжал секретарь горкома Коммунистической партии Вьетнама в Москву, и Ельцин дал согласие на привлечение ограниченного числа вьетнамцев. И тогда, помню, Сайкин, ругаясь, искал помещение им под общежитие. Распределяли прибывших по предприятиям легкой промышленности, на ЗИЛ. Так в Москве и появились вьетнамцы.

Поэтому говорить, что Ельцин выступал против лимитчиков, нельзя, хотя у него было прозвище «последний лимитчик Москвы», так как сам он, как известно, не москвич.

Широкий поток так называемых «гастарбайтеров» из стран СНГ и дальнего зарубежья делает эту проблему крайне актуальной и в наше время.

...Заявив «перестройку и ускорение», мы ввязались в драку, не имея программы, и все пошло путем проб и ошибок. У народа были большие ожидания. Перестройку люди встретили с огромным энтузиазмом — поверили, что жить станет лучше. Активно хотели в ней участвовать. Те, кто никогда не думал вступать в партию, стали подавать заявления. Но конкретные действия со стороны руководства партии и правительства не только не привели к повышению жизненного уровня, но и значительно его понизили.

К 1989 году начался спад производства (а никакой цельной программы все еще не появилось!). Было к тому времени издано 12 совместных постановлений ЦК и Совмина СССР по реорганизации экономики, но все они, подобно введению одновременно левостороннего и правостороннего движения в одном городе, привели к хаосу, неразберихе и сокращению объема производства.

Этих постановлений была целая группа: по дальнейшему совершенствованию работы промышленности, о социалистическом предприятии, о кооперации и другие.

Приведу лишь один пример — Закон «О кооперации». О

значении этого шага как-то высказался «политтехнолог» Глеб Павловский: «Революция в

СССР (этим термином он обозначает контрреволюционный переворот 1991 — 1993 годов) финансировалась из государственного бюджета, в основном через систему кооперативов. Именно в кооперативной среде, в которую без значительных изменений перешла предшествующая ей неформальная среда, возникает механизм обналичивания безналичных денег. В этой системе могут возникнуть сообщества, через которые постоянно текут наличные деньги, скапливаясь в определенных местах. В 1980-е годы на кооперативы не распространялись отношения права».

Перед принятием закона «О кооперации» велись горячие споры, какая кооперация нам нужна — производственная или торгово-посредническая. Приоритет отдали последней, которая, в сущности, создала основу класса новых капиталистов.

Москва выступала против. И здесь надо отдать должное позиции Ю. М. Лужкова в то время. У нас тогда было создано примерно 80% производственнообслуживающих кооперативов, в том числе и торговых, и только порядка 15% посреднических, торгово- закупочных.

Но «новые русские» быстро сообразили, как легче делать деньги. Через год после того, как был принят этот закон, ситуация изменилась. В Москве производственных кооперативов, которые производили хоть какие-то товары и оказывали услуги, осталось 15—20%, а 80% стали чисто посредническими, которые из денег делали деньги.

Еще. Не был учтен опыт венгерских товарищей, которые предупреждали, что ни в коем случае нельзя на действующих предприятиях организовывать кооперативы, потому что идет перекачка безналичных государственных денег в наличные.

У нас все сделали наоборот. И что получилось? Скажем, поликлиника до 6 часов вечера работает как государственное предприятие, а после 7 вечера до 23 часов — на этом же государственном оборудовании — как частное. Или на предприятии создавался цех по выпуску дополнительной продукции, но он уже был кооперативным. Естественно, бюджетные деньги тратились на покупку оборудования, оснащения и т. д. Или просто отмывались. Лужков на совещании у Н. И. Рыжкова выступал очень резко по этому поводу. И все-таки организовывали так, как не надо было.

И о комсомоле. Его курировал секретарь ЦК КПСС Е. К. Лигачев. Научно-техническое творчество молодежи с его подачи было превращено в особую кооперацию, освобожденную от

государственных налогов. Сколько же породил комсомол в этот период молодых волчат капитализма! В том числе Мишу Ходорковского. Они там получали определенный опыт, имели возможность много ездить за рубеж — учиться капитализму.

Не меньший вред нанесло постановление «О социалистическом предприятии». Оно позволило повышать рентабельность не за счет снижения себестоимости изготовления продукции, а за счет повышения ее стоимости. Пр ишьют к платью какой-нибудь бантик и резко повышают его цену.

Говоря о развале экономики, нельзя умолчать о забастовках, в первую очередь шахтеров. Тут ничего нового придумано не было. Если взять в качестве примера хотя бы Англию, то все волнения там начинались с шахтеров. У них ведь самые тяжелые условия труда из всех существовавших в то время профессий, большая неустроенность в бытовом плане.

То же самое и у нас. Шахтерские поселки возникали далеко от больших городов, в них почти не развивалась инфраструктура. На многих наших шахтах и бань-то приличных не было, я уж не говорю о хороших кинотеатрах, дорогах, магазинах.

И, кроме того, на шахты, особенно северные, шли работать люди после заключения для того, чтобы тяжким трудом заработать на все, что они потеряли за время «отсидки». И в Кузбассе, и в Воркуте эта категория людей составляла достаточно большую прослойку среди шахтеров.

Именно с ними в 1989-1990 годах проводилась большая работа по организации забастовок. Руководители наших шахтерских профсоюзов неоднократно вылетали в США на обучение к американским профсоюзным лидерам. В свою очередь, представители американских АФТ-КПП посещали Воркуту и Кузбасс. В Воркуту вылетали даже сотрудники американского посольства, один раз — сам посол, очень опытный разведчик. В Кузбасс ездил Ельцин.

Руководителем партийной организации Кузбасса был В. Бакатин. Может быть, это не имеет отношения к экономике, но когда Бакатин выступал на XIX партконференции, то его там чуть не освистали, потому что он закончил свое выступление восхвалением Горбачева, а уже тогда такие речи не приветствовались.

Потом Бакатин возглавлял МВД СССР. Кстати, по материалам НИИ МВД, в организации забастовок в Кузбассе значительную роль сыграли местные органы милиции. Они сыграли двоякую роль. Положительную в том, что там все-таки кровь не пролилась, отрицательную — они выступали в роли главных организаторов выступлений шахтеров. Один из сотрудников НИИ МВД из отдела

чрезвычайных ситуаций мне рассказывал, что он был у Бакатина, когда пришел шахтер, Герой Социалистического Труда, и сказал: «Вадим, мы уже больше не можем бастовать». А Бакатин ответил: «Надо!»

Искусственно создавались постоянные дефициты. Вдруг исчез с прилавков сахар. Придраться вроде не к чему: на Кубе неурожай сахарного тростника, недопоставки. Но разве это было неожиданностью? Разве нельзя было заблаговременно закупить сахар в других странах, не хватать в пожарном порядке втридорога? И это плановое государственное хозяйство?!

Потом одновременно, якобы под давлением экологов, закрываются все предприятия, которые производят моющие средства. А как без них? Естественно, недовольство огромное. Одновременно ставят «на профилактический ремонт» летом все московские и все ленинградские фабрики по производству табачных изделий. Какая была необходимость в июле — августе закрывать одновременно все табачные фабрики? Больно вспоминать, что творилось тогда в Москве.

А как подрубили у нас птицеводство, самое передовое в мире? Тоже якобы под давлением экологов. Решением Министерства биотехнологии три или четыре завода по производству биологических добавок для питания птицы одновременно были закрыты. Точка удара была выбрана так, что сразу рухнуло все птицеводство.

Я глубоко убежден в непреднамеренности многих действий. Не обязательно было предложить главе правительства: «Вот мы тебе даем сто тысяч долларов, и ты подорви экономику». Ведь можно подставить советников, экономистов, которые «обоснуют необходимость и правильность» принятия какого-либо решения, которое потом пагубно скажется на стране.

Таких решений было принято достаточно много. В своей книге Николай Иванович Рыжков утверждает, что выступал против подобных решений, но Горбачев жестко, своей властью заставлял его подчиняться. Мне рассказывал Зайков о таких случаях, происходивших на заседаниях Политбюро: Рыжков выступал против, доказывал, но Горбачев его «додавливал», хотя сам в экономике не мог разобраться так хорошо, как Николай Иванович.

* * *

Все это привело в начале 1990 года к движению за выход из партии даже рабочих. С самого начала у меня было мнение, что

не все так ладно, как говорится с трибуны, и я не раз высказывал свои сомнения Горбачеву, спрашивал его, почему нет конкретной программы перестройки, без нее непонятно, какое общество мы строим. Никакого вразумительного ответа я не получал.Такая точка зрения была не только у оппозиции Горбачеву. Я допытывался у Попова: «Гавриил Харитонович, ты мне скажи, к чему стремишься: капиталистическое общество строить, социалистическое реформировать?» И получил ответ «Будем строить, а что получится, там поглядим».

...Однажды мне позвонил Горбачев и сказал: «Я ухожу в отпуск (он всегда уходил в отпуск в августе), а тут Попов приходил с предложениями по реорганизации структуры городского управления. Ты встреться с ним и Яковлевым Александром Николаевичем, поговори, а потом дашь оценку».

Я встретился с Яковлевым заранее. Напросился на полчаса раньше, чтобы выяснить его настроение, позицию. Ходили вокруг да около, выясняли взаимные точки зрения, и очень осторожно Яковлев меня агитировал за капиталистический способ развития на примитивных примерах виденного им в Канаде, когда он там был послом: как ремонтировали дорогу около посольства, еще что-то там делали, и все быстро, добросовестно и качественно.

Я сказал, что Закон «О кооперации» был принят умышленно для того, чтобы развалить существующую экономику, и это был только первый этап, ибо кооператорам дали значительно больше преимуществ, чем было у госпредприятий. Говорил, что начался период первоначального 'накопления капиталов. Словом, дал понять, что догадываюсь, к чему идет дело. После этого Александр Николаевич перестал со мной откровенничать.

При шел Попов, стал рассказывать о своем видении системы управления городом. Стало ясно: он побывал в Париже и взял один к одному систему управления столицей Франции, но не учел одного момента, а это принципиально.

Как в Париже все происходит? Там у мэрии нет никаких подведомственных предприятий и служб, подчиненных городу. Они нанимают фирмы. Одни фирмы занимаются очисткой города, другие — теплоснабжением. С ними заключаются договоры. Хорошо выполняют — хорошо. Плохо выполняют — значит, нанимают другую фирму.

А в Москве все службы подчинены Моссовету. И отказаться от услуг одной службы и взять другую он не может. Моссовет отвечает за ее работу, он ее финансирует, ею командует и распоряжается ее деятельностью. Попов понятия не имел о том, что пытался перенять, он даже не осознавал существующую ситуацию.

Я понял, что Гавриил Харитонович, уже год пробыв председателем Моссовета, очень плохо себе представлял структуру управления городом, не вник даже в то, какие есть в городе службы и какое между ними взаимодействие. Он больше занимался политикой как сопредседатель Межрегиональной группы. Поэтому он в хозяйственные вопросы вникал мало.

И вторая задача, которую Попов себе ставил — он это мне сам недвусмысленно сказал: изменив структуру города, он пытался разрушить районные партийные организации, потому что административная структура города соответствовала политической структуре.

«Ну, Юрий Анатольевич, — спросил он, — когда будем районные комитеты партии ликвидировать?» Я ответил: «Мы не будем райкомы ликвидировать. Другое дело, что мы будем оставаться в рамках ваших административных образований и, может быть, какие-нибудь советы секретарей райкомов над этим создадим. Но ломать структуру не станем».

Часа два продолжалась беседа у Яковлева. Потом Попов ушел, а меня Александр Николаевич попросил задержаться. Сказал задумчиво: «Вот видишь, с Поповым можно нормально работать. Он прислушивается к нашей точке зрения. Так что давай, контактируй с ним более плотно».

Когда Горбачев вернулся из отпуска, я ему доложил о выполненном поручении. Рассказал все подробно, высказал свои соображения по поводу неправомерности такой реорганизации города, когда население ставилось в сложное положение: девять округов — значит девять управлений милиции, загсы и прочее. Все становилось значительно сложнее. Нужно было делать по-другому, более тщательно продумать. Кстати, именно таким путем в дальнейшем и пошли.

Я сказал тогда, что у меня сложилось впечатление, что Попов Александру Николаевичу Яковлеву значительно ближе, чем Прокофьев. На это Горбачев ответил: «Ты знаешь, у меня впечатление, что у него в голове такие мысли, которые он даже мне боится высказать». То есть он со мной, как я теперь понимаю, просто заигрывал и хотел как-то дистанцироваться от Яковлева. Но в действительности все было далеко не так.

А позиция такая была выбрана потому, что они скрывали свои истинные намерения и не хотели говорить о той идее, которая ими руководила.

На самом деле шла самая обычная капитализация нашего общества. Шла она под прикрытием лозунгов: вначале — «Больше социализма — больше демократии», потом — «социалистический рынок», потом просто «рыночные отношения», которые привели к

первоначальному накоплению капитала, формированию криминальной экономики.

В 1990—1991 годах народ был доведен до такого состояния, что обывателю стало наплевать на то, какой у нас будет общественный строй. Важно было обеспечить семью едой, одеждой, обеспечить нормальное человеческое существование. Идеи уже никакой не было. Говорить о каких-то идеалах при резком падении жизненного уровня, при стагнации производства стало невозможно. В результате горбачевской перестройки довели людей до той грани, когда им стало наплевать на любые идеалы. Важно было лишь выжить. Таков итог деятельности Горбачева и тех людей, которые стояли у руководства экономикой нашей станы. Это результат их совместных усилий.

В то время постоянный долг Советского Союза составлял примерно 22—25 млрд. в год. Это абсолютно нормально при населении в 250 млн. человек. Был текущий долг, который регулярно оплачивался процентами и погашался. Но с 1985 по 1990 год, за пять лет, внешний долг подскочил до 85 млрд. У нас ничего значительного типа БАМа за это время не было построено, была свернута космическая программа...

Мой маленький внук, когда просил игрушку, а ему отвечали, что денег нет, интересовался: «Деда, а куда деньги деются?» Вот и я спрашиваю: «Куда деньги деются?» 60 млрд. долларов — куда они пошли, куда делись?! Даже на строительство дачи в Форосе или шести особняков под Москвой, на бриллианты для жены столько потратить невозможно.

Кто их присвоил, те знают, куда они делись. Это крупная экономическая диверсия. Такие суммы вроде бы получены страной! Но зарплата у людей не повышалась, жизненный уровень, наоборот, снижался...

К великому моему сожалению, говорить о том, как страна катилась в пропасть, можно долго. И о том, как рвались межреспубликанские связи, и о загадочной пропаже золотого фонда СССР, и о том, что демократизация в нашем обществе была невозможна без демократизации партии.

Можно анализировать злосчастные реформы, которые вели к подрыву экономики СССР. И о национальном вопросе, что был «пущен на самотек» и приобрел чудовищные, уродливые формы дикого национализма. Многое было подорвано нашей политикой в духовной жизни и экономике.

Нельзя забывать и специфическую заинтересованность Запада. Я никогда никому не поверю, что, скажем, руководство США или руководство транснациональных корпораций, руководители мирового капитала заинтересованы, чтобы мы

хорошо жили. Ничего подобного! Они заинтересованы в том, чтобы как можно больше выкачать из России. И делают это!

Кризису содействовали неумелые и неумные реформы перестройки. Но есть и что-то неподвластное анализу, существует какая-то тайна, почему страна развалилась так стремительно. И, вероятно, неверно обвинять в этом только отдельные личности.

Называя себя партией диалектического материализма, КПСС по этим вопросам поступала, как самый заскорузлый догматик. В итоге принуждена была приступить к этой самой пресловутой перестройке, которая вообще скорее похожа на вредительство. А надо было учиться у Ленина: за военным коммунизмом — продналог, продразверстка, потом нэп. И все за какие-то пять-шесть лет! То есть меняется ситуация — меняется экономическая политика.

Коротко причину развала партии и государства можно изложить так: осуществляя глобальные проекты, оказывая поддержку мировому содружеству социалистических стран, КПСС и советское государство не уделяли достаточного внимания потребностям своих советских людей. Абсолютизация марксистско- ленинского учения сдерживала творческую инициативу народа.

По мере перехода от индустриального к постиндустриальному этапу развития экономики жесткое администрирование все больше сковывало гражданскую инициативу, способствуя появлению и росту «теневого» сектора и коррупции чиновников. Руководством КПСС не внедрялось то положительное, что имелось в рыночной экономке развитых стран, в то время как эти государства использовали многие методы управления экономикой, успешно зарекомендовавшие себя в СССР.

В 50—80-е годы прошлого века менялась социальная структура нашего общества, стремительными темпами повышался образовательный уровень советских граждан. Это требовало демократизации политической системы, большой честности и открытости во взаимоотношениях между обществом и властью. Однако господствующая в то время идеология оставалась практически неизменной.

Помимо внутренних причин, приведших к кризису социально-политической и экономической систем Советского Союза, значительное влияние на развитие негативных тенденций оказали внешние факторы.

Прикрываясь лозунгами «борьбы с коммунизмом» и «советской угрозой», агрессивные силы Запада и, в первую очередь, США поставили своей целью ослабление,

территориальное разделение и, впоследствии, уничтожение Советского Союза.

Не надеясь победить СССР в открытом военном столкновении, США и их союзники организовали против нашей страны информационную агрессию. В зарубежных средствах массовой информации дискредитировались система Советов, политика КПСС, фальсифицировалась история, предавались осмеянию традиционные духовные ценности государствообразующего русского народа.

Антисоветскими силами активно поддерживались сепаратистские радикально-националистические движения в Прибалтике и на западной Украине, на Кавказе и в Средней Азии.

Роковым шагом руководства КПСС и Советского государства стало вовлечение Советского Союза в качественно новый виток гонки вооружений в ответ на военные программы, развернутые администрацией президента США Р. Рейгана. В результате этого экономика нашей страны стала фактически функционировать в режиме военного времени. Наряду с этим под давлением США ряд нефтедобывающих государств увеличили добычу углеводородного сырья, что привело к его значительному удешевлению на мировом рынке и серьезно ослабило экономику Советского Союза.

Руководство СССР во главе с Горбачевым не смогло адекватно ответить на новые вызовы. Этому в значительной степени способствовало открытое предательство национальных интересов отдельными представителями партийно-хозяйственной номенклатуры СССР. Целенаправленная информационная кампания западных и ряда отечественных СМИ, нарастающий социально-экономический кризис, рост межнациональных конфликтов лишили руководство СССР общественной поддержки, предопределили исход событий августа 1991 года. Неспособность союзных органов власти противостоять радикальным демократам в центре и национал-сепаратистам в республиках вскоре привела к развалу Советского Союза.

В общем, что было, то .было. Стало во многом гораздо хуже и только в чем-то лучше. Но какой ценой, сколько горьких потерь и разочарований в этом «лучше»!..

Власти предержащие

Почему я решил рассказать о людях, с которыми мне пришлось работать, будучи членом Политбюро? Потому что от их характеров, поступков в значительной мере зависела судьба нашей страны, история Родины. О Горбачеве, Ельцине, Зайкове, Яковлеве я уже упоминал. Теперь о других.

Назарбаев Нурсултан Абишевич. Впервые я обратил на него внимание на одном из пленумов ЦК КПСС — он был тогда председателем Совмина республики Казахстан и выступал с резкой критикой правительства Рыжкова. Выступал с позиции защиты интересов Казахстана. Мне показалось это выступление очень деловым, конкретным и смелым. Но сидевший рядом со мной товарищ из Казахстана заметил: «Зря восхищаешься. Если этот человек придет к власти, то вы еще пожалеете, что поддерживали его». Я спросил: «Почему?» Он ответил: «У него два стержня — властолюбие и национализм».

Я не помню, чтобы Назарбаев когда-нибудь выступал с националистических позиций. Это объясняется тем, что значительная часть населения Казахстана — русские, украинцы, немцы, евреи, а казахов всего было около 40%. Ими был заселен в основном Южный Казахстан. Сам Назарбаев — выходец из

Северного Казахстана и большой поддержкой в Южном Казахстане не пользовался. Поэтому он вынужден был играть роль «интернационалиста» и выступать с этих позиций. Но однажды секретарь СНГ Иван Ко- ротченя сказал мне: «Все, что делает Назарбаев, все делается со знаком «наоборот». Говоря о необходимости интеграции, он после Беловежской пущи делает все для того, чтобы эта интеграция не состоялась».

Вспоминаю, что Назарбаев вначале был очень внимателен к другим членам Политбюро, прислушивался к их мнению, вел себя по-товарищески. Но потом его позиции все больше и больше сближались с позицией Горбачева, и он стал резко выступать против тех людей, которые не поддерживали Михаила Сергеевича по тем или иным вопросам.

Затем стало в нем проявляться чванство, зазнайство. Наверное, потому, что Горбачев его все время поддерживал. Он брал Назарбаева в поездки, обращался к нему на заседаниях Политбюро по имени— Нурсултан. Я думаю, тогда в нем и проявились эти качества — заносчивость и властолюбие. Тогда же была написана книга «Нурсултан Назарбаев без правых и левых» — это было его кредо, так он определял свой собственный путь. От коммунистических, социалистических идеалов он уходил

полностью.

Если говорить о теперешнем положении Казахстана, то страна практически распродана иностранным монополиям. Экономическое положение там крайне сложное. Я думаю, через некоторое время в Казахстане будет не просто авторитарное правление, а появится диктатура Назарбаева, так как все оппозиционные партии, движения, пресса подавляются или уже разогнаны.

Словом, это властолюбивый человек, достаточно грамотный для того, чтобы руководить государством, но в силу своего характера, тщеславия поставивший Казахстан в очень сложное экономическое положение, на грань политических и национальных противоречий. Я считаю, что Назарбаев сыграл отрицательную роль в той ситуации, которая складывалась в 1990—1991 годах, поддерживая Горбачева. Они и собирались вместе — Горбачев, Ельцин, Назарбаев и решали многие вопросы за спиной остальных членов Политбюро.

Еще о ком следовало бы говорить, это **Каримов Ислам Абдуганиевич.** Он прошел сложный путь. Был председателем Центробанка Узбекистана, председателем Госплана, председателем Совета Министров, первым секретарем компартии. Грамотный экономист. И не потому, что он доктор экономических наук, а действительно грамотный экономист. Хорошо понимает специфику своей страны. Тоже в значительной мере стоящий на националистических позициях, но они не были направлены против России. Он исходил из интересов собственного народа, понимая, что те реформы, которые проводились в Советском Союзе, затем в России, не отвечали специфическим условиям Узбекистана — страны с очень небольшим количеством плодородной земли, с очень большой плотностью населения, с монокультурным сельским хозяйством (хлопок).

Если говорить о промышленности, то в Узбекистане в основном развивалась добывающая промышленность — уран, золото, редкие металлы. Было, конечно, и машиностроение: авиационный завод в Ташкенте, радиоэлектронный. Но в основном это страна, где и промышленность, и сельское хозяйство были ориентированы на узкую специализацию. Значительная часть населения в стране — узбеки, каракалпаки, таджики со своими традициями, с огромными семьями.

Каримов все это понимал и учитывал. Он считал, что реформы в стране должны идти по-другому. Кстати, это единственная страна СНГ, которая не сократила объемов производства за прошедшие годы. Он делает упор на собственные силы, реорганизовал компартию Узбекистана в Народно-

демократическую. Структура управления, звенья управления остались у него в руках.

Чего нельзя сказать, так это изменится ли политика Каримова, если изменится политический строй в России, изменится ли политика Каримова в отношении интеграции или она по-прежнему останется изоляционистской. Сейчас у него политика такова: я дружу со всеми, с кем дружба выгодна для моего народа. Но ни с кем входить в более тесные отдельные отношения я не собираюсь, будь то Турция, Россия или другие. Мы — самостоятельное государство, и оно в своих симпатиях и антипатиях исходит только из выгоды для народа страны. Я считаю, что это правильная позиция в настоящее время.

Если говорить о других руководителях среднеазиатских республик, то у меня очень короткое знакомство было с **Акаевым Аскаром,** всего несколько бесед. Он стал секретарем компартии Киргизии уже где-то в начале 1991 года. Президент Академии наук, интеллигентный человек, но не имеющий опыта хозяйственной работы и политической работы, что сейчас сказалось на ситуации в Киргизии. Ранее эта страна никогда не была суверенным государством и рассматривалась как одно из казахских племен или народностей. Только при Советской власти она обрела государственность и вышла из Казахстана.

Из членов Политбюро мне был очень симпатичен первый секретарь ЦК Компартии Украины **Гуренко Станислав Иванович.** Он прошел хозяйственную школу — был зампредом Совета Министров СССР, а также хорошую партийную школу. Но его, как и меня, в значительной мере сгубила открытость. Мы свои взгляды не скрывали.

На одном из пленумов Гуренко первый выступил с отчаянной речью. Я выступал через несколько человек после него и поддерживал полностью его выступление. Горбачев знал, что мы с Гуренко совпадаем во взглядах.

Однажды Станислав Иванович заступился за меня, правда, поставив в какой-то мере в трудное положение. На июльском пленуме горкома партии 1991 года мы резко критиковали Горбачева, требовали смены руководства и проведения внеочередного съезда партии. Горбачев на Политбюро это отметил и заявил, что Прокофьев сильно занесся, что он в докладе на пленуме ЦК будет критиковать московскую организацию за то, что она не поддерживает линию партии.

Я сказал, что мы раздадим членам пленума газету с моим выступлением, и они сами определятся, кого мы не поддерживаем — партию или руководство, которое допускает ошибки.

Оказалось, что первый секретарь ЦК компартии Украины

Гуренко, прочитав мой доклад на пленуме МГК, ходил к Горбачеву и сказал, что поддерживает положения доклада. Однако в проекте выступления Горбачева на пленуме ЦК критика МГК осталась.

Тогда Станислав Иванович выступил на Политбюро и сказал, что, разговаривал с некоторыми секретарями обкомов, которые были на пленуме московского горкома партии, и считает, что Горбачев допустит большую ошибку, если выступит с критикой московской организации.

Горбачев снял в докладе этот тезис. И мне пришлось, выступая на пленуме ЦК, сказать, что в проекте доклада содержалась критика позиции московской городской организации, что об этом шел разговор на Политбюро, и таким образом я все-таки в полемику с Горбачевым на пленуме вступил.

После августа 1991 года Станислав Иванович Гуренко занялся хозяйственной деятельностью.

Если говорить о других секретарях ЦК компартий союзных республик, которых я более или менее знаю, то больше всех мне известен **Лучинский Петр Кириллович.** Он был в свое время зав. сектором ЦК партии по идеологии, и они вместе с Зюгановым приезжали к нам в Куйбышевский райком партии и разрабатывали план коммунистического воспитания трудящихся. Тогда мы с ним и познакомились. Знал я его и как бывшего секретаря ЦК комсомола Молдавии, так как сам работал в комсомоле. У нас взгляды во многом совпадали — мы оба понимали, что надо демократизировать партию и общество, менять систему управления экономикой.

Одно время, мне кажется, он попал под влияние А. Н. Яковлева. Это было понятно, потому что Петр работал в идеологическом отделе и Яковлев пытался его под себя подмять, тем более что Лучинский, когда приезжал в Москву, заходил к нему советоваться. Потом Петр понял, с кем имеет дело, и отдалился от Яковлева.

Когда он вошел в Политбюро как секретарь компартии Молдавии, то часто выступал со своей позицией. Не могу сказать, что выступал резко, как, например, Рубике, но всегда четко высказывал свою позицию, хотя делал это мягко и интеллигентно. Когда встал вопрос о назначении его секретарем ЦК по средствам массовой информации, то вначале рассматривались две кандидатуры: Г. Н. Селезнева и Лучин- ского. Селезнев тогда был редактором «Учительской газеты», и предложил его кандидатуру Горбачев. Против Селезнева резко выступил бывший помощник Горбачева, главный редактор газеты «Правда» И. Фролов, заявив, что Селезневу он больше поста, чем зам. главного редактора

«Правды», не предложил бы, и курировать СМИ в ЦК Селезнев еще не дорос. Тогда Горбачев спросил, есть ли еще кандидатуры, и я предложил Лучинского. С этой кандидатурой Фролов согласился.

Если говорить о Лучинском как президенте Молдавии, то он, конечно, не Лукашенко, который «пробивает лбом стены», но, во всяком случае, в Молдавии при нем не говорили «о воссоздании Великой Румынии» и с Приднестровьем Лучинский находил контакты. Но из-за непоследовательности он не смог утвердить себя как президент республики.

Рубике Алфред Петрович. Что можно сказать о нем? Рубике был достаточно бескомпромиссным. Он хорошо понимал ситуацию, но в чем была вся беда? Скажем, секретари ЦК компартий прибалтийских стран работали в одних условиях, мы — в других. Если я выступал за то, чтобы запретить несанкционированные демонстрации, восстановить статью Конституции, по которой можно было привлечь к ответственности за призыв к изменению существующего строя, то Рубике выступал с других позиций. Почему? Потому что правительство Латвии в то время уже было, мягко говоря, социал-демократическим, а практически — капиталистическим. Основным методом борьбы коммунистов стали митинги, демонстрации с политическими лозунгами.

Таким образом, страна уже не представляла единой структуры, и каждый регион, будь то Закавказье, будь то Средняя Азия или Прибалтика, отличался своей спецификой, и одни и те же методы партийной работы или одно и то же законодательство в одном случае приносили бы пользу, а в другом — вред.

Рубике — это действительно настоящий боец. Не оголтелый догматик, как его представляют, а человек, пользовавшийся большим уважением у значительной части населения Латвии, мужественно действовавший в тех сложных условиях, в которых находилась в то время Прибалтика. К сожалению, руководство СССР в лице Горбачева тогда уже приняло решение сдать Прибалтику.

Очень интересная фигура Туркменбаши **Ниязова Сапармурата Атаевича.** Он работал в одном отделе ЦК КПСС с человеком, который в ЗАО «ТВ-Информ» стал моим заместителем. Так он рассказывал, как за Ниязова письма закрывал. Тот не знал, как письмо закрыть, как записку подготовить. На заседаниях Политбюро он всегда отмалчивался или был со всем согласен.

Я не помню, чтобы Ниязов когда-нибудь высказал свою точку зрения по какому-нибудь вопросу, он просто присутствовал на заседаниях Политбюро. До Туркмении никому не было дела — самая бедная республика в составе Союза с малочисленным

населением, с неразвитой индустрией.

В настоящее время Ниязов оказался в поле зрения и Ирана, и Турции, которые пошли в Закавказье, Среднюю Азию, в то время как европейские страны — в Прибалтику. Сапармурат этим воспользовался. Народу объявил, что он будет жить так, как живут в арабских Эмиратах — за счет газа. Надо только наладить его продажу, и все эти деньги пойдут на обеспечение населения: «Вы будете богатыми, работать не будете».

За счет продажи газа на Украину, в Россию и в другие республики Средней Азии он ввел значительные льготы — бесплатное жилье, бесплатную электроэнергию, хотя с продовольствием там до сих пор сложно. Но он добился единения народа. Есть «светлое будущее», есть руководитель — Туркмен-баши. Он хорошо учел психологию своего народа и этим воспользовался.

Надо сказать и о **Муталибове Аяз Ниязи оглы,** первом секретаре ЦК компартии Азербайджана. О нем есть разные мнения, но, по-моему, это был грамотный экономист. Он тоже в свое время работал председателем Госплана Азербайджана и правильно оценивал недостатки в экономической политике правительства СССР. Понимал и линию поведения Горбачева, но было одно обстоятельство, которое сдерживало Муталибова — в Азербайджане ввели военное положение, благодаря чему там были погашены межнациональные конфликты с армянами и другими народностями: чрезвычайное положение позволяло Муталибову удержаться проще, чем другим руководителям. С одной стороны, он критиковал Горбачева, экономическую политику, подготовляемый союзный договор, критиковал Политбюро за то, что оно не решает тех вопросов, которые ему положено было решать. С другой стороны, Муталибову приходилось терпеть Горбачева, поскольку в любой момент чрезвычайное положение в Азербайджане могло быть отменено со всеми вытекающими из этого последствиями.

Алиева Гейдара Алиевича (а точнее — его полное имя Гейдар Али Рза оглы) я знал мало. Алиева очень серьезно обидел Горбачев. Тогда пошли беспочвенные обвинения в его уклонении от службы в армии, появились дискредитирующие статьи. Его вывели из состава Политбюро, и, хотя сделали первым заместителем председателя Совета Министров СССР, всем было понятно, что это — понижение в должности.

Я разговаривал с железнодорожниками, с транспортниками (он их курировал) — все в один голос говорили, что для человека, который до этого всерьез не занимался этой отраслью, он был на высоте: быстро схватывал суть вопроса и принимал правильные

решения.

Московские хозяйственники, сталкивавшиеся с Алиевым, давали ему высокую оценку как руководителю: умение понять проблему, выслушать мнения людей, принимать необходимые, точно бьющие в цель решения. Я думаю, что его антикоммунистическая позиция объясняется в значительной мере тем, что он по существу был изгнан с Олимпа и ему пришлось в Нахичевани с нуля начать возвращение к власти, а, добившись ее, он никому не собирался ее отдавать.

Если говорить о его политике как президента Азербайджана, то я ее не одобряю, так как только интеграция бывших союзных республик, их совместная деятельность позволит им развиваться в дальнейшем, а не превратиться всем и каждому в отдельности в придаток или колонию крупных капиталистических стран.

Алиев играл на запасах нефти, рассчитывал на полную самостоятельность, и только то, что трубопроводы проходят через Россию, Украину, Черное море, сдерживало его от более резкой позиции в отношении России. Хотя при Алиеве через Азербайджан в Чечню пропускались потоки оружия, осуществлялись провокационные налеты «неопознанных» самолетов.

О **Шеварднадзе** я могу говорить только как о предателе. Вообще если говорить о людях, которые нанесли самый большой урон Советскому Союзу, его экономическому, политическому, военному потенциалу, то я бы выделил трех человек — Горбачева, Яковлева и Шеварднадзе. Ельцин — это фигура второй ступени. Хоть он и выделяется, но все равно Ельцин — производное от этих трех.

Когда Шеварднадзе возглавил МИД СССР, там предательства следовали одно за другим и были, на мой взгляд, не бескорыстны. Например, одномоментный вывод советских войск из Германии. Ведь там осталось нашего имущества на 25 млрд. долларов! Затем такой же стремительный вывод войск из Венгрии. Истоки тяжелейшего положения, в котором сейчас находится наша армия, кроются в двух серьезных моментах: во-первых, в целенаправленной пропаганде против армии и, во-вторых, в унизительном выводе наших войск из стран Варшавского догобора, который подорвал материальную базу наших вооруженных сил. Тогда резко ухудшилось положение офицеров и солдат: офицеры остались без квартир, солдаты — без казарм, армия — без вооружения. И все это нарастало, как снежный ком. Это первое предательство, совершенное Шеварднадзе.

Следующий момент — его участие в объединении Германии, которое нанесло серьезный экономический ущерб России. Россия

из страны-победительницы оказалась в положении страны побежденной. Многие документы, наносящие явно урон России, подписывались Шеварднадзе без согласия в Политбюро или правительстве, без их ратификации Верховным Советом СССР!

И совершенно беспрецедентный факт, когда неожиданно стало известно, что большая часть шельфа Берингова моря — около 50000 кв. километров!!! — отошла американцам по документу, который был подписан только Шеварднадзе, хотя по Конституции СССР министр иностранных дел не имеет никакого права подписывать такие документы!

Мы в Политбюро прямо поставили вопрос перед Горбачевым: «А сколько денег заплатили Шеварднадзе за подписание этого предательского документа?» Горбачев ушел от ответа, но позже выяснилось, что Шеварднадзе обговаривал с Горбачевым этот вопрос, и Горбачев, будучи в США, дал устное обещание Рейгану и Бушу изменить границы Советского Союза в районе Аляски в пользу США. А ведь отданы богатейшие рыбные места! И, как предполагают геологи, там могут быть найдены нефтяные месторождения.

У меня была такая стычка с Шеварднадзе. После демонстрации на Садовой улице, организованной Гавриилом Поповым и Юрием Афанасьевым, когда демонстранты что-то выкрикивали против Шеварднадзе, проходя мимо МИДа, Шеварднадзе на пленуме ЦК налетел на меня: «Как же вы позволяете такие безобразия в центре Москвы?» Я ему: «А что вы на меня голос повышаете? Все безобразия начались с Тбилиси, а я вам никаких претензий не предъявляю!»

Он тогда очень испугался манифестации около МИДа. Я был на съезде народных депутатов, когда он заявил о своей отставке. Он говорил о том, что надвигается диктатура, грядут страшные времена и моментально перекрасился в антикоммуниста.

Горбачев в своих воспоминаниях пишет, что, когда они были секретарями ЦК комсомола — Шеварднадзе в Грузии, а Горбачев в Ставрополье, — они как-то встретились на отдыхе, гуляли по берегу, и у них оказались общие взгляды на то, что дальше так жить нельзя, что надо менять обстановку в стране. Вот они вместе потом и договорились, как ее «менять». А когда не получилось и Шеварднадзе понял, что надвигается крах Советского Союза, то не захотел быть ни в правительстве, ни в руководстве. Понимал, что выгоднее очутиться в оппозиции, чтобы уже в новых условиях вернуться к власти, что он по существу и сделал в Грузии.

Многим из этих бывших деятелей я многое не могу простить. Ведь никто их за язык не тянул. На XXVI съезде Шеварднадзе произнес ужасную по масштабам лести речь, восхваляющую

Брежнева. Он сравнивал его и с Кавказскими горами, и с орлом, и с восходящим солнцем. Хотелось голову спрятать под кресло от стыда, чтобы не видеть его, не слышать этого выступления. А затем наступила вот такая метаморфоза.

Я не верю, что у людей, имеющих такой жизненный опыт, может так кардинально меняться мировоззрение. Я допускаю, что может быть какая-то корректировка или что-то подобное. Я ведь тоже корректирую свои взгляды и действия применительно к существующей ситуации. Но чтобы так кардинально изменилось мировоззрение — это невероятно. Не случайно, что Шеварднадзе, как и Яковлев, был в списке агентов влияния.

Ивашко Владимир Антонович был по существу вторым лицом в партии — заместитель Генерального секретаря! О мертвых плохо не говорят, но придется: это была совершенно безликая фигура. Ивашко выдвинут Горбачевым. Я его все время критиковал, но критиковал чисто по-дружески. Он на Секретариате ЦК говорил: «Вот Прокофьев все время меня критикует, но я считаю, что Секретариат сейчас так же напряженно работает, как в годы Великой Отечественной войны». А судил он об этом по количеству заседаний! Но вопросы-то на заседаниях секретариата ставились пустячные, второстепенные. Решения, которые принимались, не играли никакой роли, так как принимались они в старом стиле, а 6-я статья Конституции уже была отменена.

Я организовывал встречу Ивашко с секретарями райкомов партии Москвы. Произошло это так. Горбачев однажды принимал участие в подобной встрече, но после нее с секретарями райкомов города Москвы больше не встречался. Отказывался категорически, потому что тогда ему «помяли бока». На встрече выступил Валерий Павлинович Шанцев и сказал: «Михаил Сергеевич, вы в своих выступлениях говорите, что кому-то это выгодно, кто-то это хотел, кто-то это направляет. Но кто этот «КТО-ТО»? Вы так говорите, а когда мы начинаем повторять ваши слова, нас спрашивают, а кто этот «КТО-ТО?» А мы ответить не можем. Почему вы никогда не говорите откровенно? Почему не называете фамилий? Почему не называете те партии или движения, которые работают на развал Союза, на разжигание межнациональных противоречий?» Горбачев отвечает: «Но ведь это всем известно! Об этом говорят по радио, по телевидению». Шанцев опять настойчиво повторяет: «Одно дело радио и телевидение, и другое дело — Генеральный секретарь. Он должен дать оценку. Мы должны знать его мнение, точку зрения Политбюро, ЦК». Горбачев ушел от ответа и после этого больше не приходил на встречи с секретарями райкомов партии.

И вот встреча с Ивашко. Но его выступление было настолько безлико, что ему даже не стали задавать вопросов. Послушали его украинские шутки- прибаутки, сравнения — он очень любил пересыпать ими свои выступления, порой и ни к месту,— послушали, поблагодарили... И все. Такой же безликой была и его позиция в августе 1991 года.

Кроме партийных работников того времени заслуживают внимания еще две фигуры: председатель правительства Н.И. Рыжков и председатель Верховного Совета СССР А.И. Лукьянов.

Думаю, что у **Рыжкова Николая Ивановича** вершиной взлета был пост директора Уралмаша. По той информации, что я имею, о его работе в Госплане и зам. министра, он честный, порядочный, добросовестный человек, но потолок — директор Уралмаша.

Когда он стал секретарем ЦК по экономическим вопросам, это назначение вызвало удивление у очень многих. Правда, его только назначили секретарем, а сам экономический отдел создали лишь через год. Это был главнокомандующий без армии.

В развале экономики страны, прошедшем под руководством Горбачева, есть и доля вины Н. И. Рыжкова. На рубль зарплаты выпускалось продукции на 13 копеек. Снижалась производительность труда, энерговооруженность. В 1991 году из базообразующих отраслей только производство электроэнергии у нас не сократилось. По всем остальным отраслям показатели шли вниз. Здесь и забастовки сыграли определенную роль, но главное — неумелое реформирование экономики, хотя Рыжков и сказал, что «вы еще вспомните это правительство».

Да, вспомнят, так как при нем были не самые худшие времена. Но то, что страну подвели к такому состоянию, когда народу стало безразлично, какой будет общественно-политический строй, когда жить в 1990—1991 году стало невмоготу, — в этом есть вина и Н. И. Рыжкова. Павлов просто не успел что-либо сделать, да и не смог бы.

В то же время Рыжков достаточно мужественный и честный человек. Помните его поведение в Армении? Горбачев залетел туда на денек — и все. А ведь всем занимался Рыжков. Опять это было совершенно конкретное дело, где он выступал как организатор, где не нужно быть политиком какого-то глобального масштаба.

В августе 1991 года у меня была встреча с академиком Абалкиным, в то время заместителем председателя Совета министров. Я понимал, что он провел эту встречу не самостоятельно, а по просьбе Рыжкова. Я тогда сказал, что не вижу другой перспективы для Рыжкова, кроме перехода его в

оппозицию к Горбачеву.

Если бы он был настоящим политиком, ему надо было после выступления Горбачева в ноябре 1990 г. на сессии Верховного Совета СССР подавать в отставку и переходить в оппозицию к нему, и тогда, может быть, из него мог бы получиться лидер. Хотя...

После ноября на одном из заседаний Политбюро, где присутствовал и Рыжков, он подошел ко мне, и я сказал ему: «Николай Иванович, надо переходить в оппозицию и, как ни обидно, надо самому уходить». Рыжков ответил как-то неопределенно. У меня разговоров напрямую с ним почти не было. Он со мной общался через Л. И. Абалкина, с которым мы часто встречались то у него, то у меня в горкоме партии — согласовывали различные документы политического характера.

Рыжков, видимо, по своей натуре не лидер...

Если говорить о **Лукьянове Анатолии Ивановиче,** бывшем председателе Верховного Совета СССР, то его потенциал, по моему мнению, не был до конца использован. Может быть, он слишком долго проработал в аппарате Верховного Совета СССР и ЦК КПСС. Самостоятельная работа ему представилась, когда он стал председателем Верховного Совета СССР. Очень эрудированный, очень умный человек, блестяще разбирающийся в политике, чувствующий политику. Хорошо разбирается в людях. Но он не успел. Время прошло. Сейчас ему остается роль «серого кардинала» при руководстве КПРФ. Но мне кажется, что с ним советуются все меньше и меньше. Он уже становится символом советской власти, в какой- то мере символом КПСС. Он поздно начал. Первое его выступление против Горбачева прозвучало на июльском пленуме ЦК партии в 1991 году. А так он все больше отмалчивался, хотя знаю, что самому Горбачеву он свою точку зрения высказывал.

...В основном это были умные, с большим жизненным опытом люди, но в ряде случаев с диаметрально противоположными взглядами и целями. Единой команды не было, что тоже сыграло столь трагическую роль в истории партии и страны.

Боже, милостив буди мне

Вопрос собственной религиозности настолько личный, я бы сказал интимный, что обсуждать его, тем более на страницах книги, считаю неуместным.

...Бабушка моя со стороны отца была глубоко верующей. Я до сих пор удивляюсь, как она в обстановке всеобщего атеизма могла так отважно нести свою веру, не скрывая, а, напротив, утверждая ее. Я очень уважал и любил ее и, конечно, терпимо относился к ее религиозным проявлениям. Такое же отношение и к церкви у меня осталось на всю жизнь.

В нашей семье единственным религиозным праздником, который отмечался, была Пасха. Для детей это был большой праздник. Отец все делал заранее: сеял овес, мастерил из фанеры форму для пасхи. К празднику готовили из творога пасху, красили яйца и клали их в зазеленевший овес. Пекли куличи. Традицию соблюдали чисто внешне: в храм святить не ходили.

Отец часто вспоминал, как раньше, в Туле, в семье праздновали Пасху. Но в церкви практически не бывал. Раза два ходил в Елоховский собор на Пасху «поглазеть со стороны», как он сам говорил. А мама вообще была атеисткой и лишь из уважения к семье отца принимала участие в приготовлениях к Пасхе.

Когда умирал кто-либо из близких, его отпевали в церкви. Я стоял тогда у дверей храма и никогда туда не заходил — не из-за внутреннего сопротивления, а потому, что вступал в комсомол по убеждению. В Уставе было записано, что надо бороться с религиозными предрассудками. Бороться я не боролся, но в религиозных обрядах не участвовал.

Сына моего крестили, но я узнал об этом, когда он уже пошел в школу. Это сделали бабушка и жена потихоньку от меня, когда сыну было года два или полтора и его впервые вывезли в деревню.

С возрастом я стал диалектически подходить к марксизму, а к некоторым положениям относился критически, поскольку имел возможность читать разного рода политическую литературу. У меня стало появляться определенное сомнение: нужно ли было так резко поступать с религией, как сделали у нас в стране. Тем более, если принять во внимание, что чисто коммунистические постулаты — десять заповедей коммуниста — совпадают с десятью заповедями практически полностью.

В 1964 году я был в Финляндии, и там проходила дискуссия на разные темы, в том числе и по вопросам религии. Задали

вопрос: «Как вы можете жить без религии?» Я ответил: «Без веры человек жить не может. Вы верите в Бога, в загробную жизнь. Я верю в коммунизм. Для меня это своего рода религия. Это моя вера. Поэтому считать, что я человек неверующий, будет неправильно». И я нашел понимание окружающих.

Самая страшная борьба с церковью началась в 20-е годы, еще при Ленине. Это он был ее инициатором. Я думаю, он понимал, что у людей должна быть одна вера. Две религии в одной душе существовать не могут. Поэтому либо то, либо другое.

Но «либо другое» насаждалось жестко, путем репрессий против священнослужителей, закрытием, а зачастую и разрушением церквей. Это уже не пропаганда, а самая настоящая силовая борьба со стороны государства. Тогда, в 20-е годы, уничтожались иерархи церкви, а в 30-е принялись за рядовых служителей религии. Пик репрессий пришелся на 37-й год...

Во время войны и в послевоенные годы государство уже не вмешивалось в дела церкви, а в какой-то мере даже сотрудничало и поддерживало ее. Да и само нуждалось в ее поддержке. И церковь во время Великой Отечественной войны помогала во многом: и народ мобилизовать, и в финансовом отношении поддерживала страну и ее оборону. Я был в Загорске, в келье Алексия I, где размещен музей патриарха. У него было четыре Ордена Трудового Красного Знамени!

А вот Хрущева оценивают по-разному. Но мне кажется, минусов у него значительно больше, чем плюсов. Ведь это он заявил патриарху Алексию I, что «еще при нашей с вами жизни церквей в России не останется». Именно при Хрущеве закрыли около десяти тысяч церквей!

При Хрущеве и после него в райкомах партии не было человека, который ведал бы вопросами религии. Это тоже неправильно. Были сотрудники, которые занимались атеистической пропагандой, работали штатные лекторы по вопросам атеизма, которые занимались главным образом разоблачением религии, а не работой с верующими. Большая ошибка, по-моему.

Когда я уже был секретарем райкома партии, работал в исполкоме Моссовета, горком партии вопросы борьбы с религией так жестко не ставил. В районе этими вопросами занимались три организации:

— Райком партии — в его обязанности входила атеистическая пропаганда. Он ее проводил среди неверующих и следил за чистотой мыслей комсомольцев: чтобы не крестились, не венчались, не справляли религиозные обряды;

— Исполком райсовета занимался вопросами экономического

характера: ремонт, пристройки, аренда земли. Утверждение всяких общественных религиозных организаций, церковных старост.

— Комитет госбезопасности, у которого в этом плане обязанность была одна: контролировать церковь, чтобы она не занималась антисоветской деятельностью, и контактировать с ней. Среди руководства церковной общины был человек, который контактировал с КГБ. Это ни для кого не секрет.

Нужно было еще до XXVIII съезда КПСС партийным органам перестроить свое отношение к религии. Это пошло бы на пользу.

Есть же два государства: одно бывшее социалистическое — Польша, другое и сейчас социалистическое — Куба, где партии не выступали категорически против религии и где совмещение членства в партии коммунистов и отправление религиозных обрядов не запрещалось.

Во время моей работы в органах власти — Моссовете и горкоме партии — мне пришлось столкнуться с проблемой восстановления храмов и даже строительством новых, и я рад, что кое-что позитивное в этом направлении мне удалось сделать.

На посту секретаря исполкома Моссовета мне приходилось работать уже непосредственно с верующими и церковным руководством, с различными конфессиями, решать в то время многие вопросы. Это входило в мои служебные обязанности.

Именно тогда был единственный случай в Москве, когда на Волхонке, в доме научно-технического творчества, мы собрали руководителей всех конфессий Москвы — и православной церкви, и католического костела, и мусульманской мечети, и раввинов двух синагог, и баптистов.

Мы провели это совещание, чтобы привлечь внимание священнослужителей к проблемам города. Надеясь, что они в своих проповедях, в работе с прихожанами помогут Моссовету проводить политику по благоустройству города, поддержания правопорядка, взаимоотношений между национальностями и между верующими разных конфессий.

Тогда уже появились положительные начинания: например, в 7-ю городскую больницу, где главным врачом был доктор Соловьев, верующие прихожанки пошли работать санитарками. Там очень не хватало именно этой категории медперсонала.

В это время строился госпиталь для ветеранов войны, и туда тоже нужно было набирать санитарок. На эту грязную, тяжелую работу могли пойти только люди, работающие не ради денег, а из сострадания. Вот об этом и шла беседа на совещании.

После этой встречи представители конфессий стали больше проявлять инициативы. Пришел, например, председатель

баптистской церкви в Москве. Он тоже предлагал услуги прихожан в больницах Москвы, и его помощь была принята. Стали приходить с просьбами о возвращении церквей, так как в ряде случаев в районах новостроек было большое число верующих, но ни одного храма. В Ждановском районе, например, с большой плотностью населения часть церкви была действующей, а часть занята ка- кой-то организацией. Просили помочь освободить всю церковь.

Количество предложений помощи и просьб со стороны церкви увеличилось, мы стали относиться друг к другу с большим доверием.

Удалось мне в ту пору решить вопрос о передаче храма в деревне Ржавки Московской епархии. Там собирались создать краеведческий музей. Дело благородное. Экспозиция посвящалась Великой Отечественной войне — ведь Крюково и Зеленоград стали местом ожесточенных боев на подступах к Москве.

Руководство Зеленограда было настроено категорически: музей создать в церкви. И все-таки мне удалось убедить их, что разумнее взять какое-нибудь строящееся в Зеленограде помещение, чем ремонтировать и приспосабливать для этой цели храм.

Тогда же на проспекте Вернадского Московской епархии передали помещение церкви, так как в этом районе вообще не было ни одного храма. За время моей работы в Моссовете передано пять-шесть зданий церквей.

Наверное, самое отчаянное было наше с Сайкиным решение накануне празднования 1000-летия христианства на Руси по вопросу о закладке камня, где будет построен храм в честь этого события.

Проблема долго не решалась, в том числе и по вине церкви. Возили ее представителей, показывали различные места, а они никак не могли прийти к соглашению. И вот накануне празднования тысячелетия они приходят к нам: «Мы приняли решение строить на Борисовских прудах в Орехово-Борисове. Там место высокое, красивое».

Бросились звонить в Совмин, а дело было в субботу — никого нет. То же — в ЦК партии. Сайкин даже Горбачева пытался найти, но его с ним не соединили.

Тогда мы по собственной воле выпустили распоряжение Моссовета за подписями Сайкина и Прокофьева о том, что даем согласие на закладку камня на Борисовских прудах, где будет сооружен храм в честь 1000-летия христианства на Руси. Дали команду строителям отвезти туда закладной камень, который церковь уже подготовила. И мероприятие состоялось!

В июле 1988 года 1000-летие крещения Руси уже было отпраздновано как государственное событие. Заключительное действо празднования — торжественный концерт по случаю этой даты — проходило в Большом театре СССР.

Общаясь с церковным руководством, пришлось заниматься и восстановлением после пожара Духовной академии в Загорске, и реконструкцией Даниловского монастыря. Гостиницу, правда, так и не удалось построить до праздника 1000-летия, но патриаршие покои успели сделать.

Приходилось бывать на стройках и встречаться с разными священнослужителями, в том числе и с православными строителями, которые в подрясниках трудились, как простые прорабы.

Особенно плотно пришлось познакомиться с руководством Духовной академии, поскольку восстанавливали ее с большим напряжением: работы были очень сложные, а строители наши — народ необязательный. Восстановить требовалось к 1000-летию, так как слушателям Академии приходилось жить в нишах монастырских стен, которые забивали досками, оставляя маленькое окошечко. Другого помещения не было.

Ректор Духовной академии произвел на меня впечатление очень умного, широко образованного человека. Я был у него дома и видел его обширную библиотеку с большим количеством светских книг.

Запомнилась встреча с Патриархом Пименом — чисто протокольная, когда мы с Сайкиным на Рождество приехали в Загорск. Во главе большого стола сидел Пимен. На столе большое количество салатиков, чай. В торце стоял видеомагнитофон, и Патриарх внимательно смотрел, как он сам выступает на каком-то церковном соборе.

Нас посадили за стол, налили чаю и дали по куску пирога. В соседней комнате стоял огромный противень с пирогом, и красивый молодой монах резал пирог на куски и приносил гостям. Разговор был формальный: о здоровье, погоде. Говорил Пимен с трудом и, кажется, не очень понимал, с кем разговаривает. Он был, видимо, сильно болен.

Никаких изменений в моих взглядах на религию после встреч с этими людьми не произошло. Я остался на своих позициях.

Как-то я попросил организовать экскурсию по Духовной академии, по музею. Это было, когда я еще работал в Куйбышевском райкоме и мы шефствовали над Загорским районом. Местные власти договорились об экскурсии. Когда приехали туда, нас встретил человек, который занимался внешними сношениями Троице-Сергиевой Лавры.

Обстановка такая же, как и у нас, светских работников, во всех деловых кабинетах; только вместо портрета Ленина висел портрет Патриарха Пимена. Меня тогда удивила большая фотография наших и американских космонавтов. Заметив мое недоумение, хозяин кабинета объяснил, что есть такая традиция, в соответствии с которой все наши космонавты перед полетом приезжают в Загорск.

Пока мы ждали, когда придет экскурсовод, нас угостили квасом. Принимающий нас священнослужитель был вроде бы с хорошего подпития. Развлекал он нас всячески. Потом пришел другой монах, у него был совсем другой облик, огромные глаза горели каким-то внутренним блеском. Экскурсию он провел прекрасно. Понимая, с кем имеет дело, ничего не навязывал.

Нас привлекла одна картина: первый переписчик Библии на славянском языке и позади него — ангел. Экскурсовод так трактовал этот сюжет: видите, человек настолько воодушевлен, что ему представляется: рядом с ним ангел. Потом мы ему задавали вопросы. Он охотно отвечал, в частности, что черному духовенству — монахам — не положено иметь семью. А на прощанье сказал: «Вы не можете себе представить, насколько жизнь верующего богаче жизни человека неверующего!»

Если говорить о непосредственной работе среди верующих, то это было уже в последние годы, когда я работал в Моссовете и секретарем райкома. У нас в районе было шесть действующих церквей. Больше, чем в любом другом районе Москвы в то время.

Приходилось встречаться с руководителями «десяток», церковными старостами, которые приходили со своими проблемами: то необходим ремонт или пристройка, а то и разобрать склоки, которые у них бывали. Да-да, с этим тоже в райком партии приходили! Жаловались, например, верующие на старосту, что тот не туда деньги тратит, или кто-то груб.

От некоторых вопросов я не отгораживался по простой причине. Скажем, реконструкцию или ремонт Патриархия не могла без нас решить. А если возникали вопросы по внутренним взаимоотношениям, я, конечно, в это дело не вмешивался и посылал в Патриархию или исполком райсовета, где был заместитель председателя, который курировал и вопросы религии: «Вот идите к ним и беседуйте». Но со своей стороны я просил этого заместителя, чтобы он принял без задержки и внимательно выслушал...

...А моя точка зрения, какой была, такой и осталась: все верования, если только они не наносят вред человеку, как некоторые изуверские секты или, к примеру, ваххабиты, имеют право на жизнь и поддержку.

Хочу еще раз подчеркнуть, что вырос в терпимом отношении к вере. И сказать, что я был воинствующим атеистом в комсомоле, в партии, — нет. Потому что тоже испытывал влияние бабушки в детстве, которую очень любил и уважал. Может быть, чтение художественной литературы в больших объемах, наших классиков, которые в большинстве своем были людьми религиозными, повлияло на меня. Не знаю. Но сейчас я могу сказать таким образом.

В свое время к французскому ученому Декарту обратились с вопросом, верит ли он в Бога. Он ответил так: «Никто еще пока не доказал, что Бога нет. Никто еще не доказал, что Бог есть. Поэтому лучше считать, что он есть. На всякий случай». Вот что ответил Декарт. Ну, это в порядке шутки. Говорить строго, что все, что записано в религиозных канонах, соответствует действительности, нельзя. Но то, что историческая правда в определенной мере есть, уже подтверждается историками и учеными. И наличие такой личности, как Христос (возносился там он или нет — не известно), это уже факт исторически доказанный. Это одна сторона вопроса.

А если говорить по существу, то Церковь, конечно, — я имею в виду нашу русскую православную церковь — сделала очень много и для становления русской культуры, потому что монастыри вообще были источниками и книгопечатания, и летописных историй наших. Кроме того, церковь — особенно до Петра I — играла огромную роль в становлении русского национального государства. Ведь только Петр I ликвидировал патриаршество на Руси, а до него Патриарх был равен, а в ряде случаев был выше князя, царя, и во многом государственные решения принимались под влиянием церкви. Церковь сыграла огромную роль в объединении русских земель. Потому что была единая вера. И хотя князья были разные, но вера-то была одна, и люди собирались под знамена православной веры. Поэтому это обязательно надо учитывать и отдать должное церкви.

Конечно, многое в церкви было и то, что нанесло ущерб. С одной стороны похвально, что русский народ и вообще православные люди воспитаны' в духе терпимости. Но терпение тоже должно иметь определенный предел, и я не сторонник толстовской идеологии.

Бывало много искривлений, хотя в православной церкви этого было меньше, чем в католической и протестантской. Не организовывались крестовые походы. Не было инквизиции. Если, скажем, были серьезные гонения, так это на староверов, да протопоп Аввакум сидел на цепях в яме за свое инакомыслие. Но в принципе, жестоких гонений со стороны церкви не было. И,

кроме того, православная церковь относилась достаточно терпимо и к другим верованиям и конфессиям. Поэтому так относительно безболезненно прошло создание и элиты Российской империи, куда входили и язычники, и мусульмане, и буддисты, поскольку православная церковь с пониманием и уважением относилась к чужим верованиям, не занималась гонениями других религий, а стремилась их как-то адаптировать к своему учению.

Миссионерская деятельность у нее тоже была большая, и язычников тоже на том же Севере старалась привести в лоно православия. Это все было. Поэтому я считаю, что надо подходить к религии с исторических позиций. И если придерживаться исторической правды, то вывод такой: деятельность православной церкви в России сыграла огромную роль и в становлении государственности, и в развитии языка, культуры и нравственности. В значительной мере, потому, что русский народ еще помимо всего был богобоязненный. Он боялся грешить, хотя можно было пройти очищение покаянием в церкви. А ведь на Западе католическая церковь бессовестным образом продавала индульгенции, и под любое убийство можно было заранее купить прощение. В русской православной церкви ничего такого не было.

Если говорить о современном положении, я бы так объяснил тягу к церкви. Ведь сейчас в церквях появляется много молодежи, много мужчин. Человек жить без веры не может. Я рассказывал, как во время поездки в Финляндию — я тогда молодым был, что-то лет 25 — на диспуте на религиозную тему я говорил, что коммунизм — это тоже своего рода вера. Можно верить в загробную жизнь, можно верить в коммунизм. Но вот веры в капитализм сейчас не может быть. Таковая отсутствует.

Сейчас вера в коммунизм порушена. А без веры человек жить не может. Поэтому люди потянулись к вере — православной, мусульманской. Конечно, церковь этим пользуется, активизирует свою деятельность. Но в настоящее время в государстве, в котором нет идеологии, нет национальной идеи, в государстве, в котором все усилия направлены на разрушение нравственных устоев, или, как теперь говорят, менталитета русского народа, церковь является своего рода единственным щитом. Ни одна политическая партия такого влияния на массы не имеет, и практически ни у одной политической партии нормальной идеологии-то нет, не сложилась она еще.

А у церкви всегда была национальная идея — это сохранение государства, сохранение веры, поэтому я считаю, что сейчас церковь играет положительную роль, поддерживая нравственные устои русского народа. Хотя она тоже переживает непростые

времена. Ведь такое массовое открытие монастырей, церквей опережает подготовку церковных служителей, и в церковь пришли и проходимцы, и стяжатели, и люди неверующие. Иерархи русской православной церкви — я беседовал с некоторыми из них — понимают это. Это вызывает определенное беспокойство. Еще один существенный момент: в церковь пришло очень большое число лиц еврейской национальности, принявших православие, и это очень большая проблема для церкви.

Нельзя не сказать еще об одной волне интервенции в нашу страну — интервенции католицизма. К сожалению, православная церковь не стала щитом против активного его наступления, а лишь жиденьким заборчиком, этаким плетнем отгородилась. Ни против католической церкви, ни против создания сект на территории России. И это серьезный упрек православной церкви. Потому лезут во все щели этого жиденького плетня и католики, и протестанты, и сектанты различного рода. Церковь борется с ними недостаточно активно, плохо использует средства массовой пропаганды, печатные и электронные средства. Если говорить о тех изданиях, которые издает сама церковь, то они малотиражные и расходятся в основном среди верующих. Это все равно, как в советское время атеисты боролись с религиозными предрассудками, распространяя атеистические знания среди самих неверующих.

Так и церковники сейчас поступают — распространяют свою газету среди верующих, то есть среди людей, которых ей не нужно наставлять на путь истинный. Ведь основная масса населения мало информирована о вреде, ущербе, которые наносят сектанты, католическая и протестантская религии. Потому что в их основе лежит либерализм, в основе которого стоит проповедь не «человек человеку друг, товарищ и брат», а «человек человеку — волк», «каждый воюет против всех, все воюют против каждого». И в основе всего, я бы так даже сказал, лежит социальный дарвинизм — борьба за выживание: сильный — выживает, слабый — Бог с ним, пусть гибнет.

Недавно в наших СМИ развернулась шумиха по поводу смерти Папы Римского. Даже Пушков в передаче «Постскриптум» высказал возмущение масштабом освещения этой смерти. Он оказался единственным, кто возмутился и совершенно справедливо выступил против этой шумихи. Какое нам дело, какой там дым пошел. Когда он пойдет — через год или полтора? У нас 80% придерживается нравственных устоев православной веры, 20—25 % — мусульмане.

Но надо сразу оценить, кому это было нужно. Ведь вся эта шумиха проводилась совершенно осмысленно! Вывод

напрашивается сам собой: потому что православная вера — кроме естественных монополий — пока еще скрепляет нашу страну. И если первым шагом было разрушение КПСС, вторым — разрушение Советов, то сейчас идет наезд на православную веру со стороны католической церкви. Именно поэтому наши антирусские средства массовой информации так яростно раздували эту истерию вокруг смены папы. Этот фактически яд они вливали в души наших людей, которые не осведомлены об истинной подоплеке развернувшейся на ТВ истерии. В течение, как минимум, десяти дней шла агрессивная пропаганда католицизма у нас на Руси.

Причем с приходом нового Папы наступление будет усилено. Не потому, что он немец, а потому, что по своим взглядам в сравнении с умершим Папой Иоанном Павлом II он более жесткий и ортодоксальный человек.

А если говорить о предыдущем главе церкви, то тот не случайно был выбран на этот пост. Уже тогда была поставлена задача разрушения системы социалистического лагеря, и как одно из слабых звеньев была избрана Польша, где значительная часть населения верующие католики, и Папа провел огромную работу по борьбе против коммунизма. Но если бы это была борьба только в области идеологии! Борьба шла против нашей страны, против России...

Православная церковь очень либеральная, терпимая. То, что вредит развитию человека, ущемляет его достоинство, не имеет права на существование. В ином случае каждый может верить в то, во что хочет. Ломать такую веру через колено нельзя. Я полагаю, что многое было потеряно из-за того, что партия не сотрудничала с церковью.

При подготовке XXVIII съезда партии шла борьба по Уставу. Разные были высказывания. Когда мы говорили о религиозной терпимости, нас называли отступниками, оппортунистами. Но нам удалось убедить делегатов, и заслуга в этом в первую очередь московской группы, принимавшей участие в подготовке Устава, за изъятие из текста фразы о борьбе с религиозными предрассудками.

После 1991 года от резкого атеизма бросились к безудержной, никем не сдерживаемой пропаганде религии через средства массовой информации. В страну хлынула волна сектантства. Но еще до 1991 года стало модным ведение передач на фоне церковных куполов. И если у верующих это вызывало положительный отклик, то у атеистов, ученых, медиков — резко отрицательную реакцию. От них шло много писем в горком партии. Обвиняли в шараханье на манер борьбы с пьянством: то

все «против», то все «за»...

Люди обращались тогда, думая, что СМИ все еще по-прежнему управляются партией...

Помимо сект опасность представлял и безу.- держный поток с Запада и с Востока религиозных миссионеров. Он преднамеренно направлялся в нашу страну, чтобы подорвать российский менталитет. И я считаю, что Пра вославная Церковь мало этому препятствовала. Не справлялась, видимо. А может быть, недооценила опасность.

Дело дошло до того, что первый всемирный съезд кришнаитов состоялся в Москве. Значит, кому-то это было надо! Кто-то поддерживал! Не просто так везде появляется реклама кришнаитов. Из очень небольшой группы фанатов и просто психически неуравновешенных людей развивается достаточно большое, хорошо организованное и щедро оплачиваемое движение.

В горкоме партии вопросы, связанные с миссионерством, сектантством, к сожалению, не ставились. Да и не было тогда еще в Москве такого потока. В то время он во всю катился по Белоруссии и Украине...

...В этой главе я намеревался рассказать о том немногом, что мне удавалось сделать для восстановления справедливости. Каяться — я не каялся. Да и вообще не было у нас официального покаяния. Повсеместное увлечение пропагандой религиозных обрядов, когда даже бары-рестораны и казино освящаются перед открытием, меня, мягко говоря, смущает. Демонстративное появление руководителей страны, города на экранах телевизоров во время торжественной службы в храмах мне кажется не совсем уместным. В народе таких персонажей, которые публично стоят со свечками, но не являются истинно верующими, называют «подсвечниками».Надо уважать Церковь, так как ее государственно-образующая роль на Руси — исторический факт. И русская культура, которая формировалась во многом под влиянием церкви и является одной из нравственных опор обществ, — тоже факт...

...Произошел ли у меня какой-либо перелом в сознании в последние годы? Думаю, да. Но повторяю: книга эта — не моя исповедь...

...А на работе у меня на стене — портрет митрополита Питирима. Очень хороший портрет. Где бы я ни находился в кабинете, все время встречаю взгляд мудрого владыки, с которым когда-то имел честь быть знакомым.

Пятый пункт

Москва и национальный вопрос. Не надо говорить, что его в те времена не было. Выступления, конфликты были, драки по этому поводу на бытовом уровне были, а вопроса не было? И вопрос был, и национализм наблюдался. Конечно, не в таком виде, как сейчас: уродливый, злобный, смертельно опасный — катастрофически опасный.

Откуда это все пошло? От дурацкого предложения: «Берите столько суверенитета, сколько сможете»? А может быть, и мы в свое время неверно подошли к этой проблеме? Вероятно, вначале шли за событиями, проблема не была нами предусмотрена? Сколько вопросов...

В голове было четко сформулировано: у нас есть единая общность «советский народ», который живет в мире и согласии, и думать о национальных проблемах не следует.

Национальный вопрос встал остро с приходом перестройки.

Был ли национальный вопрос решен в нашей стране, занимались ли им в советское время? Безусловно, им занимались — постоянно и глубоко. Именно поэтому он не стоял так остро.

Национальный вопрос в такой многонациональной стране, как Советский Союз, конечно, существовал всегда, но он достаточно умело регулировался и решался. Именно поэтому у нас существовало — не только юридически, но и фактически — равенство всех наций и народностей, проживающих на территории нашей страны, какой бы численности эти народы ни были. Если вспомнить национальный состав нашего правительства на протяжении лет существования Советской власти, Верховного Совета, руководящих органов КПСС, то это были многонациональные объединения.

Более того, специально создавался режим наибольшего благоприятствования для народов национальных республик. Например, вводились специальные квоты приема в университеты для абитуриентов из республик Средней Азии, Закавказья, по которым выделялись места в престижные, как сейчас принято говорить, учебные заведения — в Физико-технический институт, МВТУ им. Баумана, Московский государственный университет им. Ломоносова, Государственную консерваторию и т. д.

У нас была по-настоящему многонациональная культура. Ежегодно в Москве проводились фестивали культуры той или иной республики — Дни культуры Молдавской республики, Дни азербайджанской культуры и т.п., когда лучшие коллективы той или иной союзной или автономной республики — ансамбли,

театры — приезжали на гастроли в Москву. В свою очередь, московские, свердловские, ростовские и другие коллективы российских городов, отдельные артисты выезжали на гастроли в национальные республик. Шел постоянный обмен достижениями культур. *Именно поэтому талантливых представителей культуры и науки любого народа знали во всем Советском Союзе.*

Большую объединяющую роль играл русский язык, который был государственным языком на территории всего СССР и наряду с национальными языками был широко распространен по всей стране. Именно поэтому произведения национальных ученых, поэтов и писателей имели возможность издаваться на русском языке и таким образом получали не только всероссийскую известность (имея в виду, весь Советский Союз), но и в других странах мира. Ведь скажем прямо, если бы академик Амбарцумян издавал свои труды только на армянском языке, то в мире мало кто мог бы их прочитать. А они издавались на русском языке, который читался практически во всех цивилизованных странах мира, и фамилия академика Амбарцумяна стала всемирно известной.

Я уже не говорю о художниках, писателях, поэтах, книги, репродукции картин которых издавались миллионными тиражами.

Русские школы были и во всех национальных образованиях, и в них учились не только дети приехавших русских специалистов, но и дети коренного населения.

Мне рассказывал мой знакомый Сарьян Вильям Карпович (он вырос в Тбилиси, хотя сам армянин), что в русских школах, *которые существовали в Грузии наряду с национальными школами,* учились и армянские, и грузинские, и азербайджанские дети. Там они приобретали знание русского языка, но там же обязательно преподавались со второго класса грузинский язык, с третьего — география и история Грузии. Такой культурный и языковый обмен существовал в советское время.

Хотя, конечно, были кое-где и перегибы. Я не могу назвать точно год, когда было принято это закрытое постановление, но это было в то время, когда Генсеком был Л. И. Брежнев. В нем говорилось о необходимости пропорционального соблюдения представительства при выборах в местные Советы и партийные органы власти с тем, чтобы учитывался национальный состав населения той или иной республики, скажем, той же Башкирии. Там проживало значительное число и татар, и русских, и если бы в состав властных структур входили только башкиры, это была бы дискриминация и татарского и русского населения.

Кроме этого создавалось большое количество рабочих мест

для коренного населения, чтобы решить проблему занятости населения в тех же среднеазиатских республиках и в Закавказье. Там строились современные заводы и фабрики, поэтому и пришлось значительному числу русскоязычного населения перекочевать на национальные территории, чтобы не только работать, но и делиться богатым опытом русского рабочего класса. А коренным народам требовалось время, чтобы освоить новые производства, создать свой квалифицированный рабочий класс. Ведь рабочий класс там был не очень силен.

Но тут, как говорится, палка о двух концах. С одной стороны, когда строился в Ташкенте завод по производству самого современного радиооборудования, готовых кадров не было, потому значительную часть там составляли русские рабочие и инженерно- технические служащие. Узбеки, работая бок о бок с русскими, таким образом приобщались к высоким технологиям. Но, может быть, надо было больше учитывать интересы местного населения и строить такие предприятия, которые учитывали бы национальные особенности региона. На них с успехом бы работало местное население, например, предприятия перерабатывающей промышленности — текстильные, ткацкие, по выработке ковров и т.д. То есть того, что было характерно для данного народа. Может быть, вместо авиационного завода надо было построить несколько предприятий легкой, перерабатывающей промышленности. Вопросы эти решались на правительственном уровне. Я не скажу, что они всегда абсолютно правильно решались, но они решались.

Однако к 90-м годам появились совершенно новые тенденции. Поясню на примере. Когда в 1990 году я был в Узбекистане, я практически весь его проехал в течение месяца. Здесь столкнулся с недоумением людей, которым навязывали, что теперь бригадиром надо было поставить обязательно узбека, вместо хорошего русского бригадира, и только потому, что он недостаточно знает узбекский язык. Меня с удивлением спрашивали: почему они теперь должны плохо относиться к русским? Этого никогда не было! Посмотрите, говорили мне, в Ташкенте стоит памятник семье узбекского кузнеца, которая во время войны приняла 11 детей разных национальностей — и русских, и украинцев, и прибалтов, — всех приютили, обогрели, и никто не спрашивал, какой национальности ребенок — все были свои. Теперь же проблема национальности навязывалась искусственно — национальный вопрос поджигался целенаправленно.

Причем не все вопросы были хорошо изучены, не определены болевые точки. Скажем, при установлении границ между

Арменией и Азербайджаном не учли ситуацию с Карабахом. Передали территорию Азербайджану, хотя большую часть населения составляли армяне. В той же Грузии есть несколько районов, которые полностью заселены и сейчас армянами.

Этими недоработками воспользовалась та часть националистически настроенной интеллигенции и та часть политиков, которые, понимая, что национальный вопрос — наиболее болезненный, хотели сыграть на этом и придти к власти. Тем более опыт по развалу многонационального государства уже был успешно апробирован в Югославии.

Безусловно, большую роль в разжигании национализма в СССР сыграли «наши зарубежные приятели», с которыми мы сейчас так «крепко дружим».

Я в 1992 году встречался с одним югославским предпринимателем и задал ему вопрос: «Что вы делаете?» Он ответил: «Неужели вы думаете, что мы сами такое сотворили с нашей страной? Это все организовано не македонцами и не сербами, а спровоцировано «дирижерами» из-за рубежа. Мы в этом участвовали как статисты».

Примером тому могут служить и все эти «бархатные» и «оранжевые» революции. Они показывают, насколько отлажена методика разжигания национальной вражды. Готовились к этому за рубежом основательно.

В начале 90-х годов в Штатах была издана книга, написанная Джином Шарпом, — у меня она есть: «Мирные методы перехода от диктатуры к демократии». Там описано 198 таких методов, причем подробно — что делать с населением, что делать с чиновничеством, как поступать со средствами массовой информации, как организовывать ненасильственные митинги, забастовки и прочее. 198 — точно!

В 2004 году эта книга была издана на украинском языке — результат известен. Сейчас она издана на русском языке и есть уже в Интернете. Если проанализировать, что произошло в Грузии, на Украине, что происходит в Киргизии — все в соответствии с этими разработками. Вся эта методика используется. Это первое.

И второе, о чем хотел бы сказать. Чтобы широко развернуть эту работу, используется сеть различных неправительственных фондов и организаций, в том числе и правозащитных. Есть такая организация в Америке, как «Фридом Хаус», есть фонд Сороса, и таких фондов можно назвать не один десяток. Они, кстати, перечисляются в письме посла США в Киргизии в Госдеп. В этом письме посол докладывает о том, как готовится переворот в Киргизии, какие фонды задействованы, как они финансируются,

какие они создают организации в Киргизии. После опубликования этих материалов посольством США был заявлен протест, но если это даже написано не самим послом, а его подчиненным, то там совершенно четко описаны все действия, которые производили Соединенные Штаты и посольство США в Киргизии.

Сейчас то же самое готовится у нас в стране. Создаются различного рода неправительственные и правозащитные организации, множество фондов. Они практически полностью содержатся на деньги США, на их гранты. Причем они создаются по схеме Интернета — этой всемирной паутины. Разрушить практически такую систему крайне сложно, так как там нет единого Центра, который бы можно было закрыть и все рухнет — есть только отдельные узлы связи, без которых все равно сеть продолжает действовать.

Эти организации получают очень большие деньги на свою деятельность из США, из европейских стран. Примеры тому — события в Грузии, на Украине, в Киргизии. На эти средства готовят специальные отряды и, подкармливая их, обучают методике действий — как вызывать возмущение населения, как манипулировать их сознанием. Ведь ни для кого не секрет, что людей, которые сидели на майдане Незалежности (а он очень небольшой, по площади примерно как наша площадь Пушкина — там разместить больше 5-6 тысяч людей невозможно) свозили со всей Украины! Им давали деньги, одежду, палатки, питание — все это бесплатно. Как только необходимость в них отпала, их просто вышвырнули, даже не обеспечив средствами на обратный проезд до места проживания.

Надо понять: национализм — это мощное сильно действующее идеологическое и организационное оружие. И нам в России, многонациональной стране, это необходимо учитывать. Не случайны все эти попытки проникновения на Северный Кавказ, в республики Поволжья. При этом используются и религиозные, и национальные особенности.

А самое главное, используется недовольство масс. Ведь русский народ живет не в лучшем положении в своей массе (я не беру москвичей), чем народы Северного Кавказа, Южного округа, но именно там возникает вопрос, что Центр, федералы ущемляют их интересы, не вкладывают деньги, не развивают производство. И этому есть основания. Действительно, в Кабардино-Балкарии, в Карачаево-Черкесии, в Адыгее огромное количество безработных. Крайне низкий жизненный уровень. И практически ничего серьезного не делается для изменения ситуации. А это питательная почва, чтобы вызвать недовольство. Ведь никто не

говорит, что русские живут так же плохо в Курской, Архангельской областях. А сравнивают с москвичами, мол, москвичи, Центр жируют за наш счет, и потому нам надо отделяться, чтобы стать самостоятельными.

Я боюсь сейчас еще одного действия со стороны правительства, со стороны руководства крайне несвоевременного и неумного. Ну, скажем, сейчас Красноярский край сливают с Ханты-Мансийским округом — это понятно, это нормально. Но когда начались разговоры о том, чтобы Карачаево-Черкесия вошла в Ставропольский край, а Адыгея — в Краснодарский край — это грозит бедой, потому что может вызвать только резкий всплеск национальных противоречий, вражды, не совсем такие, но похожие на точки сопротивления в Чечне...

Может быть, в конце 80-х годов непонимание остроты национальной проблемы происходило из-за того, что в Москве руководство партии и Советов большей частью состояло из представителей коренного населения, которое никогда никакими гонениями и ущемлениями в национальном вопросе не было затронуто? Поэтому так и отнеслись к этой проблеме, не понимая, какие процессы происходили в стране.

Кроме того, у меня, да и многих руководителей, не было необходимых знаний. Когда я обратился к специальной литературе, стал изучать эту проблему, то узнал, что на всех крутых поворотах истории резко обостряется национальная проблема. Это должны были предугадать, предвидеть, предусмотреть и руководители партии, но они, видимо, как и я, были в этих вопросах недостаточно подготовлены, а ученые, во всяком случае своевременно, об этом не сказали, да их и не спрашивали.

Только конкретные события в Москве заставили обратиться к национальному вопросу, изучить ситуацию в стране, а затем уже стали работать на опережение.

Начну с небольшой статистики.

В Москве, когда я был первым секретарем горкома партии, проживало 9 миллионов человек. Называли 8900 тысяч, но было 9 миллионов. Из них 1 млн. 200 тысяч человек — лица некоренной национальности, фактически их было значительно больше, но это официальные данные.

Пропорции такие: примерно 300 тысяч украинцев, столько же или чуть меньше татар, по 150—180 тысяч представителей Закавказья — грузин, азербайджанцев, армян. Евреев было примерно 300 тысяч, но численность их сокращалась: те, кто считал, что их родина Израиль, выезжали. Численность еврейского населения в Москве шла на убыль. Немало проживало

в столице представителей Дагестана, курдов.

Вот, пожалуй, те основные национальности, которые помимо русских проживали в Москве.

Когда в 1988 году возникли проблемы чисто национального характера в Армении, Нагорном Карабахе, трагедия Сумгаита, тогда горком партии (к сожалению, только тогда!) обратил внимание на национальную проблему в Москве. Стали ее изучать.

До этого все к чему сводилось? Праздники, сабантуи в Измайловском парке проводила татарская часть населения; Пасху и Новый год около синагоги на улице Архипова (теперь она называется Большой Спасоглинищевский переулок) отмечали верующие евреи. Вот и все, если говорить о национальных особенностях, которые более или менее открыто проявлялись у нас в Москве.

Когда произошли эти страшные события, начались митинги армянской диаспоры на Армянском кладбище. Там собирались, вывешивались плакаты с фотографиями событий, происходивших в Сумгаите, в Нагорном Карабахе. Приезжали представители из тех мест. Все это поначалу не выходило за рамки кладбища и не вызывало особого беспокойства. А вот когда армяне вышли за стены кладбища и пошли к центру города, тогда в горкоме партии (секретарем в ту пору был Зайков) заволновались по поводу возможных националистических проявлений в Москве.

Но это я говорил о лицах некоренной национальности. Еще раньше проявились национал-патриоты или, я бы сказал, национал-шовинисты из радикального крыла общества **«Память»,** которые проводили митинг на Манежной площади. Это тоже было проявлением национализма.

Они потребовали встречи с Ельциным. Тот вначале побоялся к ним поехать. Послал Сайкина и меня. Но руководитель общества «Память» Васильев категорически отказался разговаривать с нами и потребовал встречи с секретарем горкома партии. Мы с Сайкиным отправились к Ельцину. Ельцин позвонил Горбачеву: «Как быть?» Тот порекомендовал ему все-таки встретиться.

Но Ельцин поставил условие, что на улице он встречаться не будет — только в помещении. Мы предложили Васильеву два варианта: либо Манеж, либо актовый зал Моссовета. Тот выбрал Моссовет: Манеж рядом, зашли и все, а тут еще можно демонстрацией пройти по Тверской улице.

Их вначале было, наверное, около 500 митингующих — с лозунгами, плакатами. Когда члены этого общества шли по Тверской, поддержки им никто никакой не оказывал. Люди стояли и глазели. Стремления присоединиться к ним не было.

Обычное ротозейство, так как подобное явление было тогда еще внове.

Лозунги — чисто шовинистические: часть против евреев и других нерусских, некоренных, жителей Москвы; часть в защиту памятников истории, архитектуры; часть — в защиту монархического строя. Все это было необычно.

Пока демонстранты шли по Тверской к Моссовету, число их заметно сократилось, и когда они вошли, зал оказался неполным, хотя он рассчитан именно на полтысячи человек.

Собрался тогда в актовом зале народ самый разный. Были нормальные люди, стоявшие на здравых позициях. Они выступали в основном в защиту исторических и культурных памятников, то есть отстаивали те принципы, на которых «Память» и создавалась. Они пытались пойти на какие-то соглашения, договориться с руководством города. Но таких ораторов остальная часть, которой руководил Васильев, просто «зашикивала» — не давала выступать. Поэтому говорили в основном экстремисты.

Васильев выступил со своими требованиями, а Ельцин вел себя примерно так: «Ах, вы недовольны, что я сменил аппарат только на треть? Согласен, сменю полностью. Ах, вы требуете, чтобы приостановили стройку на Поклонной горе? Хорошо, завтра дам указание Сайкину, чтобы убрали подъемные краны». Так он сдавал одну позицию за другой. Они удалились удовлетворенные.

Когда митингующие ушли, Ельцин выглядел напуганным, очень раздраженным. И сразу набросился на Сайкина и начальника Управления внутренних дел: «Вы что, не знаете, как действовать? Устройте какую-нибудь провокацию против Васильева, чтобы он замолчал надолго»...

Обстановка стала накаляться.

Рост националистических проявлений среди русской части населения, события в республиках Советского Союза, конфликты на межнациональной почве стали отражаться на Москве.

Когда армяне вышли на улицу, мы стали опасаться, что диаспора азербайджанцев сделает то же самое, и это может вызвать их столкновение. Основная задача стала — удержать эти собрания в рамках одного Армянского кладбища.

Я тогда работал секретарем исполкома Моссовета, и мне поручили перед ними выступить. Это было мое первое выступление на уличном митинге — неорганизованном и враждебном. Как мне кажется, оно прошло удачно.

Лейтмотивом моего выступления было то, что для Моссовета не имеет значения, какой национальности человек. Главное, что он является жителем Москвы и мы беспокоимся о каждом. Кроме

того, я предложил (у меня, естественно, была об этом договоренность с Сайкиным) на случай плохой погоды, дождя — а мы понимаем, говорил я, что армянам надо собираться, обмениваться мнениями, информацией о том, что происходит у них в республике, — встречаться в Доме науки и техники.

Это сразу сняло напряжение: их не разгоняют, не критикуют, идут навстречу, и даже Моссовет предлагает свои услуги для того, чтобы им было удобно собираться. Напряжение было снято.

Все эти события привели к мысли: в Москве надо создавать национально-культурные общества.

Почему еще эта мысль возникла? Вспомнили, что до войны в Москве были школы, где можно было учиться на татарском, еврейском языках. Находились они в местах компактного проживания той или иной национальности.

Мы горячо принялись за дело.

Стали создаваться национально-культурные общества, начались поиски здравомыслящих людей.

Меня к этой идее в какой-то мере подтолкнула поездка в США. Там ведь тоже многонациональная страна. Правда, Советский Союз не был похож на Соединенные Штаты, так как в СССР существовали национальные территории, а там их нет — там Штаты. Конгломерат, который был в Америке, и конгломерат в Москве по ситуации — одинаковые. Но в Америке национальным группам давали возможность изучать родной язык, приобретать книги на родном языке и придерживаться своих вероисповеданий. Существовали национально- культурные общества.

Когда я был в Америке, там праздновался так называемый День Благодарения. Я присутствовал на инсценировке, где главными героями выступали Дядя Сэм, негр, и белокурая девочка (правда, индейцы и латиносы там не присутствовали), и лейтмотив был такой: кто бы ты ни был — поляк, ирландец, выходец из Африки, — мы все дети великой Америки, мы все едины. В действительности в Америке различные возможности у выходцев из разных стран, даже в четвертом колене, но официальная политика воспитывает чувство патриотизма и единства нации.

В Москве мы решили в какой-то мере использовать этот опыт. Одними из первых были созданы армянское и татарское общества. К 1991 году в Москве появилось около десяти национально-культурных обществ. В двадцати школах были открыты факультативы для изучения родного языка. Были созданы белорусское и украинское общества.

Когда начали создавать еврейские общества, столкнулись с

большими сложностями. Во-первых, поскольку существовал Антисионистский (еврейский же!) комитет. Во-вторых, сами евреи делились на ев- реев-ортодоксов, не воспринимавших иные религии и национальности, и тех евреев, которые хотели, чтобы их дети знали язык предков, могли читать и изучать еврейскую литературу, знали национальные обычаи, но в то же время понимали и принимали весь ход развития общества и объективное сближение наций.

Конечно, не всегда, не со всеми и не сразу удавалось договориться. В частности, был такой случай.

На Большой Татарской улице в районе станции метро «Новокузнецкая» одно здание занимали курсы стенографии и машинописи МИДа СССР. А до войны там была татарская школа. Представители татарской общины приходили ко мне в Моссовет, а потом в горком партии, и я вел длительные переговоры с МИДом, чтобы переместить оттуда курсы. Мы предлагали руководству татарской общины другие помещения, но они настаивали на возвращении того, что принадлежало им ранее.

Думаю, мы бы довели дело до конца, если бы не события августа 1991 года. МИДу уже выделяли школьное здание, и курсы должны были туда переехать.

При этом решалась еще одна проблема, я считаю, позорная для Москвы: в городе была только одна библиотека, где можно было получить книги на языках народов СССР — это Некрасовская библиотека. Даже не сама «Некрасовка», а ее отделение, которое находилось во флигеле особняка, в котором Ленин когда-то устраивал елку в Сокольниках: деревянный флигелек в глубине парка с очень плохими подъездными путями. Единственная библиотека на многомиллионный многонациональный город!

В библиотеке им. Ленина, конечно, можно было почитать такие книги, но попасть туда достаточно трудно. В районах подобных библиотек не было. Вот с такой проблемой и пришлось столкнуться.

Но дело шло. На Варшавском шоссе в одном из кинотеатров открыли еврейский театр. Искали, находили помещения в различных клубах — ведомственных и профсоюзных — для национально-культурных обществ. Готовилось их примерно 18-19, а 10 обществ уже были зарегистрированы в Моссовете и официально работали.

Так мы стали решать национальную проблему в столице — через создание национально-культурных объединений, чтобы каждый, кто хочет, мог изучить родной язык, читать книги на родном языке и знакомиться с культурой, национальными

обычаями. Чтобы люди могли собираться и общаться по своим национальным интересам.

Из всех дел, которые мы успели провести, следует отметить совместное мероприятие с Комитетом по делам религии при Совете Министров СССР. В том же Доме науки на Волхонке мы собрали около 300 человек — представителей всех конфессий Москвы: участвовала православная церковь, мусульмане, иудеи, католическая церковь и даже некоторые секты, например, баптисты. Речь шла об одном: необходимо представителям всех конфессий, священнослужителям приложить большие усилия, чтобы в Москве не было межнациональных конфликтов. Чтобы это звучало в проповедях, в обращениях к прихожанам, присутствовало в действиях.

Я рассказал собравшимся о положении в Москве и обратился с призывом оказать содействие властям в разрешении чисто экономических проблем города. Речь шла о благоустройстве столицы, о содержании в порядке жилых домов, совместной борьбе с преступностью на улицах. То есть о тех проблемах, которые можно было решать общественностью города. Разговор не шел о каких-либо капитальных вложениях, строительстве: только о том, что могло сделать само население. Все это тоже входило в наши действия по погашению национальной напряженности.

Мы делали тогда, что могли, что считали необходимым. Собирали в Доме политпросвещения руководителей национальных обществ, говорили о том, что должны представлять собой эти общества, каковы их задачи, действия. Высказывались люди разных национальностей, разговор шел свободный, заинтересованный.

Денег город не давал — не было запланировано. Помогали помещениями. Это решали горком партии и Моссовет. Остальное — на частные пожертвования.

Был такой представитель еврейской общины — полковник Сокол. Его трехкомнатная квартира была заставлена книгами — прекрасная библиотека на иврите. Он эту библиотеку передал безвозмездно общине для пользования. Так что было на кого опереться. Мы искали и находили таких людей.

Пить или не пить?

Говорят, Великий князь киевский Владимир Святославович не сразу решился принять христианство для своего государства. Был еще один вариант — ввести в стране ислам. Но последователи Мухаммеда не употребляли спиртное, а «веселие на Руси есть питие». Подумал Красное Солнышко и предпочел христианство.

Конечно, это шутка. Речь пойдет не о том, является ли пьянство, любовь к выпивке отличительной чертой русского человека. К слову, статистически доказано, что многие народности ублажают зеленого змия гораздо больше, чем российские люди.

Но мы так же безуспешно, как и другие страны, время от времени затеваем борьбу с алкоголем. А ведь доказано — на примере США и других стран: ужесточение законов ведет к увеличению преступности, «сухие законы» лишь усугубляют ситуацию, ведут к самогоноварению, бутлегерству, массовым отравлениям.

Был и я свидетелем и отчасти участником двух антиалкогольных кампаний. Что и говорить, любили у нас в брежневские времена пображничать и выпить в кампании. Любое мероприятие районного или городского масштаба заканчивалось по большей части застольем.

Хотя это было не характерно для московской организации: Гришин категорически исключил застолья сразу после своего прихода. Но до этого подобные обычаи имели место и в Москве. Правда, в первичных организациях так оставалось и при Гришине, потому что до всех добраться не смогли. Например, заводские конференции и выборы обязательно завершались серьезными возлияниями. Это разлагающе действовало и на руководящий состав, и на подчиненных. Дисциплину приходилось подтягивать.

В период, когда Брежнев руководил страной в нерабочем состоянии, началась расхлябанность, что вело к невыполнению плановых обязательств, расцвету взяточничества, коррупции, телефонному праву. Большинство людей понимало, что это идет во вред обществу, и ждало улучшения.

Приход Юрия Владимировича Андропова на пост Генерального секретаря народ воспринял вначале осторожно: ведь он был до этого председателем КГБ. Но потом, когда стали наводить порядок, когда практически за год у нас выросло промышленное производство почти на 3,6%, а сельскохозяйственное — на 4%, и все это — без каких-либо дополнительных вложений (причем это отразилось не только на

цифрах, но и на прилавках) — люди его политику одобрили.

Совершенно правильно, что жестко проводилась борьба с пьянством на производстве, которое тогда процветало повсеместно. Да и продавать бутылку водки человеку в рабочей одежде не следовало, если человек этот приходил со стройки во время обеденного перерыва. Правильно, что начали борьбу среди ру- поводящих работников, когда пили, скажем, после пленумов.

Но было и другое. Скажем, на местах сильно перегибали палку по выполнению решений, которые принимались «наверху», когда делали облавы в магазинах, парикмахерских, банях и кинотеатрах.

Знаю точно, что Андропов был против этих перегибов. Я был свидетелем того, как во время партийного актива (я тогда сидел в президиуме) Гришин был вызван к телефону Андроповым, и тот резко отчитал его за то, как «ловят» нарушителей дисциплины в банях и парикмахерских, при этом часто страдают командировочные.

Во все инстанции — партийные и советские — пошли жалобы трудящихся. Писали, что эти меры вообще не соответствуют Конституции (о правах человека тогда не говорили), оскорбляют достоинство людей.

С подачи Лигачева боролся с пьянством и Горбачев.

Антиалкогольная кампания при Горбачеве была начата подписанием 16 мая 1985 года Указа Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении борьбы с пьянством» и продолжалась до 1988 года. Указ был принят сразу после Дня Победы, и тогда Горбачев сказал, что ветераны пьют в последний раз.

Горбачевская борьба против алкоголизма ничего общего с действиями Андропова не имела, а лишь породила наркоманию, токсикоманию и спекуляцию.

Вначале и эта антиалкогольная кампания вроде бы велась разумно. С пониманием был воспринят запрет на проведение различных банкетов за государственный счет после проведения мероприятий, конференций, съездов. Тем более что это в ряде случаев приняло действительно безобразные формы: например, членов избирательных комиссий приходилось утром развозить по домам, так как они уже не могли передвигаться самостоятельно.

Но когда Лигачев заявил в Тбилиси, что «мы не за культурное питие, а мы вообще против употребления алкогольных напитков», то это было воспринято с непониманием и раздражением не только обычными людьми, но и на низшем и среднем партийном уровне. Сложилась ситуация, когда человек вынужден был отстаивать огромные очереди, чтобы взять бутылку сухого вина, чтобы отпраздновать свой день рождения.

В проведении этой антиалкогольной кампании большую роль сыграли два члена Политбюро: Е. К. Лигачев и М. С. Соломенцев. Первый — как один из ярых сторонников полного исключения употребления алкоголя, второй — как председатель Комитета партийного контроля.

Соломенцев присылал к нам в горком партии комиссии партийного контроля, которые издевательски выискивали, где, что, чего; подсчитывали по магазинам каждый лишний литр проданных спиртных напитков; сравнивали, в каком районе больше, в каком меньше продается спиртного на душу населения, и на этом основании(!) делали выводы о работе секретарей райкомов.

А к чему это привело? Например, секретари райкомов партии — Р. Жукова в Ждановском районе и Ф. Козырев в Краснопресненском — совсем запретили на территории своих районов продажу спиртных напитков. Получалось, что они вроде «передовики».

Но население их районов хлынуло в соседние и увеличило там толпы жаждущих.

То же самое произошло, когда в центре города запретили продажу винно-водочных изделий, алкоголь стали продавать только на окраинах, и там началось столпотворение. Туда же, кстати, бежал народ и из Московской области. В Первомайском районе, к примеру, было кафе «У околицы» и магазинчик под тем же названием. Там жутко что творилось!

Пик антиалкогольной борьбы в Москве пришелся на время, когда первым секретарем горкома стал Ельцин. К его чести, он не создал в горкоме общество трезвенников, хотя и одобрял действия Жуковой и Козырева. Но когда он пишет, что «схватывался по этому вопросу с Лигачевым так, что пиджаки трещали», это очень сильное преувеличение. Такого не было.

Более того, когда секретари райкомов партии ставили вопрос о том, что проводится неправильная политика и население такой политики не понимает, Ельцин отвечал, что не надо драматизировать: большие очереди, говорил он, тоже один из методов борьбы с пьянством. И если он и не выступал активно «за», то и не сопротивлялся так называемой антиалкогольной борьбе.

При нем комиссии партийного контроля стали проверять и горком партии.

Проходили проверки так. Прежде всего, брали сведения в милиции, которая должна была регулярно сообщать в горком, кого из руководителей задержали в нетрезвом виде. По этим спискам мы должны были принимать меры: кого-то исключать из

партии, если человек попался не в первый раз, или объявлять взыскание.

Затем та же комиссия брала копию списков и смотрела, насколько жестко партийная организация подходила к провинившимся. Если им казалось, что приняты недостаточные, по их мнению, меры, партийный руководитель подвергался критике. Например, если директор был замечен в нетрезвом состоянии или на него написали донос и факт подтвердился, машина срабатывала неумолимо.

При этом совсем не обязательно было попадать в вытрезвитель! Просто приходило письмо незатейливого содержания: вот у нас было торжественное собрание, после которого «втихаря» в кабинете директора собралось руководство, и там были спиртные напитки. Если проверка это подтверждала (а всегда находился кто-нибудь, кто «был, но не пил») и если не принимались драконовские меры против директора, вплоть до освобождения от работы, каким бы хорошим он ни был, партийные органы подвергались резкой критике. Все это порождало еще и элементарное «стукачество».

Я не помню фамилию человека, который руководил бригадой, проверявшей нас, но он был, видимо, из категории людей, которые возглавляли в 1937 году «тройки».

Вернемся к милицейским спискам. Отслеживали по ним не только руководителей, но и рядовых коммунистов. Милиция уже тогда стала «баловаться»: человек выходит из ресторана, от него немного пахнет — стражи порядка тут как тут. Его задерживают и предлагают заплатить штраф. Тот не платит (был на дне рождения, выпил, но не пьян!). Милиционеры заталкивают его в машину, насильно вливают в него водку (даже такие случаи были!) и везут в вытрезвитель. И хотя доказать такие безобразные случаи было сложно, но это иногда удавалось, и несколько начальников вытрезвителей в Москве были сняты с работы и уволены из органов милиции за подобные действия.

Бывало и так, что стражи порядка отбирали у задержанного спиртные напитки и там же, в вытрезвителе, сами их выпивали. Такое случалось и в Куйбышевском районе.

Мы возмущались, высказывали критические замечания, но дурь торжествовала. Совершенно жесткие были по этому поводу установки, и любое критическое выступление воспринималось не просто как непонимание, а как «противоречащее общей партийной линии». Однако большинство понимало ошибочность проводимых мероприятий, и критических выступлений на совещаниях в горкоме партии было немало. Но были, конечно, и люди, которые истово следовали указаниям «сверху».

Мы вспоминаем теперь об этом с долей иронии, а тогда было не до смеха. От нас требовали жесткой реализации «линии партии». А возмущение росло.

Алкогольные запреты и в личном плане вызывали определенные неудобства.

У меня это совпало с отпуском. Есть традиция — без бутылки вина ни одно семейное мероприятие не отмечается. Помню, мне, как и каждому другому, приходилось искать какие-то пути, чтобы купить напитки. Постоял я пару раз в километровой очереди недалеко от дома, но потом отказался. Не то чтобы я боялся, что узнать могут. Стыдно, да и просто неприятно было стоять в этих очередях. Два раза ездил я к сестре — она в Тушинском районе живет — и там отстоял. Но это потому, что был в отпуске. И опять же неудобно! А позже я просто был лишен этой возможности: винные магазины торговали с 11.00 до 19.00, а я в это время всегда на работе.

В ряде случаев эта кампания приводила к уродливым формам. Приведу такой анекдотичный случай. Приезжаю к себе в деревню. Сидит сосед, совершенно пьяный (происходит это в самый разгар антиалкогольной кампании). Он мне машет: остановись! Я машину поставил, подхожу к нему. Сосед возмущается: «Юра, о чем это в городе думают? Мы уже весь французский одеколон по семь рублей флакон выпили. Народ перешел на антистатик «Лану», люди травятся! Вы там, в городе, не придумали, как лечить?»

Я и многие мои товарищи считали, что такие действия наносят и политический вред партии. Тем более что разрушалось то, что намечалось при Андропове — тогда горком партии и Моссовет приняли решение построить в Москве тридцать пивных залов на хорошем благоустроенном культурном уровне, чтобы любой человек мог прийти туда, посидеть за столом, выпить кружку пива, закусить.

Одним словом, хотели сделать нечто подобное тому, что имелось за рубежом. И ведь начали делать! Стали строить дополнительные линии по выпуску пива, работали над тем, чтобы снизить уровень алкоголя в напитках. Но дело так и не довели до конца — не успели: пришел 1985 год, и началась эта антиалкогольная вакханалия.

Сейчас мы видим, какой катастрофический вред здоровью людей эта кампания причинила. Самогоноварение (то, что у нас было почти забыто), токсикомания и наркомания — все оттуда.

Моральный вред был нанесен огромный, и это до сих пор отзывается. Кампания не привела к сокращению потребления алкоголя, а напротив — только его увеличила, причем в

искаженных формах. Авторитет партии и государства был явно подорван. Народ посмеивался над этими решениями и... продолжал спиваться.

Нанесен был и громадный экономический ущерб. Ведь около 30% госбюджета составляли доходы государства от монополии на винно-водочные изделия. Не имея или не создавая дополнительных источников финансирования, которые смягчили бы потерю от продажи алкогольных напитков, было принято крайне неуместное решение. Спад в экономике, сокращение производства тоже в определенной мере произошли от этого.

Одно из двух: либо уже совсем дураки, *либо это одно из звеньев продуманной цепочки разрушения моральных, нравственных устоев в нашем обществе и подрыв экономики. Скорее — второе.*

Напоследок…

О последних партийных форумах: XIX партконференции, Учредительном съезде КП РФ, XXVIII съезде и пленумах ЦК КПСС теперь не говорят. Они не вошли в учебники, их не изучают в школе, о них не читают лекций в вузах. Но они были, а я их участник и думаю, что эта тема заслуживает внимания. Из песни ведь слова не выкинешь.

…Уточняю: я никогда не собирался писать какие- то мемуары или оставлять исторические записки. То, что я пишу, это отдельные частные воспоминания того, что запало мне в память, но никак не полная картина этих партийных форумов.

Во время XIX партконференции, которая проходила с 28 июня по 1 июля 1988 года, я был секретарем исполкома Моссовета и какого-либо активного участия в ее подготовке не принимал. Был просто делегатом.

Что отличало эту конференцию? Делегаты практически не выбирались, а делегировались. Такого в истории нашей партии не было. Преподносилось это как новая демократическая форма.

Суть сводилась к следующему. Каждый регион — и это касалось всех партийных подразделений — имел определенную квоту, установленную Центральным

Комитетом партии, а на самом деле — Политбюро, Секретариатом ЦК, потому что ЦК только придал легитимность этой квоте. Начиналось выдвижение кандидатур с первичных организаций.

Эти кандидатуры рассматривались на пленумах районных комитетов партии, например, в Москве, и здесь происходил какой-то отсев (без согласования с мнением первичной организации) и введение в список своих представителей, так как каждый район тоже имел свою квоту. Затем предложенные кандидатуры рассматривались в бюро горкома партии, потом на пленуме горкома партии, и происходили новые отсевы и дополнения. Так формировался состав делегатского корпуса.

На каждом уровне это были не выборы, а простое делегирование, достаточно многоступенчатое. Почему такую форму нельзя назвать демократической? Скажем, если бы происходило так: первичные организации выдвинули кандидатов и дальше на этой основе шло формирование, тогда это было бы действительно демократично. Но и районные комитеты партии помимо «первичек» тоже имели право выдвигать своих кандидатов. То же можно сказать и о горкомах.

Чтобы проиллюстрировать, как все происходило на самом

деле, приведу пример. Первичная организация журнал «Огонек» не выдвинула своего редактора Коротича делегатом конференции, и партийная организация Свердловского района Москвы поддержала это решение. Когда же список обсуждался на бюро Московского горкома партии, под давлением ЦК, а конкретно — Горбачева, эта кандидатура была навязана пленуму горкома.

Не помогло и выступление второго секретаря Свердловского райкома партии Борцова, который выступил с резкой критикой Коротича. Он убедительно мотивировал решение первичной организации журнала и райкома партии, но пленум горкома партии под давлением и бюро, и Горбачева, присутствующего на расширенном заседании пленума, кандидатуру Коротича провел.

И таких примеров можно привести немало. Нарушения допускались и на районном уровне, и на областном, где проводились сложные маневры и протаскивание угодных руководству людей.

Точно так же получилось и с Ельциным. Московская городская партийная организация, членом которой он был, не делегировала его на партконференцию. Тогда Ельцина в самый последний момент протащили через Карелию, где он потом любил отдыхать. (Может быть, поэтому он так и возлюбил этот край?)

Во всяком случае, именно через Карельскую парторганизацию делегировали Ельцина на конференцию, хотя он никакого отношения по партийной линии к ней не имел. Могут сказать, что как заместитель председателя Госстроя он имел отношение к любому региону страны, но ведь у нас выборы шли по партийной структуре — это декларировалось как достижение демократии, а здесь было явное нарушение. Поэтому утверждать, что состав конференции формировался демократическим путем, было бы неправильно.

Такой порядок вызвал очень много недоразумений, возмущений не только в московской организации, но и в других областях и регионах. Люди чувствовали, что это не прямые выборы, что идет преднамеренный отсев, довыборы угодных кандидатур на любом уровне, тогда как честные коммунисты, которых выдвигали на уровне «первичек», становились неугодными.

Вот так формировался делегатский корпус XIX партконференции.

Главным вопросом на конференции был вопрос о формировании Советов. По существу шел процесс «узаконивания» подготовки передачи власти от КПСС, которая в шестой статье

Конституции СССР закреплялась как руководящая сила общества, — Советам, хотя об этом на конференции открыто не говорилось.

Именно эта конференция предрешила вопрос передачи власти от партии — Советам, а не изъятие шестой статьи Конституции, которое состоялось в марте 1990 года на III съезде народных депутатов СССР. Отмена статьи стала тогда чисто формальным актом.

Характерно, что на XIX партконференции ни один работник советских органов не выступил — ни одному из них не было дано слова.

Никогда — ни раньше, ни позже — я не видел Горбачева таким моторным, энергичным, собранным, как в те дни, когда он целеустремленно и жестко проводил свою линию, свою политику. Он сделал все виртуозно — надо отдать ему должное. Да и время было другое. Тогда, в 1988 году, еще не было такого противостояния Горбачеву, как это случилось позднее, не было еще понимания его роли провокатора и человека, который разваливал то, что было создано до него. Да и экономического спада, который обрушился в 1989 — 1990 годах, не было. Страна еще жила по инерции, шла с тем багажом, который был накоплен в «догорбачевские» времена.

На конференции была принята программа реформ:

— политической системы власти — свободные выборы, усиление роли Советов, во главе которых рекомендовалось избирать партийных лидеров,

— конституционной реформы — создание двухуровневой представительской системы — Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР и

— утверждение поста президента СССР.

Потом был разработан график проведения всех

этих мероприятий — Горбачев провел свою линию.

Понимали ли сами делегаты, к чему ведет Горбачев? Думаю, не все и не до конца. Но звучали на конференции и достаточно зрелые выступления, в которых высказывалась тревога, что ведут они работу без какой-либо перспективы, так как не определены конечные цели перестройки, и настаивали на необходимости демократизации самой партии. Запомнилось выступления писателя Юрия Васильевича Бондарева, который сравнил партию с самолетом, который с трудом оторвался от болота, но не знает маршрута полета и места посадки.

Основное столкновение точек зрения произошло по поводу предложения Горбачева о том, что председателем Совета должен быть первый секретарь соответствующего партийного комитета — райкома или горкома. Причем это предложение было записано в

категоричной форме.

Возник вопрос: а где же тогда демократия? А если население не изберет партийного руководителя в Советы? На что Горбачев ответил: «Тогда из коммунистов — членов Советов должен избираться секретарь горкома или райкома». Получалось, что партия должна идти за Советами!

Но почему обязательное совмещение этих должностей? Против этого положения активно выступали многие, в первую очередь те коммунисты, которые затем стали членами Межрегиональной депутатской группы. А когда шло голосование, то из 1000 делегатов «против» проголосовало более 130 человек. Среди них был и я, хотя в тот момент специально снимали на камеру всех, кто поднял руки против этого предложения.

Кто-то из ученых или космонавтов внес компромиссное предложение о «желательности» такого совмещения, чтобы смягчить формулировку, снять ее категоричность. Но Горбачев сумел-таки провести решение в своей редакции, хотя в большинстве случаев это решение не было впоследствии реализовано.

...Зачем Горбачеву это было нужно, до сих пор остается непонятным. Думаю, он, как предусмотрительный политик, таким образом нейтрализовал оппозицию из секретарей областных и краевых комитетов партии, которые фактически лишались властных полномочий в своих регионах, заверив их, что они обязательно будут избраны председателями Советов.

Но когда в 1989 году прошли первые выборы и значительная часть секретарей партийных комитетов вообще не попала в состав выборных органов, Горбачев выступил с другим тезисом: «Народ сам знает, кого избирать, и провалились те люди, которые этого заслужили». Но об этом — чуть позже...

Второй запоминающийся момент XIX партконференции — выступление Ельцина, ответ Егора Кузьмича Лигачева и все, что было с этим связано.

Резолюция принималась в последний день работы конференции, а накануне вечером мне позвонил домой второй секретарь горкома партии Юрий Алексеевич Беляков и сказал, что предполагается выступление Ельцина, и он, Беляков, просит меня выступить против него.

Я ответил, что согласен выступить и среди прочего — мотивировать, почему московская городская партийная организация не поддержала Ельцина, но при одном условии: буду говорить не только об этом.

Конференция завершает свою работу, посвящена проблемам реорганизации Советов, а ни один работник Советов ни одного

уровня не высказал свою точку зрения по поводу характера будущих Советов, их структуры.

Поэтому мое выступление будет состоять из двух частей. Первая — по поводу Советов, которые у нас, как английская королева, властвуют, но не правят. Это основная проблема, которую надо будет разрешать. По моему мнению, совмещение должностей неприемлемо, потому что, если возглавлять Совет станет секретарь парткома, то Советы опять не будут иметь самостоятельности. А вторая часть — по Ельцину.

На следующий день выступил Ельцин. Он оправдывался, говорил, что виноват перед партией поспешностью своих выступлений, просил реабилитировать его политически и дать возможность заниматься политической деятельностью, допустить к политической работе.

Я до сих пор считаю, что, поскольку его все-таки избрали делегатом от Карелии и, учитывая его выступление, нужно было бы пойти ему навстречу, принять соответствующее решение. Может быть, многое в нашей стране пошло бы совершенно по другому пути.

Но поступили иначе. Видимо, говорили не только со мной, потому что пригласили на трибуну первого секретаря Пролетарского райкома партии Лукина и директора завода им. Орджоникидзе Чикирева.

Лукин выступил очень эмоционально, но совсем не доказательно. Чикирев вообще косноязычен — у него плохая речь. Из «пэтэушника» он вырос в отличного директора завода, прекрасно решал производственные и социальные вопросы, но на его ораторские способности это отнюдь не повлияло.

Чикирев говорил, что Ельцину надо отказать в его просьбе, обвинял Бориса Николаевича в доведении до самоубийства секретаря Киевского райкома партии (а это было действительно так), в попытке самоубийства секретаря Перовского райкома партии Аверченко.

Присутствующие неоднозначно восприняли эти выступления: поделились поровну — кто-то поддержал, кто-то отнесся резко отрицательно.

Особенно негативно зал воспринял выступление Лигачева, его знаменитую фразу «Борис, ты не прав!». А ведь Егору Кузьмичу можно было основательно подготовиться, тем более что его выступление состоялось после перерыва. Но он этим не воспользовался и выступил крайне плохо. Так можно говорить только в товарищеском кругу, но не на партийной конференции. Надо было выступить более обоснованно и без личностных обращений.

Однако на этой конференции Ельцин не получил политическую поддержку. И если говорить о дальнейшем его движении как национального, народного лидера, то надо помнить: толчком этому послужила XIX партконференция, где, во-первых, не пошли навстречу его просьбе о политической реабилитации и возвращении к политической работе непосредственно в рамках партии, и, во-вторых, были такие крайне неудачные выступления.

XIX партконференция по двум направлениям сыграла решающую, роковую роль и предопределила процессы, которые пошли у нас в обществе.

Первое: в вопросе реорганизации Советов непосредственно, без определяющей роли партии, а с попыткой навязать влияние партии на Советы совершенно неприемлемым образом (совмещение постов). Но, повторяю: уверен, это был тактический ход Горбачева, чтобы снять напряжение секретарей областных комитетов партии с тем, чтобы они поддержали реорганизацию Советской власти.

И второе: абсолютно неправильное поведение по отношению к Ельцину. Руководство партии в лице

Горбачева, Зайкова, который готовил этот вопрос и по чьему поручению мне звонил Беляков, создали Ельцину ореол мученика, борца за народное дело. А в России любят «битых».

...Мне на конференции выступить не дали. Я этого не ожидал, тем более что был звонок Белякова мне домой. Думаю, слово не дали потому, что я поставил условием выступить еще и по вопросу о реорганизации Советов...

Теперь об Учредительном съезде КП РСФСР и XXVIII съезде партии. Ранее у нас было принято давать определение съездам: съезды коллективизации, индустриализации, победителей. XXVIII съезд я бы назвал «съездом начала краха». В том, что ситуация кризисная, я окончательно убедился после этого съезда.

Но вначале надо сказать об организационном Учредительном съезде Компартии Российской Федерации.

По вопросу создания КП РСФСР шла жесткая борьба между ее сторонниками и противниками. Я был и остаюсь противником.

Создание КП Российской Федерации — это конец КПСС, поскольку из единой организации Коммунистическая партия Советского Союза становится конфедерацией компартий союзных республик. И таким образом централизованное влияние прекращается. Я уже тогда понимал: то, что связывало Союз в единый, живой организм, будет разорвано, так как руководители компартий под влиянием националистических настроений, стремясь поправить ошибки Центра, обращая основное внимание

на местнические интересы, будут все больше и больше занимать националистическую позицию.

Уже тогда пошел разговор о создании своих программ и уставов КП союзных республик — шло разрушение единой партийной структуры, а значит и разрушение единого союзного государства. Я об этом говорил, спорил, доказывал. К сожалению, безрезультатно.

Были и голоса «за» (и их немало), которые, выступая за создание КП РСФСР, мотивировали это тем, что Российская Федерация оказалась в самом сложном положении. Она не имеет своей партийной организации, что ставит ее в подчиненное положение.

Но тут выдвигался противовес других: если в России будет партийная организация, а это 9 млн. коммунистов, то есть более половины численности КПСС, тогда явно на любом съезде российская компартия станет играть главную роль.

Но, возражали им, надо будет придумать какие- то пропорции для выборов, какую-то систему для голосования, чтобы и маленькая компартия имела свой голос. И эта проблема, уверяли они, решаемая.

В общем, шла борьба. Основным доводом было следующее: надо поднимать престиж России, защищать национальные интересы страны, укреплять государственность, а для этого нужна российская коммунистическая партия...

КП РСФСР была создана. Но нет худа без добра. При всех издержках, ее образование сослужило службу, которую не предполагали ее создатели: после событий августа 1991 года, когда на Конституционном суде ей удалось дистанцироваться от КПСС, КПРФ легализировали в масштабах всей России.

...Горбачев вначале был решительно против создания КП РСФСР. Может быть, это был ход с его стороны, он часто так делал. Зная уже негативное отношение к себе, выступал против чего-то очень рьяно. Когда же цель была достигнута — все оппоненты выступали против него, — он вдруг резко менял свою позицию на 180 градусов. Так было и здесь. Выступая категорически против создания КПРФ, он вдруг неожиданно дал согласие на ее создание...

Было создано Оргбюро ЦК КПСС по РСФСР. В него включили и меня. Затем создали комиссию по подготовке Учредительного съезда и разработке программных документов этого съезда. Подготовка пошла полным ходом.

Чем этот съезд интересен? Делегаты, избранные на Учредительный съезд Компартии РСФСР, автоматически становились и делегатами XXVI11 съезда партии. Поработав на

съезде КП РСФСР, они потом остались в том же зале, только перешли в новое качество — стали делегатами XXVIII съезда КПСС. Это в основном определило атмосферу съезда партии, потому что на Учредительный XXVIII съезд избирали в основном людей, настроенных против политики Горбачева, противника создания КПРФ.

Выборы проходили по партийным округам. Количество делегатов от того или иного региона определялось пропорционально численности партийных организаций региона. Партийная организация делилась на округа соответственно численности делегатов на съезд. И в этих округах первичными партийными организациями обсуждались и выдвигались кандидатуры. Потом тайным голосованием в первичных организациях избирались делегаты съезда; списки согласовывались на городской конференции. Довольно сложная процедура.

У меня в партийном округе было 25 организаций, четыре претендента — секретари первичных парторганизаций. Приходилось бывать и выступать во всех этих организациях. Я прошел в первичных организациях своего Куйбышевского района, хотя были и непростые вопросы, и голоса «против».

Горбачеву очень долго подбирали округ, который должен был быть таким, чтобы он прошел единогласно. Выбрали Фрунзенский район.

Учредительный съезд КП РСФСР начал свою работу 19 июня 1990 года.

В его повестке стояли вопросы о текущем моменте и создании КП РСФСР, о Платформе ЦК КПСС к XXVIII съезду партии, Программе и Уставе КПСС.

20 июня делегаты, проголосовав за создание КП РСФСР, стали работать как участники Учредительного съезда.

На съезде я был избран председателем редакционной комиссии. Это наложило на меня значительную ответственность, поскольку основная борьба развертывается вокруг принимающихся на съезде документов. К сожалению, работа в комиссии оторвала меня от своей партийной организации, и я не смог заниматься своей делегацией, направлять ее работу.

...После XXVIII съезда, где я был избран членом ЦК КПСС, я практически всегда входил в редакционную комиссию (кроме одного пленума, когда Горбачев на меня разозлился). Видимо, учитывалось, что я всегда умел находить компромиссные решения, формулировки, которые устраивали различные группы. Недовольство Горбачева было вызвано моим интервью канадской газете, в котором я резко критиковал действия правительства

Павлова и самого Горбачева, утверждал, что если такая ситуация в стране продлится, то встанет вопрос о смене руководства.

Работать на Учредительном съезде пришлось очень тяжело. В конце концов, я пришел к выводу, что документы, которые были подготовлены, принять на съезде просто не удастся, поскольку делегаты съезда не принимали участия в их подготовке и такой организации, как КП РСФСР, до этого не существовало.

Поэтому было принято решение: программный документ на съезде не принимать, а создать комиссию из числа делегатов для разработки Программы. На текущий момент решили ограничиться провозглашением учреждения Компартии Российской Федерации.

Таким образом, Учредительный съезд на этом этапе свою работу не завершил. И не только потому, что съезд не принял программных документов, но и потому, что до конца не был сформирован и ЦК КП РСФСР. Состав ЦК был укомплектован приблизительно на 70%.

Случилось это потому, что целый ряд организаций, в том числе и Московская партийная организация, не сочли возможным без обсуждения в первичных организациях делегировать кого-либо в состав ЦК, считая, что в нынешней ситуации это вызвало бы неудовлетворение первичных парторганизаций. Нас активно поддержали ленинградские коммунисты.

Было принято решение, что тем организациям, которые не были готовы делегировать в ЦК своих представителей, устроить у себя обсуждение, а затем на втором этапе съезда, осенью 1990 года, провести довыборы в ЦК.

Результаты съезда восприняли в Московской партийной организации негативно. И в немалой степени потому, что первым секретарем был избран Иван Кузьмич Полозков.

То был хитрый ход, который не раз использовал Горбачев. На моей памяти, он, по крайней мере, четыре раза использовал Полозкова как марионетку.

Первый раз, когда Полозков бежал через весь зал на съезде Советов и кричал про кооператив АНТ. Тогда Николая Ивановича Рыжкова назвали «плачущим большевиком» — Николай Иванович совершенно растерялся, так как все по этой операции было согласовано с Горбачевым. Ведь речь шла о продуманной акции, в результате которой можно было решить многие вопросы обеспечения населения товарами народного потребления! И вдруг главу правительства так подставляют! А Полозков «провернул свою акцию» при помощи майора КГБ, обнаружившего в Новороссийском порту девять танков под брезентом, готовых к отправке.

Второй случай произошел на этом Учредительном съезде, вернее, началось это на совещании представителей парторганизаций, которое собралось перед съездом для обсуждения кандидатур на первого секретаря КП РСФСР. Горбачев назвал кандидатуры, которые он предлагал (без согласования даже с Политбюро ЦК КПСС), — Купцова Валентина Александровича, Шенина Олега Семеновича и Лобова Олега Ивановича, не назвав Полозкова Ивана Кузьмича.

Купцов сразу же взял самоотвод. Почему он так решил, не знаю. Когда было обсуждение, его все- таки выдвинули, и за него проголосовало 400 коммунистов. На мой взгляд, это была самая хорошая кандидатура.

Против Шенина выступила представитель Красноярской делегации и дала ему отрицательную характеристику, подчеркнув, что это мнение всей делегации. В результате за него проголосовало всего около 100 человек.

По Лобову была негативная точка зрения в связи с тем, что он в то время был вторым секретарем ЦК Армении; знали, что при Ельцине он работал председателем облисполкома Екатеринбурга, потом стал вторым и первым секретарем Свердловской партийной организации. К тому же, на съезде Лобов был не делегатом, а гостем. Коммунисты посчитали, что если отдадут ему голоса, это будет как бы смычка партии с Ельциным.

И тут из зала прозвучала фамилия Полозкова. Иван Кузьмич сказал, что прекрасно понимает, что предложенные кандидатуры обсуждались в Политбюро. Генеральный секретарь партии также высказал свою точку зрения, не назвав его, Полозкова, в числе кандидатов, поэтому он свою кандидатуру снимает и баллотироваться не станет. И хотя его убеждали остаться в списке для тайного голосования, Иван Кузьмич решительно снял свою кандидатуру.

В списке остались Купцов, Лобов, Шенин и еще кто-то — не помню.

Об этом стало известно всем участникам съезда, потому что каждый присутствовавший на этом обсуждении рассказал в своих делегациях, как проходило совещание представителей.

Когда на следующий день зачитали список, утвержденный совещанием представителей, из зала снова прозвучала фамилия Полозкова. Иван Кузьмич повторил то, что говорил накануне (его об этом просили делегаты), и зал, видя, что Горбачев вроде бы против него, включил Ивана Кузьмича в список для тайного голосования. При этом Полозков свою кандидатуру уже не снимал. А Купцов снял, хотя 400 человек проголосовали, чтобы оставить его в списке для тайного голосования. Сняли и

кандидатуру Шенина.

Таким образом, в списке остались Полозков и Лобов. За кого голосовать? Конечно, в такой ситуации прошел Полозков Иван Кузьмич, получивший на несколько сот голосов больше соперника. И он стал первым секретарем КП РСФСР...

Это был второй случай, который я наблюдал в игре «Горбачев — Полозков».

Третий — когда Горбачев предложил И.К. По- лозкову вечером накануне голосования в Верховном Совете РСФСР выставить свою кандидатуру против Ельцина (Власов свою кандидатуру снял, тогда появился Полозков).

Иван Кузьмич сам ночью писал свое выступление, сам к нему готовился, и, может быть, не сними Власов свою кандидатуру или баллотировался бы кто-то другой, не Полозков, — Ельцин бы не прошел. Как бы плохо ни относились к Полозкову, к Ельцину — не лучше: ведь он выиграл с перевесом всего в четыре голоса!

Потом Горбачев мне сказал: «Знаешь, это голосование подтасовано». Я убежден, что так оно и было. Это электронное голосование проводил бывший начальник Вычислительного центра в Верховном Совете России. Уже после 1991 года он был освобожден за различные махинации, связанные с продажей электронной техники. Некоторое время его продержали заместителем председателя Москомимущества, потом и оттуда убрали. Личность достаточно одиозная, скользкая. Я с ним сталкивался, когда уже работал в коммерческой структуре, и примерно представляю, какой это человек.

И, наконец, четвертый случай, когда на моих глазах Горбачев использовал Полозкова как марионетку. Это произошло на Внеочередном III съезде народных депутатов России, когда попытались освободить Ельцина от обязанностей Председателя Верховного Совета. Все было подготовлено.

Вдруг совершенно неожиданно для всех Полозков встал и сказал: «Ребята, давайте жить мирно, не надо голосовать против Ельцина». Это ошарашило и делегатов, и руководителей делегаций, потому что договаривались о другом. И Ельцин остался Председателем Верховного Совета РСФСР...

...Никогда я не был высокого мнения о Полозкове, знал его способности и возможности — он курировал Москву в качестве заведующего сектором ЦК, и мне приходилось с ним сталкиваться. Так что я представлял себе его уровень как партийного работника.

Избрание Полозкова не давало уверенности в том, что партия будет действовать соответственно сложившимся условиям. Так и случилось.

Многие партийные организации отказались менять свои названия. Меня, например, резко критиковали за то, что у нас осталось название: Московский городской комитет КПСС. Настаивали, чтобы назывался «Московский городской комитет КПРФ».

Но мы не изменили название ни одного районного комитета партии. В ряде организаций даже обсуждался вопрос о создании московской организации. Горбачев над этим смеялся: вот, мол, Прокофьев создаст Московскую партию внутри КПСС. В каждой шутке есть доля шутки, но проводить свою линию мы, естественно, собирались.

Мои отношения с Полозковым сразу же обострились. В тот день, когда его избрали, газетчики и телевизионщики брали у меня интервью. Я сказал, что создание Компартии Российской Федерации состоялось, и объяснил, почему я был против этого. Но если большинство настаивает, — сказал я, — значит надо создавать. Правда, желательно было, чтобы секретарем избрали менее одиозную фигуру, чем Иван Кузьмич Полозков.

Это интервью вызвало возмущение не только Полозкова, но и многих ортодоксальных коммунистов. Меня обвинили в отсутствии чувства партийного товарищества, в отсутствии поддержки...

Однако обратимся к XXVIII съезду КПСС — последнему съезду Коммунистической партии Советского Союза.

Делегаты Учредительного съезда, как я уже писал, «перетекли» с российского съезда на этот. Соответствующие были и настроения.

Так что когда я, выступая, сказал о негативном отношении московской организации к созданию Компартии РСФСР, меня зашикали. Я трижды начинал свое выступление, и трижды в зале раздавались шум, свист. Тем не менее я начинал сначала и, в конце концов, завладел вниманием зала, а когда окончил выступление, мне даже аплодировали. Это был не шквал оваций, но все-таки. Уже никакого шиканья или чего-то подобного не было.

Выступая, я говорил, что реакция зала вызвана тем, что политические процессы в Москве развиваются быстрее, чем на периферии, но нынешняя ситуация в партийных организациях столицы, говорил я, максимум через год, а то и раньше обязательно придет в областные организации. «И вам там придется, — говорил я на съезде, — столкнуться с теми же процессами, с которыми сталкиваемся мы сейчас. А ситуация состоит в следующем...» И я начал рассказывать о положении дел в Москве, о работе МГК, о своей позиции и об отношении к

Центральному Комитету КПСС.

На XXVIII съезде Генеральным секретарем ЦК остался М. С. Горбачев. Его заместителем был избран В. А. Ивашко.

На съезде были приняты только некоторые изменения в Программе партии и новый Устав. Я участвовал в разработке Устава на первоначальном этапе, еще до съезда партии. Добился того, что в нем остался принцип демократического централизма, а из положения о первичных и региональных партийных организациях слово «федерация» было убрано — КПСС, судя по тексту Устава, оставалась единой партией.

Хотя и поздно, но были приняты новые обязанности члена партии: из Устава убрали тезис об обязательной борьбе с религиозными предрассудками, мотивируя тем, что жестко ограничивать свободу совести и преследовать за религиозные убеждения не годится. В этом вопросе ранее допустили серьезную ошибку: насаждение новой веры при уничтожении старой к добру привести не могло. А по существу насаждали новую веру — в коммунизм как светлое будущее человечества, борясь со старой, православной верой, которая имела более глубокие корни и тысячелетнюю историю и постулаты которой учили добру.

На этом форуме ни один документ не был принят с первого захода или с заранее подготовленными поправками к нему.

Во время работы съезда состоялись две интересные встречи. Одну из них (я на ней не присутствовал) — с молодыми коммунистами-делегатами съезда — организовал Александр Николаевич Яковлев. Он тогда сказал на встрече неосторожную фразу: «Я сейчас пишу книгу воспоминаний, и там есть такие мысли, за которые, если я их сейчас опубликую, меня на осине повесят».

Когда на следующий день на съезде он отчитывался о своей работе как члена Политбюро (а тогда ввели отчеты членов ПБ о своей деятельности), его перебили. На балконе встал громила-военный и на весь зал закричал: «Пускай Яковлев скажет, о чем он вчера беседовал с молодым коммунистами и за что его надо на осине повесить».

Этим военным был генерал Александр Иванович Лебедь. Он присутствовал на съезде то ли делегатом от армии, то ли в качестве гостя, так как сидел наверху, на балконе. Оттуда он без всякого микрофона и задал свой вопрос.

И Яковлеву пришлось немного повертеться на трибуне. Но он, как всегда, вывернулся.

Вторая интересная встреча, в которой я уже принимал участие, была встреча Горбачева с секретарями райкомов и горкомов партии. Это они на ней настояли, а их среди делегатов

было большинство.

Собрались в зале заседаний Верховного Совета. Узкий зал (потом его перестроили), вмещавший около трех тысяч человек, был заполнен почти до отказа.

Горбачев шел на встречу очень уверенно.Первой выступила секретарь Брестского горкома партии. Она стала задавать неудобные, неуютные Горбачеву вопросы: как мы можем объяснить жителям причины резкого падения жизненного уровня? Почему партия не оппонирует, не выступает в средствах массовой информации против так называемых демократов, которые ратуют за развал Союза, называют СССР, вслед за американцами, «империей зла», выступают против основ Советской власти? Как мы можем все это объяснить?

Горбачев сразу завелся. Как только она села, начал кричать: Вы не понимаете идущих процессов перестройки!.. И далее — в таком же духе.

Тогда поднялся кто-то из секретарей и решительно заявил: «Михаил Сергеевич, сложилась такая ситуация, что или Вы сейчас уйдете, или мы все покинем этот зал. Вы что, не умеете по-другому? Давайте начнем сначала, как будто Вашей реплики на выступление секретаря Брестского горкома не было».

Горбачев, видимо, одумался. Минут пятнадцать он молол какую-то чепуху, приходил в себя. Зал отнесся к этому с пониманием. Потом пошли вопросы и ответы.

Но натянутость, напряженность сохранились. Чувствовались не просто непонимание, неприятие Горбачевым зала, а я бы даже сказал — его ненависть ко всем присутствующим, ко всему активу, который, чего таить, его не поддерживал.

И я отчетливо тогда понял, что ни актив, ни сама партия Михаилу Сергеевичу Горбачеву не нужны. Они мешают ему в реализации тех задач, которые он перед собой поставил.

XXVIII съезд партии вслед за XIX партконференцией КПСС окончательно покончил с руководящей ролью партии в нашем обществе.

Политбюро было избрано по принципу Совета секретарей, и в него не вошли руководители государства, которые действительно решают важнейшие вопросы жизни страны.

XXVIII съезд — последний съезд моей партии.

...А Коммунистическая партия РСФСР к августу 1991 года не сложилась. Можно лишь предполагать, что при определенных перестановках она из конфронтирующей партии могла бы стать конструктивной оппозицией. Но август перекрыл многие вопросы, которые можно было решить раньше...

...Но остановимся. Повторяю, я не ставил себе задачу

рассказать все о партийных форумах, обо всех проблемах, решениях. В основном речь о моих личных впечатлениях.

Нам не дано предугадать

Приближалось событие, которое потом обозначится чмокающей аббревиатурой — ГКЧП. Уже экономика наша пришла в невиданный упадок, разваливалась партия. Появилась тьма-тьмущая разных деятелей типа Тюлькина и провокаторов вроде Анпилова (только не ассоциировать с Азефом и Талоном — кишка тонка). По залу заседаний Верховного Совета СССР бродили инфернальные с виду личности, а в Моссовете лишь на официальном учете в психдиспансере состояли восемнадцать депутатов. Все больше кипятился Хасбулатов. И пошел в большой распыл Горбачев. Надо было принимать решительные меры.

Если бы мне пришлось отвечать на воображаемые вопросы анкеты, это выглядело бы примерно так: «готовил», «не участвовал». Пришла и моя пора рассказать, как было дело. Я и от следователя ничего не скрывал, но сегодня — поподробнее.

Накануне даты, когда исполнялось 50 лет с начала Великой Отечественной войны, секретарь Смоленского горкома партии Атрощенко предложил собрать совещание первых секретарей горкомов КПСС городов-героев.

16 апреля 1991 года мы собрались в Смоленске — это была его инициатива. Там решили совещание не распускать, а собираться регулярно.

Я бы не сказал, что это была групповщина, но в принципе какая-то оппозиция Горбачеву начала формироваться. И он об этом знал. В Смоленске мы подготовили документ, в котором обратились к Президенту с предложением объявить день начала Великой Отечественной войны — 22 июня — Днем Памяти.

На совещании речь шла о том, что в это сложное время партийные комитеты городов-героев, которые пережили такую страшную годину и так себя геройски проявили, обращаются ко всем коммунистам, населению страны с призывом к сплочению, обьединению.

После совещания состоялось собрание актива Смоленской партийной организации, меня там попросили выступить. Я минут 30 выступал и минут 40—45 отвечал на вопросы. Все это было опубликовано в газете, и по просьбе смолян дважды транслировалось по местному радиовещанию.

Таким же большим было выступление ленинградского секретаря горкома по идеологии Юрия Белова. Остальные выступали покороче — время поджимало, да и основное внимание уделялось Москве и Ленинграду.

Это было мое первое выступление вне Москвы. Коллектив

незнакомый, ситуация острая. Я говорил, что перестройка сама по себе нужна, но вольно или невольно допущены ошибки при ее проведении.

Первая ошибка — недооценена роль партии. Коммунистическая партия в Советском Союзе была не только политической организацией, но и структурой управления государством. Она проникала в мельчайшие ячейки общества и обеспечивала выполнение решений руководящих органов, в том числе и правительства.

После отмены шестой статьи Конституции одновременно не было создано новой структуры управления обществом, что привело к анархии и развалу, нигилизму в отношении законов. Достаточно вспомнить слова Горбачева, что «все, что не запрещено законом, разрешено», то есть не была правильно оценена роль партии не просто как политической организации, а как структуры управления государством.

Второе. Проводившиеся реформы не были полноценными. Указы, законы, принимаемые правительством, совместные постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР привели не к укреплению, а к разрушению нашей экономики. Достаточно сказать, что в 1991 году в результате того, что перекачивались безналичные деньги в наличные, особый вред нанесли два закона: о соцпредприятии и кооперации.

Что явилось следствием принятия этих законов? На 13 копеек производства товаров — 1 рубль зарплаты. Вот причина инфляции, причина пустых полок 1991 —1992 годов. Нужны были экономические реформы, но не те, которые проводились.

И третий недостаток — это увод партии от решения политических задач в стране начиная с 19 партконференции, когда партия была по существу устранена от решения этих вопросов. Даже не устранена. С ней поступили весьма хитро. Поскольку в стране не было оппозиционной партии, Горбачев провозгласил, что оппозицией должны стать средства массовой информации!

И стала партия организацией, которая все видит, все слышит, все понимает, а сказать ничего не может, поскольку ее лишили голоса. До народа она дойти просто не могла. Ни электронные СМИ, ни печать, за исключением небольшого количества газет, не были ей тогда подконтрольны.

Вот эти ошибки я и изложил перед активом.

В то же время я внес конкретные предложения по выходу из экономического кризиса, решению социальных проблем и непосредственной работе партии. В заключение сказал о задачах, которые стоят перед совещанием секретарей партийных

организаций городов-героев.

Потом были вопросы, и среди них такой: а есть ли у нас замена Горбачеву? Я ответил: «Что вы знали о Горбачеве, когда выбирали его Генеральным секретарем? Только то, что он самый молодой и ведет сельское хозяйство. Знали еще что-нибудь? Нет, не знали. Так и сейчас. Наверняка есть люди, которые в случае необходимости сменят Горбачева. Такого не бывает, чтобы на данное место имелась в нашей стране только одна личность».

Потом это будет называться «смоленским выступлением» и при определенных поворотах становиться то моим обвинением, то оправданием. «Нам не дано предугадать, как наше слово отзовется...»

В Москву я вернулся вечером. А уже утром мне позвонил Олег Семенович Шенин, человек насмешливый и неоднозначный, и, хохотнув, спросил: «Юра!

Чего ты там, в Смоленске, наговорил? Все бегают, суетятся. Так что держись!»

Горбачеву, конечно, сразу же донесли. 22 апреля во время торжественного заседания, посвященного дню рождения В. И. Ленина, мы сидели в Президиуме. Я смотрел в одну сторону, он — в другую. В зале ситуацию заметили, и Горбачев это почувствовал. Спрашивает «Ты на концерт остаешься?» — «Да нет, домой пойду». — «Давай останемся, посмотрим».

Взял под руку, посадил рядом с собой, чтобы все это видели. Он часто проделывал подобное и с другими: когда были какие-то стычки, «приближал» к себе. И у Яковлева такая же манера была, чтоб показать несуществующую «близость».

Я стал рассказывать ему о работе Комиссии по подготовке введения чрезвычайного положения, которую он создал в марте.

Горбачев меня перебил: «Я знаю, чем вы тут занимаетесь. Ты лучше скажи, что ты там, в Смоленске наговорил?» Я ответил: «Михаил Сергеевич, вот Вам бы задали вопрос, есть ли Вам замена? Вы как бы ответили? Что нет такой замены?»

Он смотрит на меня: «Но это же не меня, а тебя спрашивали». Я ему: «Ну, я ответил, что такого не бывает, чтобы не было замены. Я же не говорил, что сразу Вас завтра надо менять, но что есть достойные люди — страна огромная, талантов много, в том числе и в партийных органах. Я считаю, что я правильно ответил. Я по-другому не мог ответить». Он поморщился: «Ладно, ладно. Но ты много на себя берешь».

На этом разговор и закончился. Но конфликт остался.

На апрельском пленуме ЦК КПСС 1991 года впервые открыто была высказана критика в адрес Генерального секретаря. Тогда выступил машинист- железнодорожник из Сибирского региона.

Он сравнил Горбачева с машинистом, который ведет состав на красный цвет и не думает его останавливать. Многие выступающие его поддержали.

После этого Горбачев заявил, что подает в отставку. Вопрос поставили на обсуждение, но был объявлен перерыв. Далее заседало Политбюро под руководством Ивашко, и тот внес предложение: вопрос об отставке Горбачева на Пленум не выносить. К сожалению, большинство членов Политбюро проголосовало за это решение. Горбачев снял свое предложение, и пленум не стал его обсуждать.

Михаил Сергеевич дважды такие номера выкидывал: «Вы мне не верите? Я уйду!» Говорилось это, конечно, несерьезно, так как он все делал, чтобы остаться у власти. Он понимал, что, если не будет Генеральным секретарем, не быть ему и президентом.

...Вторая встреча первых секретарей горкомов партии городов-героев состоялась в Москве в июле 1991 года.

19 июля 1991 года, за неделю до открытия пленума ЦК КПСС, появилось «Обращение секретарей комитетов КПСС городов-героев Союза ССР к коммунистам страны». Оно было опубликовано в «Московской правде».

«Совещание секретарей, — говорилось в Обращении, — выражая мнение многих парторганизаций, высказывается за созыв внеочередного съезда не позднее середины ноября текущего года. По нашему убеждению, съезд должен принять Программу КПСС, внести подсказанные практикой изменения в Устав, провести кадровое обновление руководящих органов партии. Учитывая сжатые временные рамки созыва съезда и его большую значимость, полагали бы возможным предложить избрать его делегатов районными, городскими, областными конференциями на основе выдвижения и обсуждения кандидатур в первичных парторганизациях. Считаем, что июльский Пленум ЦК КПСС должен проявить взвешенный подход к оценке ситуации в партии и ввиду отсутствия в настоящее время программного документа, то есть необходимой основы для определения принципиальных позиций, не допускать сталкивания различных ее течений, размежевания и раскола коммунистов по идейным соображениям».

Осенью мы должны были собраться в Одессе. Тревога за судьбу страны объединила нас...

В июле же мы проводили пленум Московского горкома партии и пригласили принять участие в его заседании первых секретарей горкомов городов- героев. Присутствовали также представители Сибири, пришли на пленум и первые секретари трех или четырех областных комитетов.

Пленум заявил, что мы поддерживаем созыв в ноябре текущего года внеочередного съезда партии и предупреждаем, что поставим на этом съезде вопрос о смене руководства КПСС, поскольку дело идет к распаду партии и развалу страны.

Перед последним Июльским же пленумом ЦК КПСС (он проходил 25—26 июля 1991 года) состоялось заседание Политбюро, на котором Горбачев роздал текст доклада, который он должен был зачитать на пленуме. В нем содержалась резкая критика в адрес Московского горкома партии и меня — за состоявшийся накануне пленум МГК партии.

В ответ на мою защиту выступил первый секретарь ЦК Компартии Украины Станислав Гуренко и заявил: «Михаил Сергеевич, я внимательно прочитал доклад Прокофьева на пленуме МГК, и он там все правильно говорит. Критиковать Московский горком партии за то, что он высказывает свою позицию, неверно. Мы тоже считаем, что надо досрочно провести съезд партии, что нынешний состав ЦК не обеспечивает должного руководства».

Когда в нашу поддержку выступили еще два человека, Горбачев изменил позицию, и все жесткие слова из своего доклада на пленуме выбросил. Оставил только маленькую фразу о том, что Московский городской комитет КПСС своими действиями хоть и не вносит раскола, а каким-то образом дискредитирует деятельность руководства партии.

Поэтому я, когда выступал на пленуме ЦК, сказал, что в первоначальном варианте доклада Михаила Сергеевича был несколько иной текст, в котором Московский городской комитет партии подвергся резкой критике. Но, несмотря на всякие купюры, мы все заявляем, что все равно стоим за то, чтобы провести досрочный съезд, и считаем, что надо ставить вопрос о руководстве партии.

Этот последний пленум ЦК КПСС мне особенно запомнился. Большинство уже понимало, что дело идет к развалу, краху общественно-политического строя страны. Все громче звучало требование о проведении осенью 1991 года внеочередного, XXIX съезда партии, смене руководства и, в первую очередь, Горбачева. По моей информации, Горбачев хотел воспользоваться этой ситуацией следующим образом: если на пленуме прозвучит требование о его немедленной отставке и вопрос будет вынесен на голосование, то около сотни членов ЦК должны будут покинуть заседание и таким образом сначала расколоть ЦК, а затем и партию, проведя свой, внеочередной, съезд.

Понимая это, члены ЦК, не поддерживающие Горбачева, не стали ставить на голосование вопрос о его немедленной отставке.

Позволю себе привести часть моего выступления.

«...Самые жаркие дебаты вчера на пленуме горкома партии разгорелись вокруг вопроса о нынешнем руководстве КПСС. Прямо выдвигалось требование об отставке Генерального секретаря. Такая постановка вопроса обосновывалась тяжелым ходом перестройки, усиливающимися тяготами жизни, не понятной многим политики балансирования между различными политическими силами, все большим разрывом между первичными организациями и руководством партии.

Это все не козни партаппарата, как некоторые пытаются представить. Это, к сожалению, настроения достаточно широких партийных масс. Только в наш городской комитет в последнее время поступило около трехсот писем, различных резолюций с выражением недоверия ЦК, Политбюро, Генеральному секретарю. Даже члены горкома партии, большинство из которых — представители коллективов, выражали свое беспокойство.

Вы, Михаил Сергеевич, должны понять, что люди ждут не только решительных заявлений — их было достаточно, но, прежде всего, энергичных, последовательных действий во всех сферах жизни. Только так можно вернуть доверие коммунистов и поддержку народа. Коммунисты вправе поставить вопрос: имеет ли право нынешнее политическое руководство возглавлять партию».

Так же выступали многие другие. Повода для раскола ЦК, ухода с заседания определенной его части не было подано.

Пленум принял решение о проведении внеочередного XXIX съезда КПСС в октябре — ноябре 1991 года.

В августе 1991 года на Пленуме ЦК КП Российской Федерации было мое последнее публичное выступление. Я говорил о необходимости Компартии Российской Федерации иметь свой стержень, поскольку и факт ее образования, и состав ее руководства были неоднозначно восприняты в обществе и среди коммунистов. Компартия Российской Федерации, занимаясь только критикой Горбачева, политики руководства КПСС и правительства, не выдвинула своей собственной конкретной Программы, которая бы привлекла народ. Новая программа требовала новых идей, а их не было.

Горбачев на этом Пленуме не присутствовал, но я уверен, что у него была трансляция в кабинете и он слушал весь ход пленума.

...Горбачев мне отомстил очень мелко. Уже став президентом после августовских событий, он поручил своему управляющему делами дать указание Четвертому главному управлению Министерства здравоохранения СССР снять с учета меня и мою семью. Точно знаю, что это было сделано по его личному

указанию. Больше он ничего не мог сделать, поскольку следствие по делу ГКЧП доказало мою невиновность.

Спустя шесть лет в «Независимой газете» была опубликована статья Горбачева в связи с пятилетием Беловежского сговора. Там он пытался всячески обелить себя, выступал как защитник единства страны и писал, что в то время, когда он всячески стремился обеспечить сохранение Союза, люди типа Прокофьева ездили по стране, выступали с целью вызвать неудовольствие его, Горбачева, действиями.

К сожалению, я по стране не ездил, а был только один раз в Смоленске, где действительно выступал перед партактивом. Это-то выступление видимо глубоко задело Горбачева, если спустя шесть лет он об этом вспомнил...

Иллюзии и разочарования

Подготовка августовских событий 1991 года не была секретом. Знали об этом и Горбачев, и Ельцин. Однако некоторый элемент таинственности присутствовал.

Постараюсь хронологически изложить события и свои ощущения. Прошло почти 15 лет, появилось множество мемуаров. В некоторых авторы излагают свое видение, свою точку зрения. А иногда проскальзывают подтасовки, иногда и полное вранье.

События того времени — история нашей страны. История, как известно, не терпит сослагательного наклонения, но быть точной — должна. И я, как очевидец, как участник, имею право на уточнения. И это, мне кажется, моя обязанность.

Все, кто высказывают свои точки зрения по поводу ГКЧП, правы в главном: нельзя рассматривать ГКЧП только как узко направленное мероприятие. И, прежде всего, нельзя рассматривать членов ГКЧП как единое целое: это были разные люди, с разными политическими установками.

Я бы хотел начать разговор о ГКЧП с предыстории.

В марте 1991 года мы вместе с Олегом Шениным были у Ивашко по нашим внутрипартийным делам. Раздался звонок Горбачева. Он спросил у Ивашко, что тот делает. Узнав, кто у него находится, Горбачев сказал: «Бери Олега и Прокофьева и приезжайте ко мне в Кремль».

В Кремле мы прошли к Горбачеву в так называемую Ореховую комнату, которая располагалась между залом заседаний Политбюро и кабинетом Горбачева. Там уже сидели за круглым столом Лукьянов, Язов, Пуго, Догужиев (вместо Павлова — тот тогда болел). Из секретарей я заметил Семенову, Строева. Присутствовали Янаев и Болдин. Состав был весьма необычный. Это и не Политбюро и не Секретарит, а сбор руководителей государства и партии.

Шел разговор о положении в стране. Положение было тяжелым. В марте бастовали шахтеры, останавливались в связи с этим металлургические заводы, и потери металлургического производства составляли примерно столько же, сколько страна потеряла в годы Великой Отечественной войны. Производство металла сократилось на 30%. Я сам накануне побывал на Люблинском литейно-механическом заводе. Предприятие, которое раньше из-за тяжелых условий труда, трехсменной работы испытывало недостаток рабочей силы, из-за отсутствия металла перешло на одну смену, и у них оказались лишние люди. Страна стояла накануне серьезного экономического кризиса. При

отсутствии топлива, главным образом угля, все это перешло бы в дальнейшем на машиностроение и т.д.

Тогда, в марте 1991 года, впервые прозвучала мысль о введении чрезвычайного положения в стране. На этом совещании Горбачев создал комиссию под руководством Геннадия Ивановича Янаева. В комиссию входили все будущие члены ГКЧП, за исключением двух человек — Тизякова и Стародубцева. Это были Янаев, Язов, Крючков, Пуго, Павлов, Шенин и Болдин. Был включен туда и я.

Мы по поручению Горбачева после совещания перешли в кабинет Янаева и там договорились, что сотрудники Крючкова, Пуго и Болдина проработают формы введения чрезвычайного положения в стране, а затем мы встретимся и обсудим, как все должно происходить.

Собиралась эта комиссия с моим присутствием еще дважды — у Янаева и Язова. В принципе предложения о том, как вводить чрезвычайное положение в стране с учетом существующей Конституции, с учетом международной практики законов, были проработаны. Группа генералов, офицеров Крючкова из идеологических подразделений даже готовила воззвание к народу, которое в августе было озвучено.

Когда проходило совещание у Язова, возник острый вопрос: Горбачев может вести дело по принципу «вперед назад», потом остановится. Как быть в таком случае? Кто-то сказал, что тогда придется Янае- ву брать руководство страной в свои руки. Янаев запротестовал: ни физически, ни интеллектуально он не готов исполнять обязанности президента страны, такой вариант неприемлем.

Пуго с Язовым заявили, что вводить чрезвычайное положение они согласны только при условии конституционного решения вопроса, то есть при согласии президента и по решению Верховного Совета

СССР. В ином случае они участвовать во введении чрезвычайного положения не будут.

Поведение Язова, Янаева и Пуго вызвало у меня некоторое удивление. О том, что заседания проходили, Горбачев знал. Например, когда мы были у Язова, он возвращался из Японии и с борта самолета позвонил Крючкову. Тот в разговоре с Горбачевым сказал, что, выполняя его поручение, мы сейчас сидим и совещаемся.

Так что Горбачев был инициатором разработки документов о введении чрезвычайного положения в стране, и, в сущности, почти весь состав сформирован им.

В марте эти материалы были на стадии черновых документов.

В конце апреля Горбачев получил все уже согласованные предложения. Тогда же он позвонил мне, советовался: положение в стране улучшается, может быть, и не надо принимать закона или постановления о введении чрезвычайного положения в стране, а принять чрезвычайные меры, ввести чрезвычайное положение в отдельных регионах и отдельных областях страны?

Я с ним согласился. Когда мы обсуждали эту проблему в марте, было совершенно ясно, что ввести чрезвычайное положение на огромной территории России никаких ни финансовых, ни административных сил не хватит. Речь может идти только о введении мер в отдельных наиболее важных отраслях промышленности, определяющих работу экономики.

Вскоре был принят окончательный документ. На основании подготовленных материалов издали Указ

Президента Горбачева о порядке введения чрезвычайного положения в отдельных регионах и отраслях народного хозяйства страны. Этот указ был опубликован в мае и прошел почти незаметно. Он никак не комментировался в средствах массовой информации, и никакие действия не были проведены.

Единственное, что мне тогда запомнилось: позвонил Горбачев и, посмеиваясь, сказал: «Я вот с Ельциным согласовал этот Указ. Ельцин дал согласие и внес одну поправку: Указ вводится только на год. А нам больше одного года и не надо».

Таким образом, этот Указ был согласован и с Ельциным. Так и кончилась предыстория создания ГКЧП, разработки и подготовки всех этих материалов.

После мая политическое положение в стране вновь стало обостряться. Возникло Движение демократических реформ, была создана партия Руцкого, пошел в политическом отношении еще больший раскол в обществе.

В начале августа Горбачев улетел в отпуск. Последний раз я с ним разговаривал 4 августа. А через несколько дней мне позвонил председатель КГБ В. А. Крючков и предложил встретиться на объекте АВС.

То, что о нем говорят, смешно. Это никакой не секретный объект, а дача КГБ. Расположена она рядом с территорией, которую занимает управление внешней разведки. Двухэтажное здание, внизу столовая, холл «с крокодилом» (муляж, конечно, который подарили Крючкову на Кубе, а он передал его сюда), комната для переговоров. На втором этаже каминный зал и две-три спальни. Во дворе беседка.

Очень небольшой сад. Территория охраняемая: две зоны проезда — вначале милицейская, потом службы охраны КГБ. Таких резиденций у КГБ для различных неофициальных встреч в

Москве и за городом было немало. Так что объект АВС ничего особенного не представлял.

С Крючковым пошел разговор о положении в стране, и он поинтересовался моей точкой зрения на введение чрезвычайного положения в августе. Попросил назвать людей, которые могли бы войти в состав будущего органа управления страной. Он совершенно четко сказал, что партия не должна в этом участвовать, и представители партии не войдут в состав комитета: «Партия должна быть в стороне от этого дела. Это дело чисто государственное».

Я высказал два соображения. Первое. В августе не время вводить чрезвычайное положение, это самый благоприятный месяц в смысле обеспечения питанием. А в смысле политическом — месяц разрядки. Многие разъехались на каникулы, в отпуска, в Москве ни митингов, ни демонстраций, ни политических схваток. Населению будет непонятно, с какой стати вводится чрезвычайное положение? Одно дело в марте, когда останавливались заводы и экономика была на грани катастрофы, другое — когда все обстоит бо- лее-менее благополучно.

И второе. На мой взгляд, не надо создавать никакого нового органа, потому что это не предусмотрено Конституцией. Есть утвержденный Верховным Советом СССР Совет безопасности, из которого, за исключением двух человек — Бакатина и Примакова, — все остальные принимали участие в осуществлении поручения Горбачева по разработке положения о введении чрезвычайного положения. Так что Комитет, или группа людей, которые занимаются вопросом введения чрезвычайного положения, сразу являются легитимными, их не надо утверждать, они уже утверждены.

Крючков засомневался в возможном поведении Горбачева: тот, как всегда, займет двойственную позицию — ни да, ни нет. Я возразил. Сейчас главное не Горбачев, поскольку Михаил Сергеевич уже полностью потерял авторитет, а Ельцин. Он популярен, и народ его поддерживает. Эта фигура, от которой зависит решение проблемы.

Крючков высказался примерно так: с Ельциным мы договоримся, решим эту проблему без каких-либо мер. Когда я еще раз попытался объяснить, что сейчас несвоевременно вводить чрезвычайное положение, он сообщил: «Мои аналитики того же мнения».

Через несколько лет я встречался с бывшим руководителем группы аналитиков. Он подтвердил: действительно они давали прогноз — нельзя вводить чрезвычайное положение в августе. Это нецелесообразно и поддержано не будет.

Разговор наш произошел 7 или 8 августа. Уже тогда предполагалось, что 20 августа будет подписан Союзный договор. Улетая, Горбачев пообещал вернуться к 19 августа, прервав отпуск для его подписания.

...17 августа вечером мне позвонил Олег Шенин (у нас дачи были в одном поселке) и, хотя мы с ним никогда вечерами не гуляли, пригласил принять участие в прогулке. Это было часов в 10-11 вечера — довольно поздновато для рандеву. Я тогда проводил родственников на электричку, вернулся, и вскоре позвонил Олег.

•Вначале он был с женой, и разговоры ни о чем важном не шли. Когда она ушла, Шенин сообщил, что сегодня произошла встреча, и было приято решение: завтра, 18 августа, лететь к Горбачеву, убеждать его в необходимости введения чрезвычайного положения.

В своих воспоминаниях Крючков пишет, что на совещании 18 августа присутствовали Плеханов, Бакланов, Шенин, Язов, Болдин, Прокофьев и он. Владимир Александрович ошибается: я 18 августа не присутствовал — не пригласили.

Кстати, то, что я не был на заседании 18 августа, меня в определенной степени спасло. Потому что привлекали к уголовной ответственности всех, кто собирался 18 вечером, а я проходил как свидетель. Если бы я был приглашен, то проходил бы как участник.

Не знаю, случайно или умышленно не позвали. Может быть, потому, что накануне я говорил Шенину, что сейчас вводить чрезвычайное положение нецелесообразно. Олег Семенович тогда возразил: «А когда?» Я ответил: «Когда наступит сложная ситуация, тогда и вводить». Он не согласился: «Тогда будет поздно. Впереди уборка урожая, подготовка к зиме — все это может дело завалить. Надо упредить и ввести чрезвычайное положение, чтобы нормально решить эти вопросы». Вот тут наши точки зрения и разошлись.

Разговор во время прогулки с Шениным стал для меня неожиданным. Когда я разговаривал с

Крючковым и когда он сказал, что его аналитики тоже считают, что сейчас вводить чрезвычайное положение несвоевременно, я думал, что это отодвинется на осень, когда сложится трудная ситуация и люди поймут, для чего вводится чрезвычайное положение.

Однако в словах Шенина тоже была логика: необходимо убрать урожай, подготовиться к зиме. Но тогда не нужно было вводить танки! Причем в этой беседе не шел разговор о подписании Союзного договора. Речь шла только об экономике

страны, которая катилась под уклон, и нужно остановить это сползание и нормально войти в зиму. Поэтому в разговоре не было упоминания о введении чрезвычайного положения касательно армии и комендантского часа. Тем более, я повторяю, определенная логика в словах Шенина была.

Шенин попросил, чтобы 18 августа я был на работе. Они в 13 часов улетали в Форос. Примерно в это время подъехал и я. Просидел до самого вечера. За это время было только одно событие: приезжал генерал от Крючкова и привез проект «Обращения к народу». Там я не увидел ни списка ГКЧП, ни самого названия.

Я спросил: «Что, мне надо как-то откликнуться?» Мне ответили, что проект прислан для информации. Такой документ готовится, и, когда введут чрезвычайное положение, то его примут за основу.

Около 11 часов вечера позвонил Шенин: они вернулись из Фороса. Олег рассказал, чем окончилась встреча: раздраженный Горбачев крикнул: «Черт с вами. Действуйте, как хотите!» Это совпадает с тем, что пишут в своих воспоминаниях Крючков, Медведев и остальные участники поездки к Горбачеву. Впрочем, как и сам Михаил Сергеевич. Правда, Шенин сказал, что Горбачев выразился непристойно.

Олег сообщил: сейчас готовятся материалы для публикации в СМИ, секретарь ЦК Манаенков приглашает к себе Кравченко (тот возглавлял телевидение) и исполняющего обязанности генерального директора ТАСС, и я должен присутствовать на этой беседе.

Сразу же после звонка Шенина позвонил Манаенков. Я был один в горкоме партии, а Манаенков один из немногих в ЦК: когда я шел из горкома через двор в здание ЦК, светились лишь два-три окна в окнах круглосуточных дежурных. Мы с Манаенковым посидели, попили чайку. Он мне про Афганистан рассказывал.

В 2 часа ночи принесли документы, а потом подъехал Кравченко и исполняющий обязанности гендиректора ТАСС. Мы ознакомились с бумагами. Оба представителя СМИ заявили, что они передадут их в том случае, если документы попадут к ним по официальной линии — как обычно, привезет фельдсвязь от Совета Министров СССР. А просто так, из рук в руки, ни тот, ни другой документы не возьмут.

Я считаю, что журналисты поступили правильно. Они ознакомились с текстами и сказали, что вызовут дикторов, чтобы в 6 часов утра вести передачи. Просили, чтобы документы были у них к 5 часам утра — и в ТАССе, и на телевидении.

Над документами работали в течение ночи. Их подвозили, вероятно, по мере готовности. Я видел лишь те, что были подготовлены заранее командой, которую создал Горбачев. Было Обращение к советскому народу, был Указ, что отменяются действия всех неконституционных органов на территории страны.

Но хотя все эти документы были подготовлены в свое время по указанию Горбачева, я был глубоко убежден, что Михаил Сергеевич постарается как-то отвертеться. А результаты поездки тоже предвидел: он уйдет в сторону. Ни одно крупное происшествие в стране не проходило при его участии: то ли стечение обстоятельств, то ли продуманная политика у него была разработана...

Только я вернулся от Манаенкова, как позвонил Шенин. Я отправился к нему. Очень возбужденный, он сказал, что создан ГКЧП и возглавил его Янаев. Шел пятый час утра. Когда ночью представителей СМИ знакомили с документами, это еще не было известно. Даже слово «ГКЧП» я услышал впервые.

У меня было двойственное ощущение. С одной стороны, я понимал, что раз Президент уходит от наведения порядка в стране, то кто-то должен взять власть в свои руки.

А с другой, я сделал вывод: раз назывался Янаев (а я помнил его весеннее заявление о том, что он ни интеллектуально, ни физически не готов возглавить страну), значит вопрос с Горбачевым согласован. Ни Янаев, ни Язов, по моему понятию, без договоренности с Горбачевым никаких действий предпринимать не стали бы. Слишком они ему верили и были законопослушны. Поэтому большой тревоги у меня не было. Я ушел от Шенина, вернулся в горком и лег спать.

Тревога появилась лишь утром. В 8.00 утра меня разбудил Крючков. Он посоветовал позвонить Лужкову и договориться о совместных действиях, чтобы в Москве не было беспорядков.

Я в то время еще не знал, что в Москву вводятся войска. Конечно, можно было предположить, что какие-то меры по охране правительственных зданий будут приняты. Но что введут в таком количестве войска и бронетехнику, не ожидал.

Лужков в 8 утра был уже на работе — он никогда в это время не приезжал. Я позвонил ему и предложил встретиться.

...О моих отношениях с Лужковым и особенно об этом телефонном разговоре существует столько версий, что я позволю себе отвлечься от основного повествования и внести кое-какую ясность.

Знаю Лужкова давно, дважды его выдвигал. Пра вда, Юрий Михайлович не любит в этом признаваться, пишет, что его двигал Ельцин. На самом деле Ельцин поставил задачу сменить кадры в

Моссовете. Председатель Моссовета Сайкин — бывший генеральный директор ЗИЛа, прекрасный инженер, но город и людей не знал. Ему надо было подобрать энергичную и профессиональную команду. Причем Ельцин настаивал: секретарей райкомов и горкомов партии не предлагать.

Стали думать, откуда брать кадры. Решили посмотреть среди председателей постоянных комиссий Московского совета. Лужков возглавлял комиссию по коммунально-бытовому обслуживанию, работая начальником научно-технического управления Минхимпрома. До этого он был директором объединения «Химпром автоматика».

Я с ним побеседовал, мне он понравился. Порекомендовал Сайкину на должность заместителя председателя исполкома. Я тогда понял, что передо мной хороший администратор. И потом — он быстро приспосабливался к любым условиям. В то время хозяйственников заставляли иметь подсобное хозяйство. А у него на предприятии были машины, с помощью которых брали анализы воды и воздуха. Так он к ним присобачил ульи. Машина стоит, пчелы летают — собирают медок. Потом машина перемещается в другую местность — рощу или луг, там берут анализы — пчелы и там собирают мед. Вот таким образом он закрыл проблему собственного подсобного хозяйства: отчитался пчелами.

Лужков неплохо знал болезни московской бытовки и в жизни отличался крайней скромностью. Он уже тогда был многажды орденоносец, а жил на последнем, девятом этаже дома в Перове. Я помню такую деталь. В доме у него протекала крыша. Тяжело болела жена. Он попросил меня помочь с ремонтом.

Председатель исполкома Перовского райсовета Валерий Павлинович Шанцев по моей просьбе пошел к нему домой. И потом мне звонит: «Юра, твой тезка такой мужик! Я не ожидал. Не просто скромный, а аскетически скромный».

Правда, сейчас у Юрия Михайлович уже другие условия…

Это было первое выдвижение. Когда Г. Попова избрали председателем Моссовета, он советовался со мной: кого назначить председателем исполкома. Сам он города абсолютно не знал. Я ему порекомендовал Лужкова, как менее других политизированного и хорошего администратора.

Последний разговор с Юрием Михайловичем состоялся утром 19 августа 1991 года, когда опубликовали обращение ГКЧП, где было сказано о ликвидации всех неконституционных органов власти. Правительство Москвы именно таким органом и было, и я понимал, к чему это может привести.

Кроме того, что связаться с Лужковым меня попросил

Крючков, я имел кое-какую идею. Нужно было очень быстро принять решение о преобразовании правительства в Исполнительный комитет: так было раньше. Может быть, даже не меняя людей. Тогда все остаются на местах, работают, и все приводится в соответствие с Конституцией.

Позвонил я Лужкову, попросил приехать. Он спросил: «На каком основании вы меня вызываете?» — «Я не вызываю вас. Просто хотел поговорить как коммунист с коммунистом (он в июле последний раз платил партийные взносы), обсудить, что надо предпринять, чтобы в городе был порядок». Лужков ответил, что не приедет, потому что отправляется к Ельцину.

Время было не для обид. Я резонно заметил, что это его право — советоваться с Ельциным, но попросил все-таки потом приехать ко мне. Лужков повторил: нет, не приедет.

После этого я позвонил в Моссовет Л. А. Белову — он исполнял обязанности председателя Моссовета (Попова не было). Позвонил Б. В. Никольскому. Оба они приехали ко мне, и я их попросил убедить Лужкова принять решение трансформировать правительство Москвы в Исполком. Белов и Никольский согласились со мной, обещали переговорить с Лужковым.

Но когда Юрий Михайлович вернулся от Ельцина, с ним вообще было бесполезно разговаривать. Мне позвонил Никольский, а потом Белов и сказали, что Лужков категорически против, что правительство Москвы останется, что это переворот и действия неконституционные. Сотрудничать практически отказался.

Эти мои переговоры почему-то полюбили «цитировать» иные мемуаристы. Особенно разошелся и, естественно, переврал Гавриил Попов. Я всегда считал, что он самый умный, самый хитрый, но и самый беспринципный политик.

К 10 часам утра меня вызвали на заседание секретариата ЦК. Вел его Шенин, рассказал то, что я уже знал ночью. Стали спорить: когда собирать пленум ЦК. Большинство настаивало собрать на следующий день и определить свою позицию, а пока ограничиться телеграммами в регионы, чтобы сохранить спокойствие. В том случае, если ГКЧП будет действовать в рамках Конституции, оказывать ему всяческую поддержку. Телеграмму подписал Шенин.

Но вообще наблюдались растерянность и непонимание: что, зачем и как надо делать. Большинство членов Секретариата ЦК не участвовали в мартовских совещаниях и не были в курсе всех закулисных действий. И Шенин вел себя «чисто информативно», позицию свою конкретно не определял.

Вернулся к себе. Собрали партийный актив, членов ГК,

секретарей РК партии. Я выступил в принципе в поддержку мер, которые вводились в стране, поскольку, если прочитать «Обращение к народу», любой здравомыслящий человек его поддержал бы. В конце я сказал, что, если в дальнейшем действия будут осуществляться в конституционном поле, а начало вроде обнадеживает, то мы будем поддерживать, а если нет, партийная организация поддерживать не должна.

Почему я сделал такую ремарку? У меня вызывало недоумение введение совершенно необоснованно такого большого количества войск. Это прежде всего.

И еще — вроде бы частное: у Горбачева был лишь радикулит, и ссылаться на его болезнь в такое время неправомерно. Если хотели наводить порядок законным путем, надо было вести разговор о том, что Президент практически самоустранился от руководства страной, в тяжелый период ушел в отпуск, отказался возвратиться в Москву, хотя к нему приезжала представительная делегация. Вот поэтому до решения сессии Верховного Совета СССР власть передается вице-президенту. Это было бы понятно, все было бы нормально. А здесь я увидел попытку слукавить, схитрить. Это сразу же меня насторожило.

Одна из проблем, которую я поднимал на встрече с активом, — проблема армии. Основное требование к районным организациям: не допустить провокаций против армии. Наоборот, поддержать солдат, где можно, горячим питанием, вниманием, беседами. Самое главное — проследить, чтобы не было никаких провокационных вылазок против армии. Я прекрасно понимал: если прольется кровь, дело примет другой оборот.

В середине дня 19 августа стали поступать тревожные сообщения: эмиссары Моссовета разъезжают по заводам, призывают к забастовкам, к выходу на улицы, манифестациям.

Вызвало тревогу и то, что ГКЧП взял под контроль СМИ, причем довольно неуклюже закрыв все, кроме партийных изданий. Была закрыта и радиостанция «Эхо Москвы». Но приехал заместитель министра связи Иванов с автоматчиками — станцию открыли. Автоматчики встали у входа, и станция стала призывать граждан к оружию, к защите Белого дома.

И опять у меня возникли вопросы: почему такая несогласованность в действиях? Почему никаких мер не принимается?

А самую главную тревогу вызывала возможность возникновения в городе волнений. Мне сообщали, что настроения жителей Москвы разделились. Много войск — значит, все может произойти. Не хотелось повторения Баку, Вильнюса и Тбилиси.

Звоню Лужкову — с ним не соединяют. Соединили с

Янаевым, и я высказал ему все свои сомнения по телефону. Он предложил: «Приезжай в Кремль. Мы сейчас будем это обсуждать».

Вот так я впервые оказался на заседании ГКЧП. Сам навязался, напросился туда. Приехал. Ждали председателя Совмина Павлова. Обсуждали пресс- конференцию, которая будет проходить. Слушали сообщение министра иностранных дел А.А. Бессмертных о реакции за рубежом. Предлагали собрать послов, но он сказал, что все необходимые указания послам даны. Как в таких случаях делается, подтвержден внешнеполитический курс Советского Союза и нынешнего коллективного руководства.

Бессмертных вел себя очень спокойно, по-дело- вому, как и положено дипломату в чрезвычайных ситуациях. Большинство же присутствующих пребывало в растерянности. Я не знаю, как они договаривались, но по той информации, что я имел, Ельцина на аэродроме должны были встретить Павлов и Язов, принять совместное решение, с утра ввести чрезвычайное положение и договориться о его невмешательстве.

Но утро было совсем другое. Ельцин поехал к Белому дому. Его выступление с танка. Призывы, Указы в отношении ГКЧП. Поэтому и наблюдалась растерянность, так как совсем непредвиденно обозначился фронт противостояния. Ельцин тогда уже объявил о созыве Верховного Совета РСФСР.

Решался вопрос: как быть? Павлов пришел тогда совершенно пьяный, просто был не в состоянии принимать участия в пресс-конференции. Он настаивал, чтобы вообще не впускать депутатов Верховного Совета РСФСР в Москву. Вел себя, мягко говоря, неадекватно. Когда он сел рядом с Язовым, тот брезгливо отодвинулся.

Меня на пресс-конференцию не пригласили. Дали лишь указание: на следующий день будет заседание ГКЧП, и я должен к нему подготовить сообщение о положении дел в Москве.

Вообще у меня осталось самое плачевное впечатление от всего этого. С Павловым я чуть было не сцепился по-настоящему. Дело дошло до взаимных оскорблений. Я ему сказал, что вырос в Измайлове и тоже умею выражаться.

Но вернемся к началу главы: нельзя рассматривать ГКЧП как единое целое. Я разделил бы его членов на несколько групп. Тизяков, Стародубцев, Бакланов, Язов, по моему мнению, все делали из чистых побуждений — только для того, чтобы спасти страну от той катастрофы, которая ей грозила. К ним я присоединяю и себя.

Еще группа, которая, я думаю, была в какой-то мере посвящена в замыслы Горбачева: он, вероятно, хотел поднять свой

авторитет и утвердить свое положение тем, что вернется в Москву на коне Спасителя демократии, поскольку влияние его стало уже практически нулевым.

И были люди, которые сами хотели, может быть, прийти к власти и решали совершенно другую задачу.

Были и те, кто, как истинные патриоты, например Варенников, поддержали ГКЧП. Они хотели спасти Родину от катастрофы.

Но я убежден, что существовали и зарубежные режиссеры. У них был четкий сценарий развала Союза, ликвидации компартии. Удобнее, чем ГКЧП, ничего быть не могло — разом со всем покончили.

Я мог бы хронологически проследить все действия, в которых принимал участие. Все последующие заседания ГКЧП проводились два раза в день и были столь же беспомощны и неконструктивны.

План по вводу чрезвычайного положения не реализовывался. По большому счету, и плана-то этого не существовало. Были принципы введения чрезвычайного положения: один маршрут туда, другой сюда; в такое-то время то-то, в такое-то — это. Но даже этого ничего не сделали.

Стародубцев писал о мерах, которые следует принимать в сельском хозяйстве. Тизяков сел дорабатывать свои предложения о необходимых мерах в области промышленности и т.д. Все сидели в помещениях, выделенных для членов ГКЧП. Изыскания сводились к вопросам: что делать с Белым домом, что делать с Ельциным.

...А толпа у Белого дома росла.

Вечером 20 августа на заседании ГКЧП присутствовал маршал Ахромеев, сидел и все записывал. Были приглашены два человека, возглавлявшие группу «Союз» на съезде народных депутатов. Они совершенно четко заявили, что если ГКЧП будет действовать таким образом (не будет реальных действий в стране), Верховный Совет введение ГКЧП не поддержит.

Председатель Верховного Совета СССР Анатолий Иванович Лукьянов ни на одном заседании не присутствовал. Мне до сих пор непонятно, почему отложили на 26 августа сбор Верховного Совета СССР. Ельцин сумел за день собрать депутатов, а Лукьянов не смог? И зачем этот ненужный, необоснованный ввод такого большого количества войск? И полное бездействие по отношению к московским властям, к властям в Белом доме, к их провокационным заявлениям, возможности выступать в СМИ? Я не верю, что случайно показали выступление Ельцина на танке. Таких случайностей не бывает.

Разные группы преследовали разные цели. Сценарий всего этого был разработан не у нас, людей попросту подталкивали. В зарубежной печати появлялись любопытные публикации, высказывания. Понимая, что Горбачев уже сходит, подкидывали мысль: а почему бы президентом не стать Крючкову? Вот Буш в Америке был директором ЦРУ. Нормально! А почему у нас нельзя?

И самое главное. Я прочитал однажды информацию, которую мне дал Крючков в июле 1991 года и с которой был ознакомлен Горбачев.

Это запись беседы одного из наших социал- демократов с Яношем Карнаи, американцем венгерского происхождения, автором книги о «венгерском пути к капитализму». Очень известный экономист. В этой беседе все было предначертано: оба строя имеют право на существование, но для того чтобы капиталистические страны держались на плаву, нужны рынки сбыта, сырьевые рынки, дешевая рабочая сила (слова — «общечеловеческие ценности», а подоплека фашистская).

Так вот, с точки зрения «общечеловеческих ценностей», Советский Союз, располагая огромными сырьевыми ресурсами, использует их неэффективно. Поэтому, с точки зрения «общечеловеческих ценностей», целесообразно их (сырьевые ресурсы) изъять и передать тем странам, которые могут их использовать эффективно.

Опять же с точки зрения «общечеловеческих ценностей», СССР обладает огромными, но недостаточно продуктивно работающими людскими ресурсами. Надо за 20—25 лет их сократить примерно на 50 млн., а остальных заставить работать на «развитые страны» (что, кстати, сейчас и осуществляется).

Говорилось, что надо расколоть Советский Союз, но не на национальные республики, а на экономические районы — сырьевой, топливный, обрабатывающий и так далее.

К сожалению, я эту «закрытую» бумагу не мог ни перепечатать, ни сохранить. Для себя набросал кое- что. Но при обыске у меня многие бумаги забрали.

Когда я с ней знакомился, то набросал несколько пунктов:

— экономические преобразования: либерализация цен, приватизация, свертывание социальных программ, жесткая кредитная политика (высокие процентные ставки).

— в области политической: ликвидация КПСС, но не так, как это у нас произошло, а раскол на фракции; внедрение во главе всех фракций своих людей, которые, внешне выступая за единство ком- движения, будут делать все, чтобы оно никогда не объединилось; смена руководства армии; реорганизация КГБ —

поменять генералов на полковников.

И было в беседе сказано, что все это должно произойти в течение недели и что час «ИКС» назовет Семерка.

Вот такой документ я прочитал в июле.

Поэтому убежден: августовские события 1991 года были мощной политической провокацией, каких бы целей ни придерживались люди, которые организовали и вошли в ГКЧП.

Именно ГКЧП привел к ликвидации Коммунистической партии Советского Союза и ускорению ликвидации Советского Союза.

К слову. Августовские события произошли после поездки Горбачева на совещание семи ведущих капиталистических стран.

Иные считают, что «кукловодом» был сам Михаил Сергеевич. Не думаю. Горбачев был вписан, вмонтирован в эту систему точно так же, как и Ельцин. Причем, если и говорили им об их роли, то не всю правду. Горбачев потерпел поражение, потому что Запад перестал делать на него ставку. Ставка была сделана на Ельцина как на человека, который сможет продолжить разрушение Союза.

Начиная с 1985 года, Западу угрожал кризис. И то, что он до сих пор не разразился, происходит благодаря развалу Советского Союза и России. Мы стали ввозить 48% продовольствия. Никогда такого не было! Что значит 48% на 150 млн. человек населения? Это ведь население целой Европы. А сколько мы тем самым создали рабочих мест, поддерживая сельских и промышленных рабочих других стран!

То же можно сказать и о товарах народного потребления. Например, экономический подъем Турции в значительной мере обусловлен развалом Советского Союза. Два миллиона отдыхающих, которых раньше принимали Крым и Кавказ, а деньги оставались в

СССР, а не в Турции. А «челноки» с турецкими товарами, которые заполнили весь рынок, и наша легкая промышленность снизила свой объем до 30%?

Все решали крупные международные финансовые корпорации, в чьих интересах все это происходило. Они являлись кукловодами своих правительств. Те в свою очередь вели наших. Все это связано с мировой экономикой.

Возвращаясь к ГКЧП, я считаю, что самым позорным был последний день его существования, когда Язов единолично принял решение вывести войска. Он собрал ночью коллегию министерства обороны и все решил.

Трое парней попали под колеса машины, когда выводили войска, а не вводили. Если бы не этот случай, то был бы другой, третий. Обязательно.

А теперь опять о моем участии в этом путче. 19 августа я пытался наладить контакты с Моссоветом. 20 августа утром было очень короткое заседание ГКЧП, на котором рассматривалась проблема открытия СМИ, так как поняли, что палку перегнули. Договаривались, кому идти на заседание Верховного Совета РСФСР. Вначале решили, что пойдут все, потом, что отправится один Крючков и там выступит. В результате никто не пошел и в заседании Верховного Совета РСФСР участия не принял. Но были бесконечные перезвоны с Ельциным и Хасбулатовым.

Вечером 20 августа состоялось заседание ГКЧП, на котором я докладывал о положении дел в Москве. Затем выступил представитель Комитета по печати.

Он рассказал, как и на каких основаниях они возвращают лицензии СМИ. Еще мне запомнилось, что были выступления представителей Верховного Совета СССР по поводу поддержки или осуждения ГКЧП.

Двадцать первого августа произошли трагические события. Потом, позже, когда меня допрашивали, в соседней комнате допрашивали водителей БМП. Все было сведено к дорожно-транспортному происшествию.

Как мне рассказывали, на смотровой люк БМП кто-то накинул брезент, лишив водителя обзора, тот подал назад, где стоял троллейбус и раздавил стоящего там парня. Другого, по их рассказам, застрелили: «Стрелял какой-то майор не из нашей части. Стрелял, когда парень бросал бутылки с зажигательной смесью в машину». Там же сгорел водитель машины, но об этом никто не говорит.

Итак, Язов выводил войска. На заседание ГКЧП приехать отказался. Тогда все члены ГКЧП сами поехали к нему. Я находился в машине вместе с Крючковым и слышал, как он переговаривался с Лукьяновым: надо лететь в Форос к Горбачеву и просить, чтобы тот вернулся в Москву и взял власть в свои руки. Лукьянов, как я понял, соглашался.

Анатолий Иванович Лукьянов пришел только на последнее совещание в штаб ГКЧП, да и то скоропалительно. До этого, примерно числа 20 августа, у меня был с ним разговор по телефону. Он спросил: «Ты понимаешь, что происходит?» Я ответил: «Нет, не понимаю. Вижу только, что полное бездействие приведет к краху и разгрому».

Когда пришел Лукьянов, его спросили, что надо делать. Анатолий Иванович ответил: надо лететь к Горбачеву, другого выхода он не видит для того, чтобы потушить возникшее народное волнение.

Все, подумал я, с меня довольно, хватит. И заявил, что теперь

четко понял: это политическая провокация, которая поставила под удар и страну, и партию, и другого выхода, кроме как застрелиться, никому из членов ГКЧП в этой ситуации не остается. И добавил, что больше не собираюсь участвовать в этом маскараде и ухожу. И сейчас же собираю секретарей райкомов партии, бюро горкома, и мы выступим с заявлением по этому поводу, объявим, что все последние события воспринимаем как политическую провокацию.

Следом за мной поднялся Шенин и сказал, что поддерживает Прокофьева. Мы спустились вместе. Поехали на моей машине. Он вошел в ЦК, я отправился в свой кабинет.

Люди уже по моему звонку были собраны. Я рассказал о ситуации, о том, что происходит, что может произойти. Было принято заявление секретарей райкомов партии и Бюро ГК партии по поводу ГКЧП. Отмечалось, что считаем его действия политической провокацией, которая ведет к негативным последствиям. Решили передать заявление через ТАСС. Но, когда туда позвонили, нам ответили, что им запретили принимать какие-либо заявления и обращения. Кто запретил — не сказали.

Текст этого заявления не сохранился. Все документы, что были в моем кабинете в горкоме партии, я оставил там. Сокращенный текст можно найти в архивах «Московской правды», так как она все же свой маленький выпуск осуществила. Понимая, что закрытие всех изданий, кроме партийных, было неправомерно, «Московская правда» из солидарности в эти дни не выходила. А тут вышла небольшой листовкой с этим обращением. Вечером по ТВ прошла передача, где совещание было показано и я частично прокомментировал наше заявление.

Очень тяжелое впечатление осталось у меня от этих дней, от участников. Если бы это были, скажем, не обижая, Стародубцев, Тизяков, Иванов-Петров- Сидоров, то этим людям можно было бы простить их беспомощность. Но это были Председатель КГБ, Министр обороны страны, Министр внутренних дел, Премьер-министр страны (он, правда, самоустранился и вместо себя присылал своего зама Догужиева), член Политбюро Шенин — все руководители высшего уровня, и их поведение не поддается пониманию. Было оно если не преступное, то преступно-халатное.

Я считаю, это произошло не из-за низкой квалификации, неумения. У меня дома остался листочек радиоперехвата — беседа французских журналистов с нашими товарищами по партии. Там 20 августа точно определено как конец ГКЧП. И говорилось, что, если Горбачев вернется президентом, то станет карманным президентом у Ельцина. А КПСС будет разгромлена, и ее придется воссоздавать.

Французские друзья все спрогнозировали. Они проанализировали информацию не только нашу, но и западную.Не случайно Лобов уехал на запасной пункт управления страной под Свердловском.

Не случайно в Белом доме были запасы оружия, питания, не случайно американцы наладили информацию Ельцина о передвижении войск в Москве через систему спутниковой связи.

Не случайно Лужков разговаривал со мной как человек, который знал о подлинной сути событий.

Не случайно самые близкие Горбачеву люди из Секретариата отсутствовали: Ивашко лежал в больнице, Дзасохов был в командировке, Семенова — в отпуске. Думаю, это тоже не случайно. Они только потом собрались, когда все произошло.

...Когда я вернулся к себе, еще до совещания, позвонил Крючков, потом Бакланов, еще кто-то. Все они просили не делать никакого заявления. Я отказался.

Последним позвонил генерал Варенников, герой войны, очень заслуженный человек, и сказал: «Юрий Анатольевич, пожалуй, ты прав. И давай будем держаться вместе, приближаются трудные времена».

Постскриптум

Первое, что сделали после прилета Горбачева из Фороса, это закрыли даже не ЦК, а Московский горком партии. Охрана была снята, меня как секретаря ГК партии об этом никто не предупредил. Просто позвонил дежурный секретарь, а я в это время был у Купцова, и сказал: «Юрий Анатольевич, вы знаете, что вся охрана снимается?»

Тогда я попросил закрыть дверь, что выходила на Старую площадь, и всех сотрудников аппарата горкома вывели через двор ЦК на улицу Разина (Варварку), чтобы люди могли спокойно уйти. Сам я выходил позже из здания ЦК вместе с секретарем ЦК КПСС Валентином Михайловичем Фалиным, секретарем ЦК КП РСФСР В. И. Кашиным и другими сотрудниками аппарата ЦК.

Нас встретила толпа — пьяные агрессивные люди. Было много журналистов, кино- и фоторепортеров: кто-то их предупредил, что мы будем выходить из здания. Меня спросили: «Как вы относитесь к происходящему?» Ответил: «Разве не видите? Это фашисты».

Сначала я уехал к родственникам, потом домой. Встретила перепуганная жена: ей позвонил какой-то человек и сказал: «Все кончено. Сейчас могут начаться погромы. Уезжайте». Я предложил им покинуть Москву.

Мой сын сел за руль, я усадил в машину жену, невестку, внука, и он увез их во Владимирскую область, в деревню, в недостроенный дом своего товарища.

А я отправился к одному работнику горкома. Пару дней жил у него, и вдруг в воскресенье слышу по радио: сбежал Прокофьев, его ищут правоохранительные органы.

На следующий день я поехал в прокуратуру России. Там сказали: «Мы вас не ищем, поезжайте в городскую прокуратуру». Оказалось, не им поручено мною заниматься.

Для меня 1991 год (после августа) был временем бесконечных допросов о причастности к ГКЧП. Вначале мною занималась московская прокуратура, а затем, когда она сняла с меня обвинения в причастности к антигосударственному заговору, специальная следственная группа прокуратуры России.

Все это закончилось в декабре 1991 года после проведения в «Матросской тишине» очной ставки с бывшим Председателем КГБ СССР В. А. Крючковым.

В подвешенном состоянии я оставался до суда над членами ГКЧП, так как военная прокуратура обязала меня информировать ее обо всех моих передвижениях, выездах из Москвы. Это не

подписка о невыезде, так как выезд разрешался, но о нем следовало информировать...

А теперь вернемся к тем событиям поподробнее. В течение нескольких дней были обыски. Искали документы, оружие. Не знаю почему, но искали у всех подследственных. Было неверное представление, что руководящие партийные работники имеют оружие. У меня оружия никогда не было, и вопрос об этом я не ставил.

Шли допросы. Но домой отпускали, даже не взяв подписку о невыезде. Все было проведено очень лояльно и тактично. Видимо, потому, что каких-либо документов у меня не нашли, членом ГКЧП я не был, заявлений в поддержку ГКЧП горком партии не принимал, каких-то действий тоже не осуществлял. Прицепиться вроде бы было не к чему.

Задача, как я понял, стояла другая: изолировать меня и не дать мне в этот момент заниматься политической деятельностью. Поэтому допросы длились по 12 часов, практически все дневное время, захватывая вечер.

Потом Московская прокуратура приняла решение о моей невиновности: уголовное дело против меня не возбудили, свидетельские показания приняли к сведению...

Через некоторое время нам, членам МГК, удалось отстоять и занять несколько комнат бывшей партко- миссии. Мы начали приводить в порядок свои дела. Нас проверяла несколько раз комиссия по финансам, потому что искали «деньги партии», но убедились, что даже карандаша без согласия ЦК мы купить не могли. Все деньги были четко учтены: что приходило из организаций, что давал ЦК, что и как расходовалось. Месяц шла финансовая проверка. Ничего криминального не обнаружили.

В это же время сдавали документы в архив и занимались поисками работы для работников аппарата. Надо было устроить около 180 человек. Технические службы оставались на местах. Работу почти всем нашли очень быстро — ведь люди в горком партии приходили не с улицы, а с предприятий, заводов, министерств. Правда, с министерствами было сложнее. Тогда договаривались с заводами, особых проблем не было. Некоторые сами находили работу, возвращались на старые места, другим мы помогали. К ноябрю уже не было ни одного безработного сотрудника горкома партии.

...А мое дело из Московской прокуратуры изъяли — его взяла Российская прокуратура. Опять было возбуждено против меня уголовное дело, и весь ноябрь меня уже там допрашивали. В конце ноября все закончилось, как я уже написал выше, очной ставкой с В. А. Крючковым в «Матросской тишине».

Неприятно, конечно, когда тебя допрашивают. Причем я пытался рассказать о мартовских событиях, то есть о роли самого Горбачева, но тот, кто меня допрашивал, не хотел это слушать. Даже записывать не стал.

А вот о чем говорили с Крючковым, как проходили заседания, как вел себя тот-то и тот-то, интересовались. Пытались поймать на каких-то неувязках, сличали с протоколами моих допросов в Московской прокуратуре. Но у меня хорошая память, и я нигде не ошибался. И даже Терещенко, следователь по особо важным делам прокуратуры, спросил, не имею ли я юридического образования. Я ответил отрицательно. «Ну, может, Уголовный кодекс читали, комментарий к нему?» — «Нет, — говорю, — не читал».

Я нигде не «подставился».

Чувствовал себя неважно главным образом из-за семьи. Родные мои из Владимирской области вернулись, но переживали страшно. Скажем, к 10.00 я уезжал в прокуратуру, а возвращался не раньше 20.00 вечера. Иногда мне разрешали позвонить домой и предупредить, что задерживаюсь. Иногда и позвонить не мог.

Допрашивали меня в Московской прокуратуре на Новокузнецкой — потом эта следственная группа находилась в здании ЦК КП РСФСР, 20-й подъезд. Друзья иногда почему-то спрашивают: «Сидел там столько часов! Тебе хоть поесть предлагали? В буфет, например, пойти?»

Следователь уходил обедать. Меня никуда не приглашали, в буфет идти не предлагали. И я обычно сидел и ждал. Но сказать,.что было какое-то неуважительное отношение, я не могу. А следователь мне даже однажды сказал: «Понимаете, я в очень тяжелом положении нахожусь. Черт его знает, сегодня Вас допрашиваю, а может быть, завтра придется допрашивать тех, кто давал поручение Вас допрашивать». Вероятно, следователи не видели во мне преступника точно так же, как и во многих других.

Плохо было то, что я жил открыто, никто меня, конечно, не охранял. Рядом сын жил. Ему, его семье грозили: вот, мол, тут «коммуняки» живут. Выгнать их отсюда нужно!

А иногда просто приходили, проверяли, живу ли я здесь, бываю ли. Интересовались у соседей. Но это не очень часто.

А соседи относились к нам хорошо. Я одно время жил у сестры. Дом блочный, перегородки тонкие. Как-то соседка ей сказала: «Таня, ну чего вы от нас скрываете, что у вас живет ваш брат? Что мы, не люди, что ли?»

За мной даже машина приходила из прокуратуры — они адрес знали, только никому его не давали. Отношение было нормальное.

Иногда после допросов сын мог заехать за мной, но не всегда получалось. Поэтому ездил я на метро, ходил по улицам. И ни одного недоброжелателя не встретил. Наоборот, узнавали, подходили, поддерживали. Было и так: или безразличное отношение, или чувствуешь, что человек узнал тебя, но не хочет реагировать, или за себя боится, или из «демократов».

Только однажды был крайне неприятный случай. В 1993 году зашел я в редакцию газеты «Гласность», которая располагалась тогда, как ни странно, над приемной президента Российской Федерации. Проходить надо было через эту приемную. И там какая-то женщина, увидев меня, начала биться в истерике: «Я понимаю, почему мои вопросы не решаются, здесь опять коммуняки заседают. Вон Прокофьев ходит у президента!»

...Как-то шел я вечером с женой в Сокольниках. Навстречу несколько подвыпивших мужчин. Один из них неожиданно подходит ко мне, обнимает: «Князь вы наш московский...» и прочая чушь. Я думаю, что это прицепился мужик? А он мне: «Не обижайтесь, я из хороших побуждений. Я начальник гаража. Бывший военный. Просто рад видеть вас в добром здравии. Мы тут поддали немного, извините, что в таком виде. Если будет какая-то потребность в транспорте, вот мой телефон. Я живу в этом доме. Всегда готов помочь». Надо сказать, что я несколько раз пользовался его помощью, естественно, за деньги: у него на базе заказывал машину, чтобы возить стройматериалы.

Другой случай был. Женщина какая-то вдруг подошла и сказала, что она демократка и за Ельцина. Но она видела, как разгоняли партию, как я проходил сквозь строй у горкома. Прочитала безобразную статью в «Курантах», где даже адрес мой домашний дали — фактически наводку. Сказала, что рада меня видеть. Так получилось, что она потом неоднократно бывала у нас дома.

Врач Шкловский — довольно известный. Тоже живет у нас в районе. Сам предложил: если нужда в медицинской помощи, пожалуйста. И так очень много совсем незнакомых людей подходили, желали здоровья. И это, хоть в меньшей степени, продолжается до сих пор. Работать мне проще: куда ни прихожу, всегда встречаю поддержку и понимание. Видимо, за время работы в исполкоме и горкоме партии я обрел авторитет и то, что я делал когда-то, работает на меня. Конечно, есть и противники, но чисто политические.

...Вернусь к тем тревожным дням, к кульминационному моменту следствия по моему делу — свиданию с В. А Крючковым в «Матросской тишине». Это была очная ставка. Вообще очных ставок у членов ГКЧП было мало. Они все пишут об этом в своих

воспоминаниях. Даже тогда, когда они на них настаивали, ставок не проводили. Я думаю, встречу с Крючковым устроили чисто формально для того, чтобы закрыть это дело. А без очных ставок уголовное дело не получается.

Ехали мы в «Рафике»: адвокат Генрих Падва, адвокат Крючкова Юрий Иванов, мой следователь и следователь, который вел дело Крючкова. Когда подъехали к «Матросской тишине», вспомнили, что забыли выписать на меня пропуск. Я показал удостоверение депутата Моссовета и прошел в «Матросскую тишину» по этому документу. Провели нас в комнату, где проходили очные ставки. Падва куда-то ушел. Со мной зашли мой следователь, следователь Крючкова и его адвокат Иванов. Ждали долго, минут 25-30, пока не пришел Владимир Александрович. Были заданы два вопроса.

Первый: о нашей встрече на объекте АВС, интересовались, как она проходила. И второй вопрос: о попытке создания комитета по чрезвычайным ситуациям в Москве — Московского комитета. О первом вопросе я уже писал раньше. Примерно это и рассказал на очной ставке. Меня спрашивали при Крючкове, а он должен был или подтверждать или опровергать. Владимир Александрович подтвердил, что так все и было.

По второму вопросу сложилась такая ситуация.

Не знаю, кто, но, видимо, из группы работников, занимающихся ГКЧП, подготовили в те времена постановление о создании комитета по чрезвычайной ситуации в Москве, учитывая, что есть правительство — то, чего я и боялся. Поскольку я занимался Москвой, мне эту бумагу и положили. Я прочитал и сказал, что нет никакой необходимости и нет возможности, так как нет человека, который мог бы возглавить этот комитет. Мне назвали фамилию Никольского. Я сообщил, что с Никольским я уже беседовал, и он отказался. В их присутствии пошел и позвонил Борису Васильевичу, спросил его при всех об этом. Он еще раз сказал, что брать на себя такую ответственность не может. В свою очередь он предложил Белова, Воронина, но эти фигуры Москве не были известны.

На постановлении, которое мне показали, было что-то от руки приписано. Я вышел в приемную и спросил секретаря, который там сидел: «Чей это почерк? Кто писал?» Секретарь ответил, что писал Владимир Александрович Крючков. Почерк был мне непонятен, и я попросил секретаря помочь прочесть. А там было написано, чтобы комитет обратил внимание на подготовку к зиме, на завоз овощей. То есть все очень нормальные хорошие фразы.

Вот об этом я и рассказал. Крючков был очень доволен моим

добавлением. Следователь Крючкова спросил, о чем все-таки шел у меня разговор с Владимиром Александровичем: о вводе чрезвычайного положения или о принятии чрезвычайных мер. Я ответил: «Знаете, я в этих вопросах слабо разбирался и разбираюсь. Для меня что чрезвычайное положение, что чрезвычайные меры — все одно. Так что сказать точно, о чем шла речь, не могу. Возможно, о чрезвычайных мерах». Тут Иванов бросился меня целовать, видимо, я сказал то, что от меня хотели услышать.

Когда окончилась очная ставка, стали думать, как мне выходить? Впустить-то впустили, а могут не выпустить. Владимир Александрович пошутил: «А чего вам домой торопиться? У меня в камере есть свободное место. Обеды здесь почти как домашние. Пошли ко мне, пообедаем». Я ответил: «Нет, я уж лучше домой пойду, чайку попью».

Оформили мне пропуск, объяснили начальнику, как я прошел туда, и меня выпустили. Со следователем дошли до метро. Разговаривали. Я не думал, что это у меня с ним последняя встреча.

После этого меня не известили, что дело прекращено. А в общем-то его и не прекращали как уголовное дело, его и не закрывали, видимо для того, чтобы меня держать на крючке: ведь из свидетеля в обвиняемого превратить можно быстро.

Перестали вызывать меня на допросы, прекратились обыски. Но никаких официальных документов о снятии обвинений не было. Лишь в 1993 году пришла повестка, что я прохожу по делу как свидетель и что должен быть в Москве. Все это время предполагал: был бы обвиняемым, сидел бы в тюрьме. А официального сообщения, повторяю, не было. Проскользнула как-то публикация в прессе, где сообщалось, что «уголовное дело прекращено против всех секретарей региональных комитетов партии, кроме двух». А кто эти двое — не назвали.

Только потом, весной, была пресс-конференция прокурора, и ему задали вопрос обо мне и Калинине (командующем военным округом, он вводил чрезвычайное положение в Москве): почему мы не проходили по делу ГКЧП как обвиняемые и почему мы не сидим. Прокурор ответил, что Калинин выполнял свой служебный долг и что оба к ГКЧП не причастны. Но, повторяю, официально никто меня о прекращении уголовного дела не уведомлял...

Я однажды сказал Крючкову в глаза — он во многом виноват в том, что произошло в августе 1991 года. Этот человек обладал наибольшей информацией и полномочиями из всех других прочих.

Ельцин где-то в 1992 году или начале 1993 года в статье

написал, что он обманул Крючкова. Видимо, была договоренность: он не будет активно выступать против ГКЧП. Не переиграл, а обманул.

Я иногда думаю: если бы не ГКЧП, каким бы был вариант? В конце октября — начале ноября 1991 года собирается внеочередной съезд партии. Горбачева генсеком не избирают. Я убежден, что съезд народных депутатов освободил бы его и от обязанностей президента. Спасло бы это ситуацию или нет, трудно сказать...

...А потом была амнистия. Я отнесся к ней, как к сделке. Почему Ельцин это сделал? Верховный Совет ликвидировал комиссию по расследованию событий 3-4 октября, а Ельцин объявил амнистию заключенным — членам ГКЧП и заключенным по октябрьскому делу. Это сделка. Если бы расследовали то, что было 3-4 октября, то сидеть бы в «Матросской тишине» совсем другим людям. Абсолютно точно. Он и прикрыл это дело, выпустив узников.

Варенников в данной ситуации поступил наиболее правильно. Правда, для этого у него были основания — он не входил в состав ГКЧП. Его вина лишь в том, что он ездил в Форос к Горбачеву и был у Кравчука. Но, кстати сказать, Кравчук тогда поддерживал ГКЧП.

«Никогда над жизнью не грустите, у нее корявых много лап», — писал Есенин. Я особенно и не грустил — характер, видно, такой. Умею держать удар...

...Иных уж нет, а те — далече...

Развязка событий 1991 года — страшное и не всегда понятное дело. Убийство Пуго, Ахромеева. Я всегда говорил, что это убийство. И того и другого.

Точно так же, как не были самоубийством смерти Кручины и Павлова. Ликвидация Кручины и Павлова понятна: все денежные документы подписывает Генеральный секретарь и управляющий делами. И Кручина и Павлов, если деньги переводились за границу, это знали. Не могли не знать. Без них это невозможно было сделать. Остается единственный живой свидетель — Горбачев. И неизвестно еще, по чьему указанию их убрали.

А вот Пуго... Я хорошо знал Бориса Карловича, немного был знаком с его женой. Никогда не поверю, что это самоубийство. Пуго — последний из членов ГКЧП, кто встречался с Горбачевым. Он отдыхал в Форосе. На аэродром ехал не на санаторной машине, а на машине из гаража Горбачева. Не исключено, что Михаил Сергеевич дал ему какие-то наставления, просил присоединиться к ГКЧП, помня заявления Бориса Карловича о том, что он никогда не пойдет на нарушение Конституции.

Совершенно не ясно, почему он потом вдруг присоединился к ГКЧП, который не поддержан конституционно.

Пуго был у Горбачева 17 или 18 августа. Я думаю, он знал больше. А может быть, это все мои домыслы. Но я убежден, что Борис Карлович никогда бы не покончил с собой. Он был очень сильным человеком. Тем более, если бы он решился на это, застрелил бы жену, не заставил ее мучаться. Ведь она какое-то время была жива. Скончалась от тяжелого ранения в больнице.

Совершенно непонятно, почему пистолет лежал у него в изголовье. Потом говорили, что это свекор поднял оружие с пола и положил на тумбочку.

А Ахромеев — маршал, военный! У него-то уж точно было оружие! И он не стал бы вешаться, тем более таким диким образом — на батарее...

Было обращение Ахромеева к съезду народных депутатов, которое там, на съезде, ему не дали зачитать. Его точно не пустили на съезд. Он мог многое знать, так как был одним из ближайших помощников Горбачева по военным вопросам. Язов мог с ним чем-то поделиться.

...А история с моим выступлением 19 августа 1991 года на совещании партийного актива получилась вообще детективной. Пленка с выступлением исчезла. За ней долго гонялись в 1991 и в 1992 годах, чтобы меня каким-то образом обвинить.

В 1994 году ее принес один человек. Он позвонил, меня дома не было. Тем не менее он пришел и отдал пленку Тамаре, моей жене. Сказал, что считал своим гражданским долгом сохранить ее. И добавил: «А теперь, когда непосредственная опасность миновала, я отдаю Юрию Анатольевичу эту пленку».

Правильно он сделал, что скрывал ее, или нет, сейчас оценить трудно. Всяко могли повернуть. Но там была такая заключительная фраза: «Если ГКЧП будет действовать в рамках Конституции, то мы станем поддерживать. Если не в рамках Конституции, тогда извините».

Когда мне расшифровали текст моего последнего публичного выступления, я прочитал его и даже изумился: а чего так долго искали пленку, зачем ее скрывали? Ничего нет там крамольного! С точки зрения сегодняшнего дня сказанное тогда мною кажется рутиной.

Но раз было по этому поводу столько шума, и выступление неоднократно цитировали и верно и неверно, стоит вкратце его привести:

«Прежде всего, почему Комитет был образован в субботу, и почему было принято такое решение. Двадцатого августа должно было начаться подписание Союзного договора. С его подписанием

Союз Советских Социалистических Республик прекратил бы свое существование. Речь идет даже не о том, что вместо федерации мы получили бы конфедерацию. Но если бы подписали только три республики (а так планировалось: три-четыре республики на первый раз), то оставшиеся республики, в том числе те шесть, которые не собирались подписывать договор, оставались бы в составе Союза Советских Социалистических республик.

И у нас после 20 августа образовалось бы два государства — новое: Союз Советских Суверенных Республик и старое: Союз Советских Социалистических Республик. Республики, что оставались в составе Союза Советских Социалистических, имели бы полное право собраться вместе и распустить Союз.

Несмотря на неоднократное обращение внимания, в том числе и достаточно компетентных юристов, реакции на это никакой не было. Проблемы оставались. Россия, Казахстан, Узбекистан, Таджикистан ушли бы в Союз Советских Суверенных Республик — было бы образовано новое государство, а оставшийся Союз Советских Социалистических Республик мог бы быть распущен. Это первое.

Второе. Тот проект, который пытались подписать 20 августа, не был утвержден Верховным Советом, поскольку те изменения, которые в него предлагались, внесены не были. Он не был подтвержден и Верховным Советом Российской республики, который принял решение выносить договор на подписание только после повторного рассмотрения и утверждения.

То есть опять группа людей, облеченная' государственными полномочиями, пыталась вне парламента совершить подобный акт. Вот почему это произошло вчера, а не послезавтра или через неделю.

Третье. Если брать экономическую сторону вопроса, то мы шли к катастрофе. Все это знали, но мер практически никаких не принималось. Сокращение производства нефти на 60 млн. тонн, угля — на 100 млн. тонн — это в сущности нехватка энергетических ресурсов для проведения даже зимы средней степени сложности. Произошло общее падение производства — на 12%, продуктов питания — на 14—15%.

И падение продолжалось. Таможенные барьеры, которые разорвали все экономические связи между регионами, препятствовали поступлению продовольствия в другие республики.

Украина полностью запретила вывозить продукты со своей территории. Эстония, наоборот, повысив цены у себя, живет припеваючи, потому что все везут в Эстонию товары, чтобы там их реализовать по повышенным ценам, а эстонцы едут в

окружающие регионы, чтобы покупать товары по пониженным ценам.

Несколько наших товарищей отправились в Азербайджан с тем, чтобы организовать доставку оттуда овощей. Стоимость провоза одного трейлера с фруктами 30 тысяч рублей. Взятки на постах ГАИ. Прямо конкретно называют суммы: на каком посту 5 тыс. рублей берут, на каком — 3 тыс. за провоз и т. д.

На Севере продукты питания практически завезены где-то в пределах 40%. На Сахалине, который, к сожалению, наше телевидение так активно пропагандирует, на Камчатке уровень обеспечения продовольствием ниже, чем в годы Великой Отечественной войны. Все это видели, об этом неоднократно говорили, однако решительных мер по стабилизации в стране не проводилось.

Если взять нашу Российскую республику, при бюджете в 124 млрд. рублей дефицит — 80 млрд. По самым скромным подсчетам, дефицит российского бюджета должен составить 100-110 млрд. рублей к концу года. Это в условиях, когда раздавались всякие обещания.

Берем политическую ситуацию в стране. В первую очередь у нас в России был принят курс на свертывание всех демократических процессов. Пример — Москва. Полная ликвидация представительных, избранных народом органов власти и установление жесткой исполнительной структуры с одним только выбранным человеком во главе. И указ о департизации — это свертывание работы общественных организаций по существу. Конечно, направлено в первую очередь против нашей партии, но формулировки никто не менял. В любой момент его можно повернуть против любой общественной организации.

Все моменты означали развал государства — это самое главное, потому что государство наше создавалось не только после 1917 года. Оно создавалось тысячелетиями.

В результате нарушается не только равновесие внутри нашей страны (а это могло привести и, безусловно, привело бы к югославской ситуации, поскольку сразу бы стал вопрос о границах, о разделе имущества и т.д.), это нарушает равновесие и в геополитическом масштабе.

Экономический кризис, из которого, к сожалению, несмотря на все заверения руководства страны и республики, выхода не находили.

И последнее. Свертывание процесса демократизации, которое неизбежно привело бы к авторитарной форме правления.

И по существу. Насколько я понимаю, Государственный

комитет по чрезвычайному положению ставит перед собой цель не свертывание перестройки, а возврат к тем целям, которые были поставлены в 1985 году. Поэтому в Обращении есть призывы к предпринимателям, частному сектору с просьбой поддержать Комитет по чрезвычайному положению, его акции. То есть реформы будут продолжаться. Ситуацию надо рассматривать просто как замену персонального правления на коллективного руководителя.

Через десять дней — крайний срок — соберется сессия Верховного Совета СССР, которая или подтвердит или не подтвердит — это уже сессия будет решать — полномочия этого Комитета. Или расширит его или реорганизует — это будут уже решать депутаты. Хочу еще раз подчеркнуть, что все делается в строгом соответствии с Конституций — статья 127.3 Конституции СССР и статья 2 Закона о правовом режиме чрезвычайного положения.

Статья 127.3 предопределяет, при каких условиях вводится чрезвычайное положение и кто имеет право его вводить, а статья 2 конкретизирует порядок. Надо подчеркивать всячески, что все действия Комитета должны осуществляться в рамках Конституции и существующих законов, и при этом условии мы с вами будем их поддерживать.

Поскольку чрезвычайное положение есть чрезвычайное положение, оно, естественно, предопределяет, хотим мы или не хотим этого, определенные чрезвычайные достаточно жесткие меры».

...Пленку, как известно, тогда не нашли. Следствие опросило 260 человек, присутствовавших на этой встрече. Все, кроме двух, привели по памяти мою заключительную фразу: будут действовать в рамах Конституции — поддержим, не будут — поддерживать не станем.

Были ли правы те двое, что утверждали, что я содействовал ГКЧП? Ведь я действительно говорил, что соглашения, которые будут приняты по новому Союзному Договору, фактически Союз ликвидируют; говорил, что в стране надо поддерживать порядок.

28 августа 1991 года я подготовил статью в «Правду», где писал: «Я считаю, что это был политический спектакль, специально спланированный для того, чтобы подорвать партию, разрушить военно- промышленный комплекс и ослабить в значительной мере армию и правоохранительные органы. Все это было решено очень быстро, по существу — одним актом». Вот моя оценка ГКЧП и его действий, которую я тогда дал. Теперь так говорят очень многие.

Статью опубликовали только в конце октября как интервью...

В ноябре 1991 года я стал безработным. А еще 4 октября того же года я, моя жена Тамара и сын Дмитрий начали строительство собственного дома в подмосковной деревне, где ранее жила бабушка и другие родственники Тамары.

Это было время, когда строительные материалы не покупались, а добывались. И здесь помогали люди, многих из которых я ранее не знал, с другими были просто мимолетные встречи. Сруб мне собрали в совхозе «Красное Сормово» за Волгой, кирпич помог купить главный инженер кирпичного завода в Белых Столбах, когда узнал меня в длиннющей очереди. То же произошло, когда получал разрешение на провоз материалов. И таких примеров можно привести множество. Значит, работая в Москве, оставил у этих людей добрую память.

Жили, когда строили (а приезжали обычно на три дня — пятницу, субботу, воскресенье) в старом доме Тамариной бабушки. Он врос в землю в буквальном смысле слова, так как лаги сгнили и половые доски лежали прямо на земле. Из всех щелей дуло. Спали мы в свитерах, и по утрам были случаи, когда примерзший рукав приходилось отрывать от стены. После работы нас ждали «ножки Буша» и бутылка водки, а затем прогулки по морозному воздуху.

Радовались каждому купленному кирпичу, каждой прибитой доске. Дом процентов на семьдесят построили сами, только потом, приглядевшись к нам, стали помогать деревенские жители. Колодец выкопали, насос наладили, баньку соорудили. Сад подрос.

Дом, как известно, быстро не делается, особенно деревенский. То тут надо что-то прибить, то здесь подправить. Наконец, как мне казалось, мы закончили. Крепкий дом, удобный. И красивый. Осталось только наличники покрасить.

Это было жарким летом 2002 года. Уехал я утром в Москву, а вечером звонит жена: «Юра! Дом сгорел!» Слава богу, хоть все живы остались.От тюрьмы и от сумы не зарекайся. Тюрьма меня миновала. А сума? Нельзя надеяться на случай. И стал я строить дом заново. Вот и внуки подрастают, надеюсь, тоже помогут.

А сына своего я назвал Дмитрием — в честь Дмитрия Донского, Великого Князя Московского и Владимирского — честно и мужественно служившего Родине. Мысли об этом двигали и двигают мною все это время. Я был и остаюсь патриотом своей страны. А Дмитрий Донской — это собиратель земли русской. Государственник.